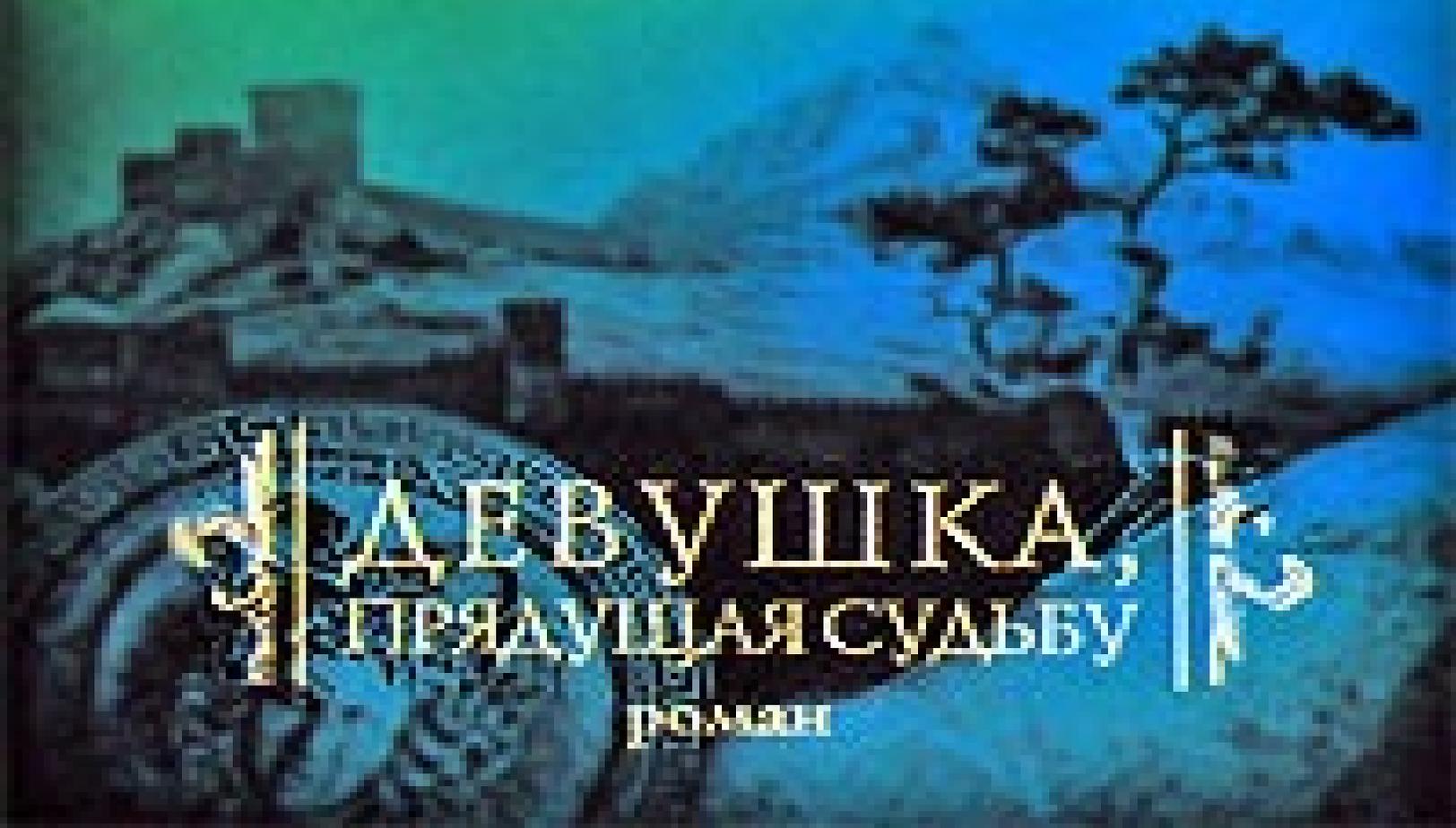

НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

ТАЙНЫЕ

ЗНАКИ
СУДЬБЫ

ДЕВУШКА,
ПРЯДУЩАЯ СУДЬБУ

РОМАН

Annotation

Маленький курортный город сладко пахнет переспелой черешней, тихо лижут камни набегающие на берег волны, круглолицая румяная продавщица продает на бульваре мороженое... С первого взгляда и не угадаешь, что скрывается за сонным покоем провинциального городка. А там всю кипят темные страсти: жажда власти и чужой силы, зависть и ревность... Инга знает, что мужчина, которого она уже успела полюбить, и девочка, его дочь, оказавшиеся в эпицентре событий, беззащитны перед лицом мистических сил. Разобраться в ситуации и спасти две живые человеческие души может только она – девушка, прядущая судьбу.

- [Наталья Калинина](#)

- [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
-

Наталья Калинина

Девушка, пряduщая судьбу

– Лиза! Лиза, ты где?

Алексей уже минут двадцать рыскал по дому в поисках так невовремя пропавшей дочери. Черт побери эту Лизкину странность: исчезать в самый неподходящий момент! Впрочем, разве могут быть подходящие моменты для таких исчезновений?

– Лиза, доченька! Ну где же ты? Папа очень спешит...

Впрочем, уже не спешит. Они с Лизой опоздали. Дальше можно не торопиться.

Алексей поднялся на второй этаж и еще раз прошелся по пустым спальням. Похоже, он уже стал привыкать к тому, что его восьмилетняя дочь иногда без объяснений исчезает, а потом молча появляется откуда-то с самым невозмутимым видом и насмешливым прищуром: «Ну что ты, папа? Испугался? А я вот она! Никуда и не пропадала!»

В первый раз, когда дочка пропала, он чуть с ума не сошел. На уши поставил и домработницу, и охрану, и, наверное, всех встретившихся ему на улице людей. Тогда он еще не знал, что Лизка прячется только в доме.

– Лиза, в самом деле! Это уже не смешно! – В голосе Алексея просквозили явные нотки раздражения. Он обошел весь дом в третий, если не в четвертый, раз, а дочка нигде не было.

Где она умудряется так долго прятаться? Алексей был уверен, что знает в своем доме каждый закоулок.

– Лиза?

Дочь обнаружилась в собственной спальне. Она сидела за письменным столом и с невозмутимым видом рисовала в альбоме.

Алексей остановился в дверях детской и перевел дыхание: он только сейчас понял, как сильно волновался, разыскивая пропавшую дочку. И тут же на смену облегчению пришло вполне оправданное удивление: во время своих поисков он заходил в детскую несколько раз. И Лизы здесь, конечно, не было.

– Лиза, где ты была?! Я тебя уже полчаса по всему дому разыскиваю!

Дочка с достоинством прервала свое занятие и с чуть надменным выражением посмотрела на отца. «Никуда я не пропадала! Не видишь, я – рисую!» И даже приподняла за край альбом, демонстрируя изрисованную страницу.

«Ничего не понимаю... Может, я и в самом деле схожу с ума и

Лизкины исчезновения мне мерещатся? Продам дом, к черту!»

– Лиза, рисование – это замечательно, но, черт побери, мы уже опоздали! Ты пошла собираться, и куда ты пропала после этого? Я прождал тебя в машине пятнадцать минут, потом полчаса искал по всему дому! И что я вижу? Моя дочь сидит себе спокойно и рисует! Ты издеваешься надо мной, да?

Дочка, снова принявшаяся с невозмутимым видом что-то черкать в альбоме, хмыкнула и усмехнулась. И все его негодование разбилось об эту ее усмешку – совсем не детскую, так похожую на его собственную. Алексей хотел высказать дочери все, что он думает по поводу ее «выкрутасов», но осекся и, махнув рукой, устало выдохнул:

– Чтобы через пять минут была в машине. И без фокусов!

В машине он закурил. Глядя сквозь боковое стекло на фасад своего дома, уже в который раз подумал, что надо бы продать это некогда счастливое жилище и перебраться с Лизкой из особняка в просторную квартиру. Покупатели найдутся: этот дом, расположенный так близко от моря, многим покажется лакомым кусочком... А может, стоит вообще переехать в другой город, в Москву, например? И там открыть новый бизнес, а для Лизки найти хорошую спецшколу. И зажечь новой жизнью – другой, может быть, немного удачней настоящей, но вряд ли счастливой. Счастливая жизнь у них уже была – еще так недавно...

Хлопнула дверца машины, и дочка устроилась на соседнем кресле. На этот раз Елизавета послушалась и явилась ровно через пять минут, не опоздав ни на секунду. Алексей усмехнулся про себя и завел двигатель. «Лизка, что произошло с нашей жизнью? Что произошло с нами?..» Он бросил короткий взгляд на притихшую дочку и вздохнул.

Родной город встретил ее, словно мать – заблудшую дочь, долгое время скитавшуюся по свету в поисках счастья и в конце концов с израненной обманами и потерями душой вернувшуюся под родное крылышко.

Инга сидела в одной из многочисленных летних кафешек, приютившихся на набережной. Курортный сезон еще только начинался, и поэтому и в кафе, и на пляжах, и на набережной было малоллюдно. Но всего через неделю-две город примет толпы изнуренных затяжной зимой курортников и превратится в шумный муравейник.

Инга окинула любопытным взглядом немногочисленных посетителей кафе. Ее взгляд задержался на влюбленной парочке. Отношения между влюбленными, видимо, находились на начальной стадии развития, когда

обществу друзей и подруг предпочитаешь возможность быть наедине с любимым человеком. Когда в каждом слове, жесте, взгляде партнера ищешь и находишь скрытые клятвы в вечной любви. Когда любая окружающая обстановка кажется романтической – будь то морское побережье, пыльная многолюдная магистраль или подобная дешевая забегаловка. И когда кормить друг друга с ложечки мороженым кажется невероятно сексуальным. Впрочем, возможно, эти молодые люди – молодожены и у них самое начало медового месяца.

Инга улыбнулась про себя, мысленно пожелав парочке как можно дольше сохранить пылкость в отношениях, и перевела взгляд на деваху за соседним столиком. Девушка с таким воодушевлением уплетала шаурму, что Инге тоже вдруг захотелось купить себе вместо сока и мороженого шаурму и с таким же аппетитом есть ее, запивая холодным пивом. Деваха, видимо, почувствовала на себе взгляд и недовольно глянула на Ингу, и та, смутившись, поспешно отвернулась.

Сколько же лет она не была в своем городе? Уже и не вспомнить... Стыдно, но каждое лето она, изменяя родному побережью, отправлялась отдыхать на чужестранные курорты. Избалованная «столичная штучка», как наверняка назвал бы ее кто-нибудь из стародавних школьных подружек.

Город простит, как мать – непутевую дочь, вернувшуюся в семейное гнездышко залечивать опаленные крылышки. «Мама, ты простишь?..» – «Главное, что ты вернулась, доченька...»

Ей было одновременно и хорошо, и грустно. Слишком серьезные потери пришлось пережить совсем недавно. И неожиданно близким оказался город, который она когда-то оставила ради столичной суеты.

Инга закурила и вытащила из сумочки зазвонивший телефон.

– Да, Вадим?

Брат интересовался, как она добралась и обустроилась.

– Все в порядке, Вадька. Сняла флигелек у любезной старушки. Сейчас вот сижу в кафе, дышу свежим воздухом и люблю море. Можешь завидовать!

– Уже завидую, – усмехнулся брат. Ему-то вряд ли удастся этим летом выбраться в отпуск на море: в его новоиспеченной семье ожидается прибавление.

– Как Лариска?

– Да ничего, нормально. – Обычный ответ Вадима. – Привет тебе передает. Инга, ты там будь внимательной, а то мало ли...

– Вадим, что может со мной случиться в *нашем* городе? – засмеялась она, бросая короткий взгляд на девушку с шаурмой, которая, совершенно не

стесняясь, с интересом прислушивалась к ее разговору. – Это ты будь внимательным! Лариске забота сейчас как никогда требуется!

– А то я не знаю, – буркнул он, будто обиделся на то, что сестра посмела заподозрить его в невнимательности к беременной жене. – Обойдемся без наставлений, Инга.

– Я как старшая сестра могу позволить себе подобные наставления!

Вадим с усмешкой напомнил:

– Ты старше меня всего на пятнадцать минут!

Его всегда забавляло, что сестра упорно считает себя старшей, хотя они двойняшки.

– Но все же старше, – припечатала Инга и еще раз наказала: – С Лариской будь сама забота и внимательность!

– Инга!..

– Что «Инга»? Я уже двадцать девять лет Инга! Все, пока! Целую. – Она засмеялась и нажала «отбой».

Разговор с братом, как всегда, поднял настроение. «Между нами особая Связь», – часто повторяла она. И всегда чувствовала, что происходит с Вадимом, даже если он находился на расстоянии. Чувствовала...

Она вздохнула и загасила в пепельнице окурок. Теперь она другая. Не слабая, но бессильная.

– Извините, не угостите сигареткой?

Инга подняла глаза и увидела перед собой девушку – ту самую, которая с таким аппетитом трескала шаурму.

– Да, пожалуйста, – вежливо протянула ей пачку Инга.

Девушка поблагодарила, закурила и неожиданно присела за столик:

– Вас зовут Инга? Вы – Инга Дохновская?

– Да, – ответила Инга, удивленно глядя на незнакомку.

– С ума сойти! – Девушка всплеснула руками и засмеялась. – Ну надо же! А я-то думаю, мерещится мне или нет! Сижу и гадаю. А как услышала твой разговор по телефону, так все сомнения и отпали: брата ты Вадимом назвала! Глазам не верю: передо мной Дохновская собственной персоной!

Девушка, не скрывая своей радости, тараторила и тараторила под вопросительным взглядом Инги.

– Не узнаешь, Дохновская? Ой, неужто я так изменилась! Ну, раз не узнаешь, значит, богатой буду! – развеселилась девушка. – Ну же, милая, вспомни, кто на страже стоял, пока вы с Вадькой черешню с соседских деревьев обрывали? И к кому ты приревновала Серегу Носова, потому что он на дискотеке пригласил на танец не тебя? И с кем ты потом

придумывала различные способы отделаться от этого же Сереги, потому что у тебя любовь к нему прошла, а он, наоборот, воспытал к тебе чувствами?

– Черешню мы с Вадькой тогда оборвали бы всю, если бы он так некстати с дерева не навернулся! Серега Носов тебе на фиг не был нужен, потому что ты сохла по моему брату! Машка! Пустовалова! – воскликнула Инга, признав в этой «девушке с шаурмой» подругу детства, с которой не виделась уже добрый десяток лет. Воскликание было таким громким, что на него обернулись влюбленные «голубки».

– Она самая! – воскликнула еще громче, смеясь, Маша. – Только я уже давно не Пустовалова, а Грачева! Замуж выскочила на втором курсе! Впрочем, теперь я снова Пустовалова, потому что развелась. А ты фамилию сменила?

– Нет, – скромно улыбнулась Инга. – Я не выходила замуж.

– Ну и правильно, чего там делать? – горячо одобрила разведенная Мария и снова радостно затараторила: – Уж и не думала, что мы с тобой когда-нибудь встретимся! А ты совсем красавица стала! С блеском, с лоском! Вот что значит – столичная жительница! А мы вот тут... – Мария сокрушенно вздохнула, выказывая недовольство собственной внешностью и легкую зависть к привлекательности столичной подруги.

Инга лишь усмехнулась про себя: видела бы ее Машка месяца три-четыре назад, изможденную болезнью, уж точно не стала бы завидовать ее «лоску и блеску». Разве что пожалела бы.

– Я тебя не сразу узнала, потому что ты волосы в черный цвет перекрасила. Ты ведь светло-русая, насколько я помню.

Машка придиричиво оглядела длинные волосы Инги. Сложно поверить, что крашенные, настолько они выглядели натуральными и ухоженными.

– Мне всегда хотелось быть брюнеткой, – пояснила Инга.

Мария с недоверием протянула:

– Странное желание... Обычно все хотят быть блондинками. – И со значением накрутила на палец собственную выбеленную краской прядь. – А ты сюда как, совсем приехала или просто на море?

– Просто на море, – сказала Инга, мысленно пожелав, чтобы подруга не спросила, почему она столько лет не появлялась в родном городе, а приехала лишь сейчас. На этот вопрос она и сама не знала ответа.

Но Машка только поинтересовалась, на какой срок приехала Инга.

– Как получится, – уклончиво ответила та. – Пока на месяц, а там видно будет. Может, на все лето задержусь, а может, и раньше уеду.

– Ишь ты! – присвистнула Маша. – А как же работа? Ведь, если я

правильно вас, москвичей, понимаю, вы просто повернуты на своих должностях и карьерах. В отпуск на все лето вряд ли уходите.

– У меня свободный график, – загадочно усмехнулась Инга. Пустовалова сейчас, как пить дать, начнет расспрашивать, что же у нее за работа такая.

Но Маша, дабы не ударить в грязь лицом перед столичной подругой, сама обо всем «догадалась» и со знанием дела кивнула:

– А-а, понятно. Свой бизнес, да? Салон красоты? Или магазинчик держишь?

– Скорее – салон красоты, – развеселилась Инга. Знала бы Машка, чем она на самом деле до некоторых пор занималась!

– Вот что значит – столица. Совсем другая жизнь! Не то что тут у нас... Я вот торговое училище окончила. И то считаю, что все у меня удачно – я с образованием да при постоянной работе. Устроилась в продуктовый магазин! На весь год работой обеспечена, а то ведь многие у нас лишь летом могут зарабатывать – на курортниках. В сфере обслуживания, там, сдавая комнаты или продавая овощи-фрукты со своих огородов. Да что тебе рассказывать! Помнишь, наверное, ты эту жизнь! Зато воздух у нас свежий!

– И солнце есть, – с улыбкой поддержала Машку Инга. – И море.

– Ну, давай рассказывай, рассказывай о себе! Как ты там, в столице, живешь? – с жадным интересом поторопила ее Мария. – И как брат твой? Я знаю лишь то, что вы с Вадимом уехали в Москву в институты поступать, а как дальше ваша жизнь сложилась – не знаю.

– Да неплохо вроде. Вадим в банке работает, ему повышение обещают в скором времени. Я на психолога выучилась. У меня небольшая частная практика. Я слишком свободолобивой оказалась, чтобы ежедневно торчать в офисе с девяти до шести! Или ленивой, – засмеялась Инга. О том, что до недавнего времени совмещала практику психолога с «ведьминской» (как, смеясь, шутил брат), она умолчала.

– О, так ты значит – психолог! А мне про салон красоты пять минут назад заливала! – немного обиделась Маша.

– Ну а чем кабинет психолога не салон красоты? Салон душевной красоты. А внутренняя красота и на внешности отражается.

– Резонно, – согласилась Мария и попросила: – Расскажи мне о Вадьке! Все же моя первая любовь как-никак... Холостует или уже женился?

– Женился – совсем недавно, в конце апреля. Скоро ребенок должен родиться.

– Ох, здорово! Ну, счастья ему и его семье!

Инга улыбнулась и предложила подруге заказать по чашке кофе и десерту, но та, спохватившись, отказалась:

– Ох, нет уже, Инга! Я совсем о времени забыла! Встретила тебя так неожиданно и заболталась. А у меня сын еще без ужина где-то бегает с соседскими ребятами! Пойду искать его и кормить. У меня сын уже взрослый какой! Осенью в школу пойдет!

Прежде чем уйти, Маша предложила Инге встретиться вечером:

– Мы сегодня с подружками маленький междусобойчик устраиваем. Выход, так сказать, в свет. Нас трое. Раз-два в неделю мы обязательно собираемся вместе и идем в ресторан или гуляем по набережной. Так, болтаем о том о сем, иногда мужикам глазки строим, – кокетливо хохотнула Маша. – В общем, приходи сегодня часам к десяти в ресторан «Морской». Это на набережной, где раньше ресторан «Советский» был, помнишь?

– Помню, – с ностальгией улыбнулась Инга. Город детства продолжал заботливо подкладывать ей нужные пазлы, постепенно воссоздавая картину ее жизни здесь. Встреча с подругой детства, ресторан «Морской», который раньше был «Советским»... Воспоминания, захлестывающие душу подобно морскому прибою, латали и залечивали раны-прорехи. Для полного погружения в мир детства не хватало только соседского сада, в котором черешня всегда казалась крупнее и слаще.

– Ну так придешь, а? Я тебя с девчонками познакомлю! Поболтаем о жизни.

Маша просила так настойчиво, что Инга не могла отказать.

...Со стороны могло показаться, что эти два человека пришли в ресторан, чтобы, подобно другим посетителям, насладиться хорошей кухней и ленивым, ни к чему не обязывающим разговором за размеренным ужином с шашлыком и терпким вином.

– Есть новости. Она в городе.

– Когда приехала?

– Вчера вечером.

– Хм... – Пожилой мужчина отложил вилку и неторопливо промокнул рот салфеткой. – Почему я узнаю об этом только сейчас, почти сутки спустя?

Его собеседник виновато опустил глаза и еле слышно пробормотал:

– За этот период не произошло ничего такого, что могло бы...

– Послушай, дорогуша, – мужчина бесцеремонно перебил второго, младшего по возрасту, и раздраженно швырнул салфетку. Наклонившись

через стол к своему собеседнику, он с елейной интонацией в голосе зашептал: – Твоя роль – исполнительный наблюдатель. Увидел – доложил, увидел – доложил. И так далее! А делать выводы, произошло или не произошло «ничего такого», буду я. И только я! Мне нужна точная и своевременная – слышишь? своевременная! – информация. Это понятно?

Второй человек еле слышно пробормотал слова согласия.

– То-то же! Твоя задача – наблюдать и докладывать мне. О любых, даже мало значимых происшествиях или отсутствии оных. И при этом быть тише воды ниже травы, чтобы ни одна душа даже мысли допустить не посмела о наличии слезки. Это ясно? Проколешься – сгною.

Прошептав ласковым голосом свои угрозы, старший собеседник медово улыбнулся и подозвал крутившегося неподалеку официанта:

– Голубчик, принеси-ка нам по порции пломбира!

Дружеский, почти семейный ужин, да и только...

II

Судя по застывшему на лицах барышень ожиданию, смешанному со жгучим любопытством, Мария успела поведать своим подругам, что к ужину бонусом прилагается знакомство с ее давней приятельницей. Столичной штучкой. Ее и ждали – как столичную штучку, с некоторым ревностным вызовом в любопытных взглядах. Мы, мол, тоже не лыком шиты и красотой не обделены.

Маша, увидев Ингу, энергично замахала рукой, а остальные девушки за столом расцвели радушными улыбками. «Вэ-элкам!»

– Добрый вечер! – Инга подошла к столику с лучезарной улыбкой.

Три подруги тут же окинули ее с ног до головы быстрыми оценивающими взглядами, какими женщины встречают другую женщину. Взгляды привлекательных самок, определяющих привлекательность другой самки.

– Добрый вечер!

– Привет!

– Добрый!

Девушки заметно расслабились. Новая самка хоть и была привлекательна, но одета была в слишком уж скромную «шкурку» – неброский, на их взгляд, сарафанчик. Легкое разочарование во взглядах сменилось торжеством: не соперница. По крайней мере, не на этот вечер.

– Девочки, знакомьтесь! Это – Инга, моя подруга детства, которая сейчас живет в Москве, – почти торжественно представила Маша вновь обретенную приятельницу. – А это, Инга, мои подружки. Таисия, или можно Тая, и Анна.

– Лучше – просто Аня, – одна из девушек скромно улыбнулась.

– Очень приятно, – вежливо сказала Инга и присела на свободный стул рядом с Машей.

Ее приняли. Настороженность, в первые минуты встречи мелькавшая во взглядах новых знакомых, исчезла уже после первых бокалов терпкого вина. Южные знакомства завязываются быстро и непринужденно, даже если предполагают не скоропалительный, пламенеющий страстью роман, а сезонную женскую дружбу.

Они были очень разными – эти три подруги, начиная с внешности и заканчивая характерами.

Легкая на подъем Мария готова была к приключениям и флирту в

любую минуту, и эта готовность отражалась и в ее легкомысленном наряде, и в озорном блеске глаз, и в чуть более громком, чем требуют приличия, смехе. Но, однако же, ее сильное желание нравиться не выглядело смешным. Мария рискованно балансировала на границе, отделяющей умеренность от излишества, но не оступалась в сторону вульгарности.

Таисия предпочитала более скромную, но подобранную со вкусом одежду и неброский макияж. Среди своих подруг она занимала «золотую середину»: спокойная, рассудительная, не обделенная здоровой иронией. В ней было в меру «правильности», проявлявшейся скорее в виде безобидных подшучиваний над ветреностью Марии и ханжеством Анны, чем в поучениях.

И, наконец, Анна. Испуганный серый мышонок или кроткая овечка... Не сказать, что она была некрасива, скорее слишком неприметна. Видимо, ее застенчивость, разросшаяся до глобального комплекса, превратилась в параноидальное желание сделаться невидимой для окружающих: об этом честно говорило и длинное старомодное платье синего цвета, и завязанные в скучный хвост тусклые волосы, и отсутствие малейших признаков макияжа на простоватом личике.

Но, несмотря на такую разность, подруги удивительным образом дополняли друг друга, словно каждая из них была лишь третьей одной цельной картины. Даже беседуя, они договаривали друг за друга, привнося в общий разговор индивидуальный колорит.

– Ох, девчонки, ка-акой вон мужчина-а! Мама родная, держите меня! – эмоциональная и любвеобильная Мария по-простецки ткнула пальцем в сторону понравившегося мужичка за столиком в противоположном углу ресторана.

– Вот именно, что «мама родная», – спокойная и немного флегматичная Таисия скептически усмехнулась, тем самым красноречиво вынося вердикт и внешности мужчины, и вкусу подруги.

– Девочки, ну не так же громко! На нас уже смотрят. Ой, он оглянулся! – испуганно шикнула на подруг скромная и пугливая Анечка (почему-то Инге хотелось звать ее именно «Анечкой»: должно быть, за овечью кроткость в светло-карих глазах и смущенный румянец).

– Оглянулся? – Машка тут же, к вящему неудовольствию Анечки, бросила меткий взгляд на облюбованный столик и призывно улыбнулась вмиг подобравшемуся плейбою местного разлива.

– Машка, сама потом от него отделяваться будешь. Мы умываем руки, – предупредила Таисия, а Анечка покраснела в возмущении.

– Зануды! – весело припечатала Машка.

Инга лишь улыбнулась.

Город словно вдыхал в нее новую жизнь. Или, точнее сказать, давно забытую старую. Ту, в которой были абрикосы с медовыми капельками сока на месте разлома; нелегально ободранная соседская черешня; связки высушенных морских бычков; загадочная сезонная популяция курортников, стекающаяся сюда из другой – северной – жизни; мелкие несерьезные ссоры с братом и следующие за ними серьезные примирения; бабушкина улыбка, когда улыбались не только ее губы, но и глаза, и каждая морщинка на высушенном солнцем и жизнью лице. Та жизнь, как ей казалось, давно закончилась и навечно осталась в далекой стране детства, куда нельзя купить обратный билет, а путешествовать можно лишь транзитным туристом: с помощью чуть стертых воспоминаний и искажающих действительность снов. И вот сейчас ей словно чудесным образом достался последний билет на самолет, пролетающий над страной детства.

– Инга, а ты замужем? – Вопрос, довольно бестактный, был задан Таисией с неподдельным интересом.

В атмосфере сезонной курортной дружбы, темного, как южная ночь, вина, соленого, пахнущего флиртом ветра и раскаленного любовной страстью песка любые отношения стремительно становятся на короткую ногу и вопросы не кажутся бестактными.

Из трех подруг замужем была только Таисия.

– Нет, – скромно ответила Инга.

О-о, узнай эти ее новые приятельницы о ее последнем романе, они совершенно с другим интересом посмотрели бы на «столичную штучку». Они бы красноречиво промолчали в ответ, маскируя недоумение запоздалыми натянутыми улыбками, и сгорали бы от нетерпения обсудить «эти аморальные столичные нравы», как только ее не будет поблизости.

– Да что там, замужем, делать? – «Сходившая замуж» Мария теперь задорно-легкомысленно высказывала «фи» кольцам на безымянных пальцах и штампам в паспортах, отдавая предпочтение ни к чему не обязывающим ресторанным флиртам и, изредка, коротким курортным вспышкам страсти.

– Вопрос не в том, что делать замужем, вопрос в том, чтобы *быть* замужем. – Таисия, определенно, с фанатичным рвением поклонялась культуре брачного штампа в паспорте.

– Вопрос даже не в том, чтобы *быть* замужем, вопрос в том, чтобы желать создать семью, – тихим голосом провозгласила свою истину Анечка.

Инга невольно улыбнулась: вот уж для кого семья была бы и Библией, и священным храмом. Но скромная Анечка с ее домостроевской покорностью в глазах слишком уж отчаянно смущалась своего простоватого личика и мышиного цвета волос, чтобы представлять интерес для местных скучных мужичков, не говоря уж о заезжих плейбоях.

Инга не стала вступать в полемику. Ее внимание привлекли музыканты, которые закончили устанавливать свое оборудование на ресторанной концертной площадке и теперь пробовали звук.

«Живая» музыка в ресторанах и кафе – обязательный атрибут приморских городков. Обычный репертуар – выходящие из моды попсовые хиты, чередующиеся с прокуренным шансоном и бессмертным лидером курортного хит-парада – «Владимирским централом».

Музыканты закончили последние приготовления, и на площадку вышла певичка. Инга бросила на сцену равнодушный взгляд и повернулась к новым приятельницам: Машка как раз начала под одобрительное хихиканье девчонок рассказывать какую-то смешную байку. Но и Машкин рассказ, и смех подруг тут же потонули в первых аккордах до боли знакомой музыки. Инга вздрогнула от неожиданности и, совершенно не беспокоясь о том, что покажется невежливой, отвернулась к сцене, намертво приковав взгляд к певичке.

...Вот уж не думала, что столичные новомодные веяния так быстро докатятся до провинциальных черноморских городков... И что в репертуаре местных музыкантов рядом с попсой и шансоном может соседствовать другая музыка. Каждая нота, каждое слово впивались в душу беспощадными гвоздями, оставляя кровоточащие раны. Популярность Лёки и впрямь движется семимильными шагами, раз ее песни, лишь недавно прозвучавшие в столичных эфирах, уже перпевают провинциальные певички – отчаянно фальшивя, неправильно расставляя акценты, с надрывом выводя верхние ноты, отчего исчезает простая Лёкина искренность. И все же, все же... Эта песня – отрезвляющее, как февральский ветер, напоминание о том, что еще совсем недавно было реальностью.

Ей, этой певичке, просто катастрофически не идет эта песня. Не для ее голоса, не для расшитого люреksom топа, еле прикрывающего полную провинциальную грудь, не для выбеленных перекисью кудрей, не для жеманно-пухлых губ, с неискренней тщательностью выговаривающих каждую букву... Инга, на мгновение прикрыв глаза, вспомнила Лёку: ее подростковую угловатость, вздернутый подбородок и магию сильного гибкого голоса. Лёкины песни в ее исполнении не были песнями, они были

сокровенными мыслями, тайной болью, протестом, спекающимся с отчаянием. Ее песни были и остаются ее душой, которой она интимно делится со слушателем. Маленькая взрослая девочка, так долго не верившая в свой талант и собравшая сейчас самые сливки признания и славы. Девочка, которая на алтарь своего таланта положила самое ценное, что у нее тогда было, – любовь. «Инга, ты меня простишь?..»

– ...Инга? Инга, ты чего?

Она, сморгнув, пришла в себя после недолгого наваждения и выдавила улыбку. Новые приятельницы взирали на нее с беспокойством.

– Инга, что-то случилось? Ты как будто... выключилась, – Машка не стала церемониться в вежливых расшаркиваниях и сразу в лоб выдала свое волнение.

– Нет, ничего не случилось. Просто музыка... Она мне очень нравится. Любопытно, эта песня только недавно появилась в эфире, а ее уже исполняют здесь.

– А то! – гордо и с неким вызовом повела плечами Машка. – Что ж, думаешь, у нас тут совсем глухомань? И, кроме «Ой, цветет калина...», мы ничего не поем и не слушаем? Обижаешь, подруга!

Инга в ответ на Машкино заявление лишь молча улыбнулась. Да и что она могла сейчас сказать им, временным, как и ее пребывание в городе, приятельницам, о своем настроении, навеянном этой так неожиданно услышанной песней? Или ничего, или очень много. Слишком много.

...Мария неожиданно вызвалась проводить Ингу. Распрощавшись с Анной и Таисией на освещенной площадке перед рестораном, она по-своейски ухватила московскую приятельницу под локоть:

– На какой улице ты остановилась? И у кого?

– На Приморской. Сняла у одной бабульки флигелек, – охотно пояснила Инга. И чуть не высказала вслух внезапно пришедшее желание прогуляться по улицам, по которым бегала в детстве.

Не высказала, потому что Мария опередила ее:

– Можем пойти туда, где ты когда-то жила. Это ведь от меня недалеко. Правда, сейчас очень темно, ты мало что увидишь, но прогуляться можно, если не торопиться.

– Мне некуда здесь торопиться, – сказала Инга, почти принимая Машкино предложение. – А ты разве не торопиться? У тебя ведь сын...

– Спит уже, – беззаботно махнула рукой Мария. – Я его с матерью оставила. Имею право на личную жизнь? Ну так как, пройдемся по местам нашего детства?

– М-м-м, в другой раз, – с сожалением отказалась Инга. – Не сегодня.

Вернее, не ночью. Хочу *видеть*, а не только *понимать*, что нахожусь в уголке своего детства.

– Ладно, – легко согласилась Мария и, чуть помедлив, задала вопрос, который, видимо, мучил ее весь вечер: – Скажи, любезная, а почему ты не приезжала сюда столько лет?

– Сама не знаю, – растерялась Инга. – Я приезжала – давно. Очень ненадолго. Навещала бабушку, пока та была жива. А потом как-то... Наверное, боялась, что родной город может позвать меня обратно.

– О-о, какая тонкая философия... Оправдания – и только, – заметила Маша.

– Возможно. Стыдно мне! Вадька и то чаще меня бывал здесь.

– И не объявлялся, – проговорила с некоторой обидой Мария. Видимо, ей очень хотелось повидаться со своей первой любовью. – Ты ему хоть привет от меня передай, ладно? Не забудь!

– Не забуду, – пообещала Инга.

– Как тебе мои подруги? – сменила тему Маша. – Понравились?

– Понравились. Давно дружите?

– Ну-у, по-разному... С Тайкой – еще с училища. Мы с ней вместе в торговом учились, в одной группе. Потом замуж вышли, друг за другом, только я вот развелась – еще четыре года назад, а она – трясется над своим браком.

– Я заметила, – улыбнулась Инга и предложила подруге сигарету.

Машка закурила и продолжила:

– Я работаю в продуктовом, как ты уже знаешь. Тайка устроилась в универмаг на полставки, работает по сменам. Ее муж – стоматолог в коммерческой клинике, неплохо обеспечивает семью. Так что Тайка вполне может позволить себе мало работать и больше времени уделять семье. – Тихо вздохнув, Машка добавила: – Эх, был бы у меня муж такой обеспеченный... Не знала бы я проблем!

– А Анна? – поспешно вернула Инга, не дожидаясь, когда Мария примется рассуждать на тему чужой материальной обеспеченности.

– Анька? Она у нас работает в школе, преподает литературу.

– Я почему-то так и подумала...

– А ничего другого подумать и нельзя! – весело поддакнула Мария. – Анька – типичная училка литературы, «тургеневская девушка» с томиком Ахматовой под мышкой. Она – дальняя родственница еще одной нашей подруги, Кристины: то ли сестра троюродная, то ли еще кто... Закончила педагогический, переехала в наш городок года два назад. С помощью Кристины и ее мужа обжилась здесь, устроилась работать в школу. Дружит

со мной и Тайкой. А с кем ей еще тут дружить?

Мария сделала паузу, словно обдумывая что-то, и начала:

– Я с тобой, Инга, кое о чем поговорить хотела... Как я уже сказала, была у нас еще одна подруга – Кристина. Тайкина одноклассница. Тоже с нами поступила в торговое, да потом вышла замуж и учебу бросила. Муж ее, Алексей Чернов, – очень состоятельный человек, «рыбный барон», как у нас его называют. В общем, Кристинка наша очень удачно вышла замуж, отхватила такого мужа, все равно что короля. Ну да и красивая она очень... была.

Мария споткнулась на последней фразе и после недолгой паузы скороговоркой проговорила:

– Кристина умерла от какой-то непонятной болезни год назад. Сгорела так быстро, что врачи ничего не смогли сделать. Рак – не рак, непонятно что... Так и не выяснили. Но я тебе это вот к чему рассказываю. Ты говорила, что стала психологом?

– Ну, вообще-то... – начала было Инга, но Мария, не дав ей договорить, возбужденно затараторила:

– Понимаешь, какое дело... У Кристины девочка осталась. Восемь лет, забавная девчушка, умненькая. Только после смерти матери она онемела. Не говорит ни слова. Алексей Лизу (так зовут девочку) по каким только врачам ни таскал! Сейчас они из Питера вернулись: ездили к какому-то там светиле. Я сегодня днем с Алексеем встретила, так он пожаловался, что от всех этих поездок по врачам толку никакого... Доктора сходятся на том, что девочка онемела в результате психологической травмы, и лишь высказывают надежды, что когда-нибудь Лиза заговорит. От этих обещаний, как сама понимаешь, пользы мало. Алексей расстроен очень. Да и мы, Кристинины подруги, не можем оставаться безучастными к этому горю. Инга, ты не могла бы с этой девочкой увидеться?

Мария спросила прямо в лоб. Инга, никак не ожидавшая подобного предложения, застыла от удивления:

– Зачем?

– Как «зачем»? Ты же ведь психолог? Может, тебе как специалисту удастся...

– Маш, это исключено! – запротестовала Инга. – Во-первых, я не детский психолог. Во-вторых...

Что «во-вторых», Инга не успела придумать, и Мария тут же воспользовалась неуверенностью подружки, истолковав ее по-своему:

– Что «во-вторых»?.. Ты, главное, только согласись, а дальше все вопросы будут улажены! Отец девочки – далеко не последний человек в

нашем городе. Да что там в городе! Во всем крае! Не сомневайся, он щедро заплатит тебе за услуги.

– Машка! Дело не в деньгах! – Инга замялась, не зная, как объяснить Марии причину своего отказа. – Деньги у меня свои есть. В общем, я пока тебе ничего не могу обещать, ты меня своей просьбой застала врасплох.

– Ладно, подумай, – отступила Мария. – Но я бы поговорила с Алексеем, и он бы не отказался от твоих услуг.

– Подожди, Машка, подожди! Не говори с ним на эту тему, пока я не дала согласия. Мне нужно подумать, хорошо?

– Ладно-ладно, – поспешно проговорила Маша. – Только ты постарайся. Одна встреча, не убудет же с тебя!

– Посмотрим, – вздохнула Инга и, увидев «свой» дом, с некоторым облегчением проговорила: – Мы уже пришли.

Прежде чем уйти, Маша взяла с Инги обещание подумать и в ближайшее время дать ответ. Только после этого она успокоилась и радостно, будто приятельница уже ответила согласием, провозгласила:

– Ох, Дожновская, если бы ты знала, как я рада была тебя встретить!

– А я-то как рада, – с иронией отозвалась Инга, намекая на Машину просьбу. И они обе рассмеялись.

III

Алексей проработал за компьютером полночи и уснул, едва коснувшись щекой подушки. В последнее время ему редко удавалось заснуть так быстро. Обычно он долго ворочался в кровати, вставал, спускался на кухню выпить воды, зачем-то бродил по комнате и, только завершив этот долгий «ритуал», наконец-то засыпал.

Погружаясь в сон, он еще успел подумать, что устал быть «рыбным бароном» и что ему хочется продать этот дом, который хранит слишком много воспоминаний, и переехать с дочерью в какое-нибудь другое место. Москва отпадала по той причине, что для девочки, выросшей на экологически чистых продуктах и целебном морском воздухе, столичная загазованная атмосфера не будет полезна. Может, податься куда-нибудь в глубинку – к деревенскому молоку, душистому селу, крепким лошадям?.. Алексей даже улыбнулся наивности подобной мечты, но все же идея эта ему понравилась. А еще можно было бы переехать за границу, туда, где тоже есть морское побережье... Мечты плавно слились со сном, и вот уже Алексей подсаживает смеющуюся Лизу на коренастого деревенского коня-тяжеловоза.

– Не продавай дом! Я не хочу!

Голос, прозвучавший громко и отчетливо, выхватил из сна внезапно, словно резкая трель будильника.

– Лиза? Лизка, ты? – Алексей тут же вскочил.

Голос, разбудивший его, мог принадлежать дочери. Голос, который он уже почти год мечтал услышать... Ему даже не пришло в голову, что Лиза, даже если она чудесным образом заговорила, никак не могла произнести подобную фразу, просто потому что его желание продать дом было *мысленным*.

– Лиз? – Алексей быстро нашарил рукой выключатель настольной лампы и включил свет.

Комната была пуста. А кто еще мог в ней находиться, кроме него самого? Однако Алексей был настолько уверен в том, что сейчас увидит свою дочь, что застонал от разочарования.

Нет, Лизкин голос ему не приснился... Лиза в его сне смеялась, ее занимала крупная добродушная «коняка», а не вопрос о продаже дома. Бред... Слуховые галлюцинации? Видимо, ему настолько сильно хочется услышать дочкин голос, что он ему уже мерещится. Чтобы развеять свои

последние сомнения (или надежды), Алексей поспешно натянул домашние брюки и вышел из комнаты.

Лиза крепко спала, трогательно обнимая во сне уже изрядно потертого плюшевого Тэдди – медвежонка, которого он привез ей из Англии. Алексей немного постоял над спящей дочкой, любуясь ее разметавшимися по подушке черными кудрями и точеным, еще по-детски кукольным профилем. Девочка подрастет и превратится в настоящую красавицу. Маленькая принцесса... Она так раньше и говорила: «Я, когда вырасту, стану принцессой! Правда, папа?»

– Правда, – тихо, с горечью проговорил Алексей и вышел из комнаты.

Вряд ли ему теперь удастся быстро уснуть. Алексей обошел весь дом. «Одинокое привидение патрулирует свои владения», – усмехнулся он собственным мыслям, направляясь на кухню за «ритуальной» чашкой воды. Просыпаясь среди ночи, он всегда испытывал жажду.

Споласкивая чашку, Алексей неожиданно обнаружил в раковине скомканную мокрую тряпочку. Невнимательность домработницы или Лизкина неряшливость? Алексей терпеть не мог кухонные тряпки, которыми моют посуду или вытирают стол, о чем сразу же предупредил домработницу при приеме на работу. Он настоятельно попросил ее не оставлять подобные «интимные» вещи кухонной утвари на виду. И вот, пожалуйста... Брезгливо морщась, Алексей двумя пальцами вытащил из раковины мокрый комок и только тогда заметил, что *это* было вовсе не кухонной тряпкой, а шелковой косынкой его покойной жены. Той самой, которую он подарил ей незадолго до смерти.

Инга проснулась рано, как ни странно, выпавшаяся, несмотря на то что ресторанный «девичник» окончился далеко за полночь.

Ей приснилась бабушка – впервые за последние несколько месяцев. Бабушка иногда снилась ей и через сон, служащий связующим мостком между двумя берегами разных миров – реального и потустороннего, давала ценные советы. В особо трудные моменты жизни Инга сама прибегала к ритуалу на вещий сон, чтобы спросить у бабули совета.

– Ты у меня умная и хорошая девочка, – говорила бабушка и ласково гладила Ингу по заплетенным в косы волосам.

В этом сне Инге было десять лет. Они с бабушкой сидели на веранде своего дома за деревянным старым столом. На клеенчатой скатерти, выцветшей на солнце, стояла огромная миска, полная спелой черешни. Эту черешню Инга якобы нарвала в соседском саду, и бабушка с ласковой улыбкой журила ее за шалость.

– Бабушка, это не моя черешня... – Инге хотелось сказать, что ягоды она нарвала не для себя, а для нее и брата, но бабушка, по-прежнему улыбаясь, перебила ее:

– Правильно, Инночка, это *чужая* черешня.

Бабуля и во сне, и раньше, в жизни, звала ее не Ингой, а Инночкой.

– И не для меня, и не для Вадика ты ее собирала. Ты залезла в чужой сад и собрала ягоды для других людей. И тебе же, Инночка, придется возвращать эту черешню. Ты опять помимо воли сунулась туда, куда не должна была бы соваться.

– Я никуда не совалась, бабушка! – тут же возмутилась Инга.

Она хотела сказать, что это брат подбил ее забраться в чужой сад за черешней, но бабуля опять оказалась проницательной:

– На этот раз, Инночка, Вадим ни при чем. Ты уже взяла его беды на себя – в прошлый раз. Тебе, Инночка, придется отдать это, – бабушка указала сухой ладошкой на блюдо с черешней. – И помни о том, что сорванные ягоды обратно на дерево уже не вернешь. А коли уж ты их сорвала, подумай, как тебе объясниться и с хозяевами, и с теми людьми, для которых ты рвала ягоды, но которым они не должны достаться...

Проснувшись, Инга еще долго лежала в постели, размышляя над увиденным. Бабушка никогда не снилась ей просто так, и все, что она говорила, потом находило свое объяснение. Жаль, частенько бабуля говорила загадками, вместо того чтобы дать прямой совет. Вот и сейчас наверняка хотела предостеречь внучку от каких-то неправильных действий. Сорванная в чужом саду черешня – лишь метафора.

Из всего сна понятным был лишь один момент, уже имевший место быть в недавнем прошлом: «На этот раз Вадим ни при чем. Ты уже взяла его беды на себя – в прошлый раз». Не так давно Инге пришлось распутывать историю, связанную с проклятием, в которой помимо своей воли оказались замешаны брат и его девушка. Вадим бы погиб, если бы Инга не разгадала вовремя старинное предсказание и не нашла способа разрушить проклятие. Да только вот сама она при этом потеряла свою силу и лишь чудом осталась жива.

О чем же бабушка хотела ее предупредить? Куда ей не стоит соваться? Инга непонимающе наморщила лоб. Она и так никуда не суется! Она отдыхает, восстанавливает силы, зализывает сердечные раны. И ей нет никакого дела до чужой черешни, незнакомых немых девочек, Машкиных «рыбных баронов» и снов-знаков. Здесь она не педагог-психолог, не ведьма-ворожейка (лишившаяся, между прочим, силы), а обыкновенная курортница.

Инга решительно прогнала все непрошенные мысли, так же решительно встала и, одевшись, вышла во двор.

– Доброе утро! – с улыбкой поприветствовала она хозяйку, которая с утра пораньше собирала с грядки свежие огурчики на продажу.

– Доброе утро, девочка! – ласково заулыбалась та. – Рано ты встала! Как спалось?

– Хорошо! – бодро ответила Инга и направилась к летней кухне – к умывальнику.

– Дорогая, в кухне на столе увидишь большую миску... – закричала ей в спину старушка. – Мой соседка, услышав, что у меня появилась первая постоялица, решил угостить тебя черешней из собственного сада! Так ты, милая, возьми-то ягодок с собой на пляж! Вкусные!

Инга вздрогнула от неожиданности: опять черешня! Бабушка во сне предупреждала ее... Впрочем, о чем это она? Обычные совпадения уже пытается толковать как знаки.

У нее нет прежней силы, она не может чувствовать и распознавать сигналы. Так неужели она теперь будет с параноидальной мнительностью повсюду выискивать знаки – в память о прежних способностях? Как дезертировавший с поля боя солдат, которому теперь везде мерещится осада...

Умывшись, Инга прошла в летнюю кухню и назло своей мнительности положила в заботливо припасенный хозяйкой пакет три добрые горсти ягод.

Для купания вода в море еще недостаточно прогрелась, но солнце уже щедро дарило тепло и окрашивало легким загаром бледную с зимы кожу лениво развалившихся на пляжных полотенцах пока еще немногочисленных отдыхающих.

Время неторопливо приближалось к полудню. Инга, разморенная солнечными лучами и убаюканная шепотом прибоя, задремала. Ей снилось, что она у себя в квартире, сидит за кухонным столом, виновато понутив голову, а брат, нервно меряя шагами кухонное пространство, за что-то ей выговаривает:

– На тебя вся надежда! Только на тебя! И ты не хочешь помочь мне! Почему ты отказываешься, если знаешь, что только от тебя зависит, буду ли я...

Но что именно хотел сказать ей Вадим, Инга так и не узнала, разбуженная легким, но неожиданным хлопком по спине. Резко сев, она увидела рядом с собой детский надувной мяч. Придержав его ладонью, чтобы его снова не отнесло ветром, девушка огляделась и заметила девочку

лет восьми-девяти. Девчушка стояла в сторонке, не решаясь подойти: видимо, боялась, что ее будут ругать.

– Твой? – с улыбкой спросила Инга, и девочка, все так же не сделав ни шагу по направлению к ней, молча кивнула.

– Держи! – Инга с мячом в руках подошла к девочке. – Он очень красивый!

Девочка молча взяла мяч, застенчиво улыбнулась и вдруг развернулась и убежала. Инга с улыбкой проводила девчушку взглядом и вернулась к своим вещам.

Собираясь домой на обед, она подумала, что, пожалуй, уступит Машиной просьбе и встретится с дочкой ее подруги.

– Какие новости?

Двое мужчин неторопливо прогуливались по полупустому пляжу вдоль кромки воды. Набегавшие на берег волны лениво трогали босые ноги.

– Ничего нового... Ничего не произошло такого... – Ответ был неуверенный, словно человек чувствовал свою вину за то, что новостей нет.

– Вы опять забываетесь, дорогуша, – немедленно перебил первый собеседник вкрадчивым тоном. – Решаю я, но никак не вы. Итак?..

– По ней не скажешь, что она обладает Силой. По крайней мере, на первый взгляд. Она не проявляет себя.

– А что вы хотели, дорогуша? Во-первых, она и не должна идентифицировать себя как мага! Во-вторых, она и сама не знает, какой Силой обладает. Самородок. Ее способности проявились неожиданно, вследствие критической ситуации. То, что она сделала, может сделать лишь маг с редкими способностями и очень большой Силой. Слишком много от нее хотите, милый мой! Вы как тот детектив из комиксов, которому для расследования убийства необходима визитная карточка, оставленная убийцей на трупе.

Второй собеседник заискивающе хохотнул, давая понять, что оценил шутку своего наставника. Однако тот не обратил на его смешок внимания, продолжая с увлечением говорить:

– Я хочу наблюдать, как она развивается, постепенно наполняется Силой, начинает чувствовать ее, удивляться ей, радоваться или, наоборот, пугаться... Это может происходить постепенно, а может – и рывком, под действием какой-нибудь критической ситуации. Но пока я не могу вплотную заняться ею, для этого еще не все готово. Сейчас самое главное следить, чтобы она по неосторожности не навредила себе. Для этого ты,

дорогуша, и приставлен к ней. Если что-то случится, с тебя же первого шкуру и спущу.

IV

Вечер принес неприятный сюрприз. Когда Инга, принарядившись для вечернего выхода, уже собиралась покинуть свое съемное жилище, в дверь тихонько постучали. На пороге стояла хозяйка:

– Девочка, тебя тут спрашивают...

– Меня? Ну, пусть заходят... – Инга немного удивилась. Спрашивать ее могла только Машка, с которой она как раз и собиралась встретиться. Что могло случиться такое, что подруга пришла гораздо раньше назначенного времени и не в условленное место встречи возле памятника морякам-черноморцам, а к ней домой?

– Проходите, проходите, – засуетилась хозяйка, с неожиданной почтительностью пропуская гостью во флигелек.

Но вместо ожидаемой Машки Инга увидела высокого крупного мужчину лет тридцати трех-тридцати пяти.

– Здравствуйте, – озадаченно поздоровалась Инга.

– Здравствуйте. Вы – Инга? – без улыбки, по-деловому спросил мужчина.

Когда девушка ответила утвердительно, он вытащил из кармана сложенный пополам почтовый конверт.

– Здесь – некоторая сумма. Я не знаю, сколько вы берете за прием, но за деньгами дело не станет, главное, чтобы был эффект.

– Простите, – с легкой усмешкой перебила незнакомца Инга. – Я не знаю, кто вы и по какому вопросу ко мне пожаловали.

– Я думал, Мария вас предупредила... – Мужчина озадаченно вскинул брови, но уже через секунду с достоинством представился: – Я – Алексей Чернов, отец Лизы. К сожалению, у меня сейчас мало времени, поэтому я сразу перешел к делу. Когда вам будет удобно приехать?

– А кто вам сказал, что я собираюсь приехать? – усмехнулась Инга и про себя ругнулась на Машку: ведь просила же ее по-хорошему ничего пока не говорить этому Чернову.

– Не понял... – Алексей в недоумении уставился на девушку и, решив, что, возможно, ошибся, еще раз уточнил: – Вы – Инга? Приехали из Москвы?

– Да, я – Инга. И приехала из Москвы. – Этот разговор начал ее раздражать. Она нетерпеливо глянула на наручные часики: на встречу к Машке уже опаздывает.

– И вы – психолог или кто-то там еще...

– Да, и я – психолог. Ну, и «кто-то там еще», – передразнила Инга непрошеного гостя и, сощурившись, высокомерно посмотрела на него: – Скажите, Алексей, вы всегда решаете свои дела вот такими набегами? Нахрапом? Конверт с деньгами на стол – и все дела решены. Так, да?

– Послушайте, я вас попросил... – раздражаясь, сквозь зубы проговорил Алексей. Не таким образом он представлял себе встречу с рекомендованным Машкой «специалистом». Ох, и выскажет он потом Марии все, что думает про ее «рекомендации»! Сказала, что уже обо всем договорилась, что эта девица в курсе ситуации...

– Нет, просить вы еще не начинали!

– А я никогда ничего не прошу!

– Это я уже поняла, – вздохнула Инга и накинула на плечо ремешок сумочки, давая понять незваному гостю, что время его визита истекло.

Алексей смерил ее презрительным взглядом, сунул конверт обратно в карман и, развернувшись, стремительно вышел.

Инга присела на край кровати и шумно перевела дух. Она еще выскажет Машке по поводу ее «протеже»... Инга была не против встречи с девочкой, но на манеру Чернова вести дела не могла отреагировать иначе.

Машка говорила, что его в этих краях именуют «рыбным бароном»? Смешно! Типичный «браток» он, а не «барон». Полное отсутствие интеллигентности и в поведении, и в облике. «Шкаф» два на два, с тяжелой нижней челюстью и коротко стриженным затылком.

Решив, что обходительный «рыбный хозяин» успел уехать, Инга обулась и вышла во двор. Возле калитки ее ожидали Мария и Анна. Вид у подружек был несколько обескураженный.

– Инга, что случилось? – встревоженно спросила Маша, едва Инга вышла за калитку, и указала рукой в сторону пыльной дороги, по которой, видимо, умчался на своем авто Чернов. Анечка, испуганно округлив глаза, переводила взгляд с одной приятельницы на другую.

– Это я у тебя хотела спросить, что случилось, – съязвила Инга. – Это и есть тот самый папаша? Приятный и, главное, очень интеллигентный человек! Сама обходительность... Мария, предупреждать надо о таких гостях! И вообще, я тебя, кажется, просила пока ничего не говорить ему обо мне.

– Извини, я проговорилась Алексею сегодня, – виновато потупилась Мария. – Хотела сказать тебе сейчас, но не думала, что он меня опередит.

– Конечно, мы – пешочком, а он – на машине. Что ж тут удивляться, что он обогнал нас? – Анечка неожиданно показала, что тоже умеет

связзвить.

– Ладно, чего уж там... – Инга вздохнула, примирительно махнула рукой и, меняя тему, поинтересовалась: – Куда пойдём?

– Прогуляемся по набережной, – быстро ответила Мария и с надеждой спросила: – Так о чем вы с Алексеем договорились?

Анну, видимо, эта тема тоже горячо интересовала, потому что она, чуть приоткрыв рот, уставилась на Ингу в ожидании ответа.

– Да ни о чем мы с ним не договорились, – с легким раздражением обронила Инга и, закрывая тему, кивнула в сторону набережной: – Идем?

Алексей вернулся домой разъяренный. Что эта девица себе позволяет? Да как она вообще разговаривает? Он так и видел прищуренный взгляд ее серых глаз – холодный, как сталь, и надменный. Фифа. Тьфу! Избалованная московская стервочка она, а не психолог. Даже если у нее и имеется диплом психолога, то наверняка купленный – богатым папенькой, дядей или любовником. Жаль времени, которое он на нее потратил...

Алексей, отчаянно про себя ругаясь и перескакивая через ступеньки, взлетел на второй этаж.

– Нин Пална! Нин Пална!!! – Его зычный голос наполнил весь дом. И тут же раздались торопливые шаги по лестнице: домработница вышла из своих кухонных хором и спешила узнать, по какому поводу хозяин развопил на весь дом.

– Добрый вечер, Алексей Юрьевич. Вы звали?

– Звал, – рявкнул Алексей и одарил домработницу таким взглядом, словно на ее месте неожиданно оказалась не добродушная пожилая женщина, а московская фифа. – Кофе хочу, Нин Пална.

– А как же ужин?

– Нет, не хочу есть. Кофе сделайте, пожалуйста, я сейчас спущусь. И посмотрите в аптечке что-нибудь от головы.

Он поморщился и потер ладонью лоб. Домработница еле заметно покачала головой, не одобряя отказ от ужина, но настаивать не стала, зная, что это приведет разве что к дополнительной вспышке раздражения хозяина.

– Как Лиза? – спросил Алексей. Не стесняясь пожилой женщины, стянул через голову «шведку» и швырнул ее на кровать.

– Девочка – хорошо. Мы до обеда гуляли с ней по пляжу. После обеда Лизонька немного поспала, потом я накормила ее ужином. Сейчас она в своей комнате – читает.

– Ладно...

В это его «ладно» был вложен многогранный смысл: и удовлетворение, что с дочкой все в порядке, и сокрушение по поводу того, что ему некогда заниматься с ней. И что он даже не может найти своей дочке хорошую постоянную няню, а домработнице, временно взявшей на себя эти обязанности, следует прибавить зарплату.

Нина Павловна расценила хозяйское «ладно» по-своему: деликатно удалилась из комнаты, отправилась на кухню готовить кофе и искать таблетку от головной боли.

Алексей переоделся в домашние джинсы и, присев на край кровати, обхватил ладонями раскальвающуюся от боли голову. Все же надо бы в ближайшее время решить вопрос с няней.

Иногда – в случае острой необходимости – ему случалось просить посидеть с Лизой кого-нибудь из Кристининых подруг. Но ни одна из этих девушек не сможет работать у него няней. Лучше всех на эту роль подошла бы Тая, но у нее самой – двое пацанов, она не будет уделять Лизе столько внимания, сколько требуется. Машка чересчур легкомысленна. Она и собственного сына частенько оставляет на мать или соседку и отправляется на гулянки. А Анну Лиза почему-то на дух не переносит. Не слушается ее и устраивает бедной девушке всякие пакости. Лучше всего было бы найти пожилую женщину вроде Нины Павловны...

Алексей встал и, сдергивая с кровати «шведку», уронил на пол небольшой предмет. Судя по негромкому стуку, это должна быть зажигалка, которая, возможно, выпала из кармана его брюк. Алексей присел и, внимательно оглядев пол, обнаружил рядом с ножкой кровати вместо предполагаемой зажигалки заколку для волос. Наверное, дочь заходила сегодня в его комнату и потеряла ее здесь. Алексей сунул заколку в карман джинсов, чтобы по пути на кухню заглянуть к дочери, поздороваться с ней и вручить свою находку.

Дочку он увидел сразу, как только вышел из своей спальни: Лиза подходила к библиотеке, располагающейся в другом конце коридора.

– Лиза! – окликнул он дочь, но та, не услышав, уже скрылась за дверью.

«Видимо, дочитала своего Гарри Поттера, пошла за новыми сказками», – предположил Алексей, направляясь за дочерью. Он не возражал против того, чтобы Лиза хозяйничала в семейной библиотеке, наоборот, всячески поощрял ее интерес к книгам. Главное, чтобы она не забиралась в его кабинет и не трогала бумаги и компьютер. Впрочем, дочка отлично усвоила, что папин кабинет – это только его территория, посягательство на которую карается строгим выговором.

– Лизка, добрый вечер! – поздоровался Алексей, открывая дверь библиотеки. Но, переступив порог, обнаружил, что дочери здесь нет. Странно... Он же ведь своими глазами видел, как она входила сюда, и минуты не прошло.

– Лиза? Ты здесь?

Мужчина обошел небольшое помещение, словно надеясь, что дочка притаилась где-нибудь между книжными шкапами. Или спряталась под столом... Он заглянул под стол – на всякий случай. Не смешно... Уже не смешно. Алексей шумно выдохнул и, еще раз оглядев библиотеку, присел за стол. Теперь к слуховым галлюцинациям прибавились и зрительные. То ему среди ночи слышится дочкин голос, то он видит ее саму, входящую в библиотеку. А может, ему просто показалось, что Лиза вошла сюда, а на самом деле она все-таки зашла в его кабинет, соседствующий с библиотекой?

Алексей, с шумом сдвинув стул, вскочил и ринулся в соседнюю комнату. Если бы он сейчас застал Елизавету на запретной территории, он бы не рассердился на нее, а наоборот, обрадовался. И пусть бы Лизка тайком пыталась включить его компьютер или рылась в ящике стола в поисках «интересненького», но лишь бы она была там.

Лизы в кабинете не оказалось.

– Черт побери! – громко выругался Алексей и в сердцах стукнул кулаком по компьютерному столу. То ли у него на самом деле стали возникать галлюцинации, то ли Лизка в очередной раз затеяла свою странную и непонятную игру в прятки.

По пути на кухню он на всякий случай заглянул в комнату дочери. Пусто. На столе лежала раскрытая книга про Гарри Поттера. Было ощущение, что Лиза вышла совсем ненадолго.

– Ничего не понимаю... Черт побери, мне кто-нибудь объяснит, что творится в этом доме?! – проорал он неизвестно кому и, круто развернувшись на пятках, покинул комнату.

– Нин Пална! Нин Пална!

Алексей бегом спустился по лестнице.

– Что случилось, Алексей Юрьевич? – Домработница испуганно выскочила из кухни, вытирая руки о передник.

– Вы Лизу сейчас не видели?

– Нет, – ответила Нина Павловна и с тревогой, смешанной с любопытством, посмотрела на хозяина. – Что-то случилось?

– Да нет... Ничего не случилось, – Алексей с досадой махнул рукой и, обойдя домработницу, прошел в столовую.

Женщина засемила следом.

– Алексей Юрьевич, я приготовила вам кофе! И таблетку нашла – цитрамон. Подойдет?

– Подойдет.

– А может, все же покушаете? Я приготовила вкусный ужин! Все еще горячее...

– Давайте, – вздохнув, покладисто согласился Алексей.

Женщина обрадованно засутилась, собирая на стол.

– Нина Павловна, скажите, а Лиза при вас... никуда не пропадает?

– Господь с вами, Алексей Юрьевич! – Вопрос застал женщину врасплох. Она отложила половник, которым собиралась налить суп в тарелку, и повернулась к хозяину. – Нет, нет, что вы! Ничего подобного не случилось! Я уж, Алексей Юрьевич, стараюсь следить за девочкой! Гулять мы ходим вместе, от меня она никуда не убегает, слушается. Золотая девочка!

– Да нет, я не это имел в виду. Скажите, Лиза дома... никуда не прячется? Ну, бывает так, вы ее ищете, ищете, зовете, она не откликается. А потом неожиданно появляется откуда-то с невозмутимым видом, будто ничего и не произошло?

– Нет, – покачала головой Нина Павловна, с некоторым страхом глядя на Чернова.

Почему тот задает такие странные вопросы? Чем-то недоволен? Или девочка как-то проявила свое недовольство?

– Нет, не бывало такого. Да я большей частью тут, на кухне. Да по дому... Сами знаете, работы у меня сколько, – пожаловалась женщина, намекая на прибавку к зарплате. Но тут же, спохватившись, что хозяин решит, будто она за домашними хлопотами не следит за девочкой, поспешно проговорила: – Но Лизочка у меня всегда под присмотром!

– Ладно... – вздохнул Алексей, пододвигая к себе тарелку с супом, которую поставила перед ним домработница.

Когда он заканчивал ужинать, в кухне объявилась дочка.

– Лизочка, будешь кушать? А чаек пить с папой? – снова засутилась Нина Павловна.

Лиза на «будешь кушать» энергично замотала головой, а пить с папой чай согласилась.

– Добрый вечер, Лиз, – как можно приветливей поздоровался с дочерью Алексей. Все вопросы, которые вертятся на языке, он задаст ей позже – в ее комнате, тет-а-тет.

Лиза посмотрела на отца огромными и черными, как у покойной

матери, глазами и важно кивнула в знак приветствия. Обеими руками поднеся ко рту большую кружку с чаем, которую перед ней поставила Нина Павловна, она с шумом отпила. Алексей недовольно поморщился:

– Лизка, ну сколько можно повторять. Красивые девочки так шумно не пьют! Это неприлично!

Дочка бросила на него короткий взгляд и отпила чай с еще большим шумом. Алексей вздохнул: делает назло.

– Лиза, любой принц отвернется от принцессы, которая так некрасиво пьет чай! Скажет, что это – не принцесса, а подделка!

Девочка, поставив кружку на стол, усмехнулась совсем по-взрослому.

«Как это я могу быть „подделкой“? Что ты, папочка...» – читалось в ее насмешливом взгляде.

– Беда с тобой... – тихо пробормотал Алексей.

И что ему с такой «принцессой» делать? Лизка после смерти матери очень изменилась. Повзрослела. Какие недетские мысли бродят в ее голове? Казалось бы, пережитое горе должно было сблизить их еще больше, но произошло все наоборот. Лиза настолько отдалилась от него, что иногда ему начинало казаться, будто дочь ненавидит его. Возможно ли такое?

Он постоянно чувствовал свою вину перед дочерью. За то, что не сумел уберечь ее маму от смерти: не заставил Кристину вовремя обратиться в клинику, не нашел доктора, который спас бы ее. За то, что так мало занимается дочерью, уходя с головой в работу. За то, что все его попытки вновь сблизиться с ней – слишком ничтожны, чтобы принести результат. За то, что не может сейчас найти хорошего доктора, который бы «разговорил» Лизу. И за тот досадный эпизод в его жизни, короткое помешательство, о котором дочка не знает и не должна знать, но который до сих пор лежит камнем на душе.

Лиза тем временем допила чай и, с шумом отодвинув стул, встала из-за стола.

– Лиза, я к тебе сейчас приду, – крикнул ей вслед Алексей.

Дочь удалилась, никак не отреагировав.

– И что прикажете делать? – Алексей, дав слабинку, обратился с риторическим вопросом к наблюдавшей за этой сценой Нине Павловне.

– Девочке внимание нужно. И ласка, – провозгласила домработница.

– Да я и так уже... Не идет она со мной на контакт! А раньше ведь совсем другая была... Веселая и смешливая, – с горечью произнес он, тоскуя по недавнему счастливому времени и, не дожидаясь комментариев домработницы, поспешно вышел с кухни.

Лиза в своей комнате читала «Гарри Поттера». Алексей тихо вошел и присел на краешек кровати.

– Ну, что там пишут, в твоей книге? – попытался он наладить контакт.

Лиза, не прекращая своего занятия, пожала плечами.

– И кто такой Гарри Поттер?

На этот раз Лиза оторвалась от книги, повернулась к отцу и посмотрела на него с таким изумлением и возмущением, будто он только что проявил непростительное невежество.

«Ка-ак? Ты не знаешь, кто такой Гарри Поттер?! Папочка, ты совсем отстал от жизни!»

– Да, я не знаю, кто такой Гарри Поттер, – сказал он и с упреком посмотрел на дочь: – Ты же ведь не хочешь рассказать своему непросвещенному папочке, кто это такой... Если бы ты рассказала мне, я бы знал. Возможно, мне бы тоже понравился этот... Гарри.

Лиза, поднявшись, потянулась к книжной полочке над столом, сняла с нее книгу и всучила ее отцу.

– «Гарри Поттер и философский камень», – прочитал Алексей. – Предлагаешь мне это почитать?

Лиза с улыбкой кивнула.

– Ну что ж, почитаю... Перед сном. Буду знать, кто такой Гарри Поттер...

Новость, что папа тоже будет читать сагу о волшебнике, развеселила девочку. Она засмеялась и села рядом с отцом. И Алексей, пользуясь расположением дочери, спросил:

– Лиза, я хочу знать, куда ты все время прячешься от папы? Что это за игра, правил которой я не знаю?

Лиза подняла на него лицо, посмотрела долгим серьезным взглядом, а затем покачала головой и потупилась.

– Лиза, дочка, я хочу тебя понять! Мне очень больно оттого, что ты так часто прячешься от меня. Если твой папочка постоянно занят работой, это не значит, что он тебя не любит! Ты почему-то сердисься на меня... Так?

Девочка, не поднимая глаз, покачала головой и, спрыгнув с кровати, вернулась обратно за стол – к раскрытой книге.

– Это хорошо, если ты на меня не сердисься, – вздохнул Алексей и тоже поднялся.

Сделал по комнате круг, он подошел к столу, взял дочкин альбом для рисования и ручку.

– Хочешь, мы с тобой вместе пойдем гулять? Папа не будет завтра работать, и мы пойдем в кафе-мороженое, а потом – гулять вдоль берега

моря. Будем собирать красивые камешки. Хочешь?

Лиза, еще не совсем веря услышанному, неуверенно кивнула.

– Отлично! – воодушевился Алексей. – Так и быть, завтра я поведу тебя есть мороженое! Обещаю! Только ты для папы тоже сделай кое-что. Ответь на вопрос, где и почему ты прячешься от меня? Я не стану тебя ругать, что бы ты мне ни ответила. Вот, напиши ответ...

Алексей пододвинул к дочке раскрытый альбом и сунул в пальчики ручку. Лиза перевела взгляд на чистую страницу, потом снова посмотрела на отца. Долго всматривалась в его лицо, словно искала доказательства тому, что он и правда не будет ее ругать, какой бы ответ она ни написала. И, вздохнув, неровными буквами вывела: «Я ХОЧУ ШОКОЛАДНОЕ МОРОЖЕНОЕ».

– Будет тебе шоколадное. И ванильное. Если хочешь, – кивнул Алексей и нетерпеливо указал пальцем на альбом. – Ну же, Лизочка... Папа задал тебе вопрос.

«А ПОТОМ ПОЙДЕМ СОБИРАТЬ РАКУШКИ», – выдвинула следующее требование Лиза.

– И ракушки. Лизка, ты шантажистка! И кто тебя научил подобным вещам?

Девочка хитро улыбнулась и написала: «ОБЕЩАЙ! НАПИШИ, ЧТО ТЫ ОБЕЩАЕШЬ!»

– Ладно, бог с тобой. Ну, где писать? – Алексей склонился над альбомом. Дочка тут же с готовностью вручила ему ручку.

«ОБЕЩАЮ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ ДОЧКЕ ЗАВТРА ПОЙТИ С НЕЙ КУШАТЬ МОРОЖЕНОЕ И СОБИРАТЬ РАКУШКИ. ПАПА».

– Все? Лизка, я больше не намерен с тобой торговаться. Смотри, а то вдруг передумаю.

Девочка метнула на него сердитый взгляд и вывела на другом листе: «ЭТО БЫЛА КЛЯТВА. НЕЛЬЗЯ НАРУШАТЬ. НАПИШИ ПОДПИСЬ». И требовательно ткнула пальчиком, указывая, где нужно расписаться.

– Лизка, об этом в твоём «Гарри Поттере» пишут, как надо шантажировать папочек? Требовать с них расписки? – Алексей, хмурясь, поставил подпись под своей «клятвой». – Кто тебя научил этому?

«ТЫ», – написала Лиза и рассмеялась.

– Докатались... – проворчал отец, внимательно следя за тем, что дочка вновь выводит в альбоме.

«Я НЕ ПРЯЧУСЬ».

– Замечательно. Только куда ты все-таки пропадаешь? Это какая-то твоя игра, да? Ты играешь в «Гарри Поттера» или какой-то мультик?

Лиза отрицательно покачала головой.

«Я НЕ ИГРАЮ. ТЫ НЕ БУДЕШЬ МЕНЯ РУГАТЬ?»

– Не буду, Лиза. Я же ведь тебе уже сказал.

«ПООБЕЩАЙ!»

– Лизка, ну в самом деле! – На этот раз Алексей уже возмутился. – Я тебе обещаю! На словах! Давай обойдемся без повторных расписок! Ты просто напишешь мне, почему ты прячешься и куда прячешься, и я тебя за это не буду ругать. А завтра, как и пообещал, поведу в кафе, а потом – на море собирать камешки и ракушки.

Лиза, сделав новую надпись, отложила ручку и подвинула альбом отцу.
«Я НЕ ПРЯЧУСЬ. И НЕ ИГРАЮ. Я ХОЖУ К МАМЕ».

Алексей озадаченно уставился на страницу, долго перечитывал выведенные детским почерком слова, не зная, как отреагировать. Дочка замерла испуганным мышонком, опасаясь, что папа, вопреки своему обещанию, станет ее ругать.

– Девочка моя... Послушай, солнышко... – Он наконец-то оторвал взгляд от альбома и присел перед притихшей дочерью на корточки, взял ее маленькие ладошки в свои ладони. – Мама умерла. Ты не можешь к ней ходить. Ты хотела сказать, что ходишь в мамину комнату и там сидишь какое-то время?

Лиза покачала головой и, взяв ручку, снова написала: «Я ХОЖУ К МАМЕ! ТЫ НЕ УМЕЕШЬ, А Я МОГУ!»

– Хорошо, девочка... Пусть будет так. Только ты в следующий раз предупреди меня, когда захочешь снова спрятаться... прости, пойти... к маме. Чтобы папа не волновался и не искал тебя. Понимаешь, папа очень пугается, когда ты вот так прячешься! Папа думает, что его принцессу забрали плохие дяди, он ищет ее везде и очень тревожится. Если ты будешь говорить мне, что хочешь немного... побыть с мамой, я не буду так волноваться. Договорились?

Лиза неуверенно кивнула.

– Вот и хорошо! – Алексей повеселел, а про себя подумал, что, пожалуй, прочитает книгу, которую ему выдала Лизка. Возможно, тогда он сможет понять, в какие странные игры играют современные дети, начитавшись книжек и посмотревшись фильмов.

– Я сейчас пойду немного поработаю... Я должен сейчас поработать, чтобы завтра не быть занятым и пойти с тобой гулять. Нина Павловна принесет тебе молоко, ты будешь умницей, выпьешь его и ляжешь спать. Ты же ведь хочешь, чтобы завтра поскорей наступило? Тогда нужно лечь спать пораньше, – проговорив все это с ласковыми интонациями, Алексей

выпрямился, собираясь уйти. Но, вспомнив, вытащил из кармана джинсов заколку для волос и положил ее рядом с альбомом:

– Я нашел твою заколку у себя в комнате.

Лиза потянулась, было, за находкой, но неожиданно замерла и, сжав пальчики в кулак, отдернула руку.

– Что-то не так? – поинтересовался удивленный Алексей. – Это ведь твоя заколка?

Лиза, не глядя на него, покачала головой и, взяв ручку, вывела на альбомном листе: «МАМИНА».

Инга долго не могла уснуть. Ей было грустно. Казалось бы, теперь все должно наладиться, самое страшное осталось позади, терять больше нечего. Солёный ветер и воздух, пахнувший морем, должны вызывать у нее предвкушение чего-то нового, хорошего, но вместо этого она думала о том, что предшествовало ее возвращению в город детства, о своих утратах.

Она думала о Лёке – милой взрослой девочке, вечном подростке, чьи песни оставляют в душе незаживающие раны. Она радовалась ее успеху и в то же время грустила о погибших отношениях. Их с Лёкой любовь, как и следовало ожидать, не выдержала напряженных графиков гастролей, записей в студиях, многочисленных интервью на радио и в прессе. Инга знала, что так будет, что им некогда станет видеться и даже созваниваться.

«Инга, ты меня простишь? – Когда они прощались, слезы в Лёкиных глазах были неподдельными. – Это и есть та жертва, которую ты мне предсказывала?.. Я во имя карьеры должна пожертвовать нашей любовью? Почему ты раньше мне не сказала?! Ты же ведь знала, знала!..» – в отчаянии прокричала она.

«Лёка, это – судьба, против нее не пойдешь. Что бы изменилось, если бы я сразу сказала тебе? Этой твой путь, становиться на котором я не имею права». Инга улыбалась, произнося эти слова, хотя внутри все разрывалось от боли. Она была счастлива за свою талантливую подругу, но в то же время глубоко несчастна и одинока в душе.

– Ты же ведь с самого начала знала... – тихо проговорила Инга и, сев на кровати, обняла руками колени. Но хоть она и знала заранее, чем закончится ее роман с Лёкой, – карты и в тот раз не обманули, – боль потери была невыносима. Остались воспоминания, песни и интервью на радио и в газетах. Да еще было одно письмо по электронной почте, в котором Лёка, поддавшись настроению, ностальгировала по их ушедшим отношениям. Письмо Инга удалила. Возврата к прошлому нет.

Еще она думала о дяде. О том, что *не почувствовала*, что он смертельно болен. А ведь она так гордилась, что может чувствовать все, что происходит с ее близкими, и даже предугадывать некоторые события! Не почувствовала, не предугадала... И карты промолчали, и чутье отказало. И сон, в котором бабушка сказала ей о скорой смерти дяди, неправильно истолковала. Думала лишь о том, как спасти брата и его девушку. Если бы она узнала, что дядя болен раком, раньше, возможно, сумела бы ему помочь

– когда у нее еще была Сила.

Она могла бы подумать и о себе: о том, что сама лишь чудом осталась жива, о том, что пожертвовала Силой, чтобы отвести беду от брата. Но об этом как-то не думалось. Она сожалела лишь о том, что теперь, став обыкновенной, с интуицией, как у сапога, не сможет больше быть Вадькиным «ангелом-хранителем». Она не почувствует, если ему будет угрожать опасность. И не сможет помочь ему и его жене, если вдруг потребуется помощь. Заговоры, ритуалы – все это осталось с ней лишь как теоретические знания. А Силы больше нет.

Инга, не выдержав гнета нерадостных дум, встала и зажгла свет. При свете переживания становятся менее острыми. Наверное, страхи, тоска и депрессия живут во мраке, там их дом. Они питаются темнотой как основным блюдом и множатся, разрастаются на благодатной почве.

Инга походила по маленькой комнате взад-вперед, избавляясь от остатков тоски. Глупо, глупо, глупо грустить и тосковать о том, что уже произошло, чего нельзя поправить. Она приехала сюда, чтобы отдохнуть, хотя бы немного восстановить душевные и физические силы, чтобы после вернуться в Москву бодрой и посвежевшей. У Вадима с Ларисой скоро родится ребенок – это будет радостное событие. Лучше думать об этом.

Инга вернулась к кровати и вытащила из-под нее чемодан. Все равно ей сейчас не уснуть, а карточный расклад поможет отвлечься от грустных мыслей.

Она разложила карты, загадав, что ее ожидает в течение месяца. И, рассматривая расклад, не удержалась, чтобы не присвистнуть. Либо карты врут, либо... Карты никогда ей не ввали, но со времени утраты Силы Инга не гадала, и как теперь быть уверенной в том, что карты по-прежнему ее слушаются? Однако, как бы там ни было, расклад вышел очень любопытным.

Новые знакомые, новые отношения – в этом не было ничего удивительного, карты отразили настоящее. Но, однако, предупредили о том, что среди выпавших «дам» есть одна, от которой стоит ждать неприятностей. Вероломная дамочка, вредительница. Инга хмыкнула: вот уж отдохнуть хотелось бы без всяких женских интриг. И выложила следующую комбинацию карт, которая позабавила любовными отношениями с неким «королем». На этот раз Инга весело усмехнулась: любовные отношения с мужчинами у нее катастрофически не складывались, несмотря на то что и умом бог ее не обидел, и внешностью. Давнее предательство любимого мужчины привело к тому, что Инга напрочь разучилась доверять особям противоположного пола. Об

отношениях с мужчинами Инга уже и не думала, и последние ее отношения были с девушкой... Но карты упорно сулили в скором времени роман с «королем».

– Король аки принц. На сивом мерине, – вслух засмеялась Инга. И ее совсем не расстроило, что карты сулили переживания. Все ее отношения изобиловали переживаниями и грустно заканчивались – не привыкать.

Однако следующая комбинация заставила Ингу отнестись к раскладу настороженно, не как к развлечению. Вокруг нее – много людей. Осиное гнездо, которое она может растревожить. Карты настоятельно рекомендовали не идти на поводу чьих-либо просьб и не ввязываться ни в какие, даже кажущиеся невинными дела. За всем этим стоит опасность.

– Вот черт! Да и не хочу я ни во что ввязываться! Я отдохнуть приехала, – вслух сказала Инга и сгребла карты в кучу.

Во сне бабушка тоже пыталась предупредить ее о чем-то похожем: просила не соваться в «чужой сад» и сокрушалась по поводу того, что Инга туда полезла. Конечно, было бы приятно думать, что карты врут или сгущают краски, но сон... Бабушка уж точно никогда ее не обманывала.

Инга вздохнула и снова разложила карты, на этот раз загадав, к чему может привести то, если она все же ввяжется в пока еще неизвестное ей дело. Карты выдали полный набор «страшилок»: и предательство, и разбитые чувства, и опасность, которой будет подвергнута она и близкие ей люди. Чем все это закончится, карты не сказали: либо и сами растерялись от предсказанной беспросветности, либо побоялись выкинуть финальную комбинацию, после которой уже ничего не может быть. Весь расклад был помечен знаком смерти: эта карта выпала среди первых и задала основной тон.

– Лучше не ввязываться ни во что, – озабоченно ероша волосы пальцами, сокрушенно пробормотала Инга. Если карты обещают неприятности, неприятности и будут. В этом они еще ни разу не ошиблись. – Даже если мне предложат пойти нарвать листьев с деревьев, я откажусь. Буду только ходить на пляж, загорать и читать. Больше ничего я здесь делать не буду, – почти торжественно поклялась девушка и, вытащив наугад из колоды последнюю карту, выложила ее сверху всего расклада. Карты в качестве «утешительно приза» робко пообещали ей некое Возрождение. – Ай ли? – скептически ухмыльнулась Инга и убрала колоду обратно в чемодан. Хватит. Развлеклась, называется... Она накинула халатик и, захватив пачку сигарет, вышла во двор – навстречу пряной южной ночи.

– Может, погасим свет? Чтобы не вызвать любопытства у соседей...
– Ты слишком мнителен! – раздался приглушенный смех хозяйки. – Соседям моим плевать, в котором часу у меня горит свет. Это их несколько не волнует, уверяю.

– Я не хочу, чтобы возникли какие-то подозрения. Если Мастер узнает...

– Не узнает. Успокойся, – бросила женщина, презирая трусость своего гостя. И жестким тоном потребовала: – Я хочу знать, какие у Мастера планы на *нее*. Ты ведь следящий, верно? Тебя он поставил наблюдать за *ней*?

– Так я тебе и отвечу про планы Самого! – рассмеялся мужчина. – Полегче, милая. Не забывайся.

– Хорошо. Спрошу по-другому.

Хозяйка, быстро взглянув на посетителя, встала из-за стола и сделала по комнате круг. Остановившись напротив гостя, она, глядя ему прямо в глаза, четко и твердо произнесла:

– Мне плевать на грандиозные планы Мастера насчет *нее*. Мне важно лишь то, чтобы *она* не полезла туда, куда не следует: по своему незнанию, от любопытства, из-за мести, черт возьми!

Мужчина расслабленно улыбнулся и, растягивая слова, с видимым наслаждением сказал:

– Рыльце в пушку! Боишься, что твои делишки могут ненароком всплыть там, где не следует? Мастеру плевать на твои делишки, его такие мелочи не интересуют. Как и ты, впрочем.

– Если бы не мои «делишки», он бы не вышел на *нее*, – сердито огрызнулась женщина и с приторной ласковостью в голосе пообещала: – Не обольщайся насчет Мастера. Ты его тоже долго интересовать не будешь. Выполнишь свои обязанности – и адъёс... Кинет тебя наш папочка, вот увидишь! Как котенка вышвырнет, только твоя миссия закончится.

– Посмотрим, милая. Злишься, что Мастер тебя из-за твоих «подвигов» разжаловал?

– Не разжаловал, а лишь ненадолго отстранил, милый, – в тон ему пропела женщина, но, не сдержав эмоций, стукнула кулачком по столу: – Проклятие! Его интересы катком прошлись по моим. Все мои старания рассыпались прахом! Все мои усилия! Но я все равно добьюсь своего! Слишком много сил было затрачено на достижение цели, чтобы сдаться!

– Но тебе сейчас мешает *она*. Неожиданный поворотец, – рассмеялся гость. Ему, похоже, нравилось дразнить хозяйку. – И ты сейчас подобна лисице, которая видит виноград, да не может достать его! Похоже, что ты

боишься не столько Мастера, сколько *ее*. Если она наберется сил и знаний, она тебя в порошок сотрет.

Женщина постаралась пропустить колкости мимо ушей. Ей сейчас важна была информация:

– Когда папочка Мастер собирается вплотную заняться *ею*?

– Не могу точно знать. Я только лишь наблюдаю. Но могу тебя успокоить: сейчас тебе ничто не грозит.

– Может, Мастер еще переменит свое решение и оставит *ее*?

– Сомневаюсь, – скептически покачал головой гость. – Механизм запущен. Да и *она*, сама того не ведая, уже глубоко увязла во всем этом. Обратного хода нет. Так что, дорогуша, думай, пока есть время, о том, как спасти собственную шкурку.

– Ты мне поможешь. – Это был не вопрос, а утверждение.

– А какая мне польза – помогать тебе? – хмыкнул гость и оценивающим взглядом окинул фигуру женщины.

– Я в долгу не останусь, можешь мне верить. – Она постаралась не обращать внимания на слишком откровенный взгляд мужчины. – Расплачусь с тобой, не волнуйся. Если ты поможешь мне получить *мое*. Клянусь своей Силой.

– А если ты не добьешься своего? – осторожно поинтересовался мужчина. Такими клятвами не разбрасываются, он знал это, но все же недоверчиво относился к словам.

Женщина подошла к нему вплотную и, нежно взяв двумя пальцами за подбородок, глядя прямо ему в глаза, ласково, но в то же время твердо ответила:

– Добьюсь.

VI

Инга проснулась гораздо позже, чем вчера: сон сморил ее лишь под утро, да и уснув, спала она беспокойно. Ей снились люди без лиц, которые на все лады предлагали попробовать черешню и оборвать с деревьев листья. Многочисленные голоса сливались в неразборчивый гул, напоминающий осиное гудение. Инга испуганно пятилась от надвигающейся на нее толпы, пока не натолкнулась спиной на стену. Чувствуя себя в ловушке, она от отчаяния громко закричала и на этом проснулась.

Но чувство загнанности в угол не покидало ее. Дав себе зарок больше не предаваться по ночам тоскливым настроениям и во время отпуска не брать карты в руки (зачем она их вообще с собой взяла?), Инга в плохом настроении вышла во двор.

– Здравствуй, девочка! – бодро поприветствовала ее хозяйка. Она сидела за большим столом на террасе, увитой диким виноградом, и в компании пожилого мужчины пила чай.

– Здравствуйте, – поздоровалась в ответ Инга.

Незнакомец тут же приветливо указал ей на свободное место за столом:

– Составь нам компанию! Мы вот тут чайком балуемся! Между завтраком и обедом, так сказать.

– Это мой сосед, – пояснила хозяйка.

Инга вспомнила, что вчера получила от этого симпатичного дядечки презент в виде миски спелых ягод, и с улыбкой поблагодарила:

– Спасибо вам за черешню! Очень вкусная!

– На здоровье, – довольно заулыбался мужчина и представился: – Зови меня дядей Сашей.

– А я – Инга, – сказала девушка и пошла в летнюю кухню за чашкой.

После легкого завтрака в компании хозяйки и ее соседа Инга отправилась на городское кладбище – навестить могилки родных.

Она долго сидела на покосившейся скамеечке, глядя на выцветшие фотографии родителей и бабушки на памятниках. Мыслей не было, однако она была почти уверена в том, что родные сейчас чувствуют ее присутствие.

«Я пришла к вам... Простите за то, что прихожу так редко».

Инга вздохнула и, поднявшись со скамейки, окинула взглядом

запущенные могилки. Они с Вадимом редко приезжают сюда. Надо бы найти ответственного человека, который согласится за умеренную плату поддерживать состояние могилки в порядке. Инга дала себе слово, что до конца отпуска непременно такого человека найдет.

Она ушла с кладбища, когда обеденное время давно миновало, и, чувствуя легкий голод, зашла в первое более-менее приличное кафе, встретившееся на ее пути. Кафе носило освежающее название – «Бриз».

Видимо, это кафе пользовалось популярностью у отдыхающих и жителей города: и зал, и терраса были заполнены посетителями. Но меню обещало много аппетитных блюд, а также разнообразие сортов мороженого, и Инга, решив, что со свободным местом она как-нибудь определится, взяла себе порцию блинчиков с мясом и фруктовое мороженое.

Свободное место нашлось: как раз в тот момент, когда она с подносом в руках поднялась на террасу, из-за столика в углу встала молодая пара. Направившись туда, Инга заметила за соседним столом вчерашнего невежливого посетителя Алексея Чернова с дочкой. На секунду мелькнула мысль вернуться в зал, лишь бы не соседствовать с Черновым, однако она тут же одернула себя. Тем более что Алексей, случайно глянув в ее сторону, неожиданно поздоровался с ней кивком – скорее машинально, увидев знакомое лицо, чем из искреннего желания поприветствовать. Инга без всяких эмоций кивнула в ответ и села за стол. Алексею уже не было до нее никакого дела, он снова переключился на свою дочку, в которой Инга узнала девочку с мячом.

– Лиза, я помню, что пообещал тебе... – Алексей хоть и говорил приглушенным тоном, но разговор все равно был слышен Инге. – Дочка, я не специально! – Мужчина в отчаянии повысил голос, видимо понимая, что никакие оправдания уже не реабилитируют его в глазах дочери. – Ты же ведь только что сама все видела и слышала: папу вызывают на работу. Случилось что-то неприятное, и мне нужно уехать.

Лиза в ответ забренчала ложкой в чашке, разбалтывая сахар. Инга, хоть и сидела спиной к девочке, будто увидела ее: опущенный в чашку взгляд, подпертая ладонью щека, отбивающая по стенкам чашки ритм отчаяния и обиды ложка.

– Лиза, прекрати! – Алексей громко сделал замечание, не выдержав душераздирающего звона.

Девочка лишь забренчала сильнее, грозя в конце концов расколотить чашку.

– Ты делаешь это мне назло? – Алексей заговорил уже в полный голос,

не стесняясь того, что привлекает внимание других посетителей кафе. – Так, у тебя есть пять минут, чтобы сходить в туалет и вымыть руки! Ровно через пять минут ты возвращаешься сюда, и я отвожу тебя домой. И без твоих фокусов, поняла?

Инга мысленно посочувствовала девочке и подумала, что на месте той обязательно бы выкинула какой-нибудь фортель: например, заперлась бы в туалетной кабинке и проторчала там добрых два часа, чтобы еще больше позлить папочку.

Послышался шум отодвигаемого стула: Лиза поднялась из-за стола и отправилась, как велел отец, мыть руки. Инга, оглянувшись, посмотрела девочке вслед. Глядя на ее обиженно ссутуленные плечики и высоко стянутые в «хвост» длинные волосы, она испытала неожиданное сочувствие к девочке. Инга развернулась к Чернову и, не церемонясь, отбросив всякие вежливые «извините за вмешательство», тихо спросила:

– Что вы ей пообещали и не выполнили?

Алексей, что удивительно, не взорвался раздраженным «а какое ваше дело?!», а так же тихо и с явно слышимым в голосе чувством вины произнес:

– Пообещал, что весь сегодняшний день проведу с ней. Что не буду работать, а отведу ее в кафе, а потом – на пляж собирать ракушки и камешки. Но меня срочно вызвали. Я не могу не поехать! И, думаю, задержусь допоздна. Но Лизке этого не объяснишь! Тем более что я вчера написал ей клятву.

Он вздохнул и, спохватившись, что сделал недопустимое – показал свою слабость этой «фифе», запоздало огрызнулся:

– А вам какое дело, вообще-то, до моих обещаний дочери? Сидите там себе и обедайте. Приятного аппетита. – И он невежливо отвернулся.

– Никакого дела! Абсолютно. – Инга, хоть он уже и не мог видеть, безразлично пожала плечами и после секундной паузы ровным тоном добавила: – Только вот клятвы, тем более данные в письменном виде, стоит держать. По крайней мере, стараться.

– Послушайте! – Алексей, со скрипом сдвинув стул, резко обернулся. – Какое вам дело до наших с дочерью отношений?! Я так понял – еще вчера – что абсолютно никакого!

– А я так поняла – тоже вчера – что вы приходили ко мне за некоторой помощью. И хоть вы не умеете просить... Впрочем, я в просьбах тоже не нуждаюсь. – Инга резко оборвала себя и, наклонившись к мужчине, спокойно проговорила: – Алексей, послушайте, ваша девочка сейчас очень обижена и расстроена. Вы вчера дали ей обещание, которое не смогли

сдержан, пусть в этом и нет вашей вины. Но девочка уже настроилась на долгую интересную прогулку, а теперь ей придется сидеть дома и ждать вас до позднего вечера.

– И что вы предлагаете? – усмехнулся Алексей – высокомерно, но за видимым высокомерием он пытался скрыть наболевшее: неразрешимый вопрос – как при таком ненормированном графике работы уделять дочери достаточно внимания?

– А давайте я сегодня погуляю с Лизой? Я, конечно, не вы... Вряд ли девочку обрадует такая замена, но все же она не проведет остаток дня запертой в доме, а погуляет по пляжу, будет собирать камешки, как и хотела.

Алексей задумался. Предложение этой девицы давало какое-то решение и могло бы немного пригасить его конфликт с дочерью. Видно было, что он колебался, разрываемый двумя противоположными решениями: согласиться или дать девице отпор, как она ему вчера. И это колебание, отражаясь на лице, делало его, странным образом, очень привлекательным. Черты значительно смягчились, даже квадратная нижняя челюсть уже не казалась такой массивной. Задумавшись, Алексей, как мальчишка, хлопал пушистыми ресницами, и Инга почему-то отметила про себя, что глаза у него – зеленые.

Украдкой рассматривая его лицо, она уже почти прониклась к Алексею симпатией, но он не замедлил все испортить:

– Сколько вы за это хотите?

Инга недоуменно приподняла брови, и Алексей уточнил:

– Я имею в виду, сколько вам заплатить за эту прогулку?

– Алексей, скажите, почему вы все измеряете в денежном эквиваленте? Кстати, ваша девочка уже возвращается. Кажется, она не опоздала ни на секунду, хорошо же вы ее выдрессировали!

Чернов пропустил колкость Инги мимо ушей и повернулся к Лизе, с гордым видом усаживающейся обратно за столик.

– Лиза, эту тетю зовут Ингой. – Он сделал короткий жест в сторону соседнего столика.

Лиза без особого интереса глянула на Ингу и, вежливо кивнув в знак приветствия, тут же отвела взгляд.

– Тетя слышала наш с тобой разговор и сказала, что как раз идет на пляж собирать камешки для... ну, в общем, просто идет собирать камешки. И могла бы взять тебя с собой. Эта тетя хорошая, я ее немного знаю. Я бы разрешил тебе пойти гулять с ней, если ты, конечно, не против... – Он с надеждой посмотрел на дочь.

Лиза громко вздохнула и подняла на отца большие, черные, как маслины, глаза: «Папочка, папочка... Вечно у тебя нет на меня времени! Уже тети незнакомые предлагают со мной гулять!»

Упрек в ее глазах был столь красноречивым, что Алексей, не выдержав взгляда дочери, потупился, как школьник.

– Мы с тобой уже встречались вчера на пляже, помнишь? У тебя был красивый мячик... – Инга улыбнулась девочке как можно приветливей, не особо, однако, надеясь на удачу. Ей казалось, что Лиза отвергнет ее предложение.

Девочка посмотрела на нее без особого интереса, но, однако, и без враждебности. И когда Инга спросила у нее, пойдет ли она с ней гулять по пляжу, неожиданно кивнула в знак согласия. Видимо, из двух зол – сидеть взаперти дома или пойти на прогулку с незнакомой тетей – Лиза выбрала последнее.

Когда они втроем выходили из кафе, Алексей, шедший следом за Ингой, тихо окликнул ее:

– Инга, подождите... Я бы хотел вам сказать, если вы еще не знаете... Лиза не разговаривает.

Инга приостановилась и, повернувшись к нему, так же тихо ответила:

– Я знаю. Мы погуляем вдоль берега, а потом я провожу девочку домой. Лиза покажет мне дорогу. Можете не волноваться за ее сохранность.

Она улыбнулась, и Алексей тихо произнес:

– Спасибо.

Они сидели вдвоем на берегу, молча бросая камешки в воду. Лиза – это было хорошо заметно – продолжала сердиться на своего отца за несдержанное обещание. Она старалась выбирать гальку покрупнее и метала камни в море с силой, в которую, видимо, вкладывала все свое детское негодование, печаль и отчаяние. Плотно сжатые губы, прищуренный взгляд, напряженные скулы – Инге казалось, что она уже когда-то видела подобную картину. Была одна девочка, отчаянно похожая на эту, которая избавлялась от плохого настроения метанием гальки в море. Она сама.

– Ты так сердишься на своего папу... Это очень заметно. – Инга попыталась завести с девочкой «разговор», чтобы отвлечь ее.

Лиза никак не отреагировала на ее слова, лишь метнула с силой очередной голыш. И, не дожидаясь, когда на воде разойдутся круги от предыдущего камня, швырнула следующий.

– Знаешь, а ведь это очень хорошо, что у тебя есть папа! Пусть он и

занят, пусть у него столько работы, что его могут в любой момент оторвать от общения с любимой дочкой, но главное – он у тебя есть!

Лиза проявила некоторую реакцию – скептически хмыкнула. «Папа-то есть, только вижу ли я его?»

– А я росла без папы... – вздохнула Инга и тоже метнула камешек в воду. – Мой папа умер, когда я была совсем маленькая. И я так грустила из-за того, что папы других девочек приходят домой после работы, пусть и уставшие, и занятые, а мой не придет... Мне бывало очень грустно, но я знала, что мой папа, даже несмотря на то, что его нет рядом со мной, все равно любит меня. Как и каждый папа – свою красивую девочку...

Инга поднялась на ноги и, меняя тон на более веселый, предложила:

– Может, прогуляемся вдоль моря?

Лиза отрицательно покачала головой, и Инга, сдавшись, снова присела на гальку.

– Хорошо, давай посидим тут. Но если ты хочешь пойти домой...

Лиза отказалась, и Инга немного воодушевилась.

– Я сейчас живу в большом городе, в Москве! Ты была когда-нибудь там?

Лиза снова покачала головой.

– Это не страшно! Твой папа обязательно свозит тебя в Москву. Ты была в других больших городах?

На этот раз девочка утвердительно кивнула.

«Недавно приехали из Питера – ездили к какому-то там медицинскому светиле», – вспомнились Инге недавние слова Марии, когда та рассказывала про Лизу.

– Наверное, это был Петербург! Я права? – оживилась Инга, и, когда девочка снова кивнула, воскликнула: – Вот видишь! У твоего папы есть время, чтобы свозить тебя в большой город. Вы, наверное, гуляли много?

Лиза совсем по-взрослому усмехнулась и, покачав головой, показала Инге два пальчика.

– Два дня? Вы были в Петербурге всего два дня? – догадалась Инга.

Лиза кивнула и сгребла в кулачок целую горсть мелких камешков. Вскочив на ноги, она, не обращая внимания на Ингу, подбежала к воде и метнула в море всю горсть. Когда круги на воде разошлись, она присела и тронула ладонями набежавшую на берег волну.

– Хочешь, мы и завтра пойдем гулять? – Инга присела рядом с девочкой и тоже погрузила пальцы в воду.

Лиза, не глядя на нее, безразлично пожала плечами. Затем подняла камешек, внимательно его рассмотрела и, повернувшись к Инге, с улыбкой

протянула его ей.

– Это мне?

Это был небольшой гольш с дырочкой. Талисман. Такие «талисманчики», помнится, в детстве она с братом и подружками отыскивала среди других, обычных камней – на счастье.

– Спасибо! – восхитилась Инга и приложила подарок к груди, словно примеряя, как он будет смотреться в качестве украшения. – Я буду его носить! Ты ведь знаешь, что такие камешки с дырочками находят на счастье?

Лиза улыбнулась, давая понять, что знает об этой примете.

– Раз ты его нашла, значит, у тебя будет счастье! И у меня тоже будет, потому что ты, подарив мне этот талисман, пожелала мне счастья!

Лиза, довольная, снова улыбнулась и огляделась вокруг в поисках еще подобных камешков.

– А ты когда-нибудь играла в охотников за счастьем? – как бы между прочим спросила Инга, подкинув на ладони подаренный ей камешек, и Лиза, наострив уши в предвкушении интересной истории, покачала головой. – Впрочем, это даже не игра. Все происходит *по-настоящему!* Хочешь, мы с тобой тоже станем охотницами за счастьем?

Лиза неуверенно кивнула и, повернувшись к Инге, вопросительно приподняла брови.

– Это просто... – как бы между прочим произнесла Инга, рассеянно оглядывая берег. – Но искать счастье нужно в особом месте. Здесь – не годится. Знаешь, я могу открыть тебе один секрет... Я бы его никому не открыла, но вот тебе... Ты подарила мне этот камень счастья, и поэтому я у тебя в долгу. Я должна сделать для тебя что-нибудь подобное. Таковы правила. Обещаешь, что никому не откроешь секрет, о котором я тебе сейчас скажу?

Девочка энергично замотала головой.

– Хорошо! – обрадовалась Инга и, придвинувшись к девочке, громким шепотом попросила: – Только все равно поклянись! Такие правила для тех, кто хочет стать охотником за счастьем! Дотронься до этого камешка, который ты мне подарила, и мысленно произнеси клятву. «Клянусь никому не открывать эту тайну. Иначе волшебная сила камней, добытых мной, исчезнет!» Запомнила слова?

Лиза кивнула, и, послушно дотронувшись до протянутого на ладони Ингой камешка, сосредоточилась на «клятве». Инга еле сдержала улыбку, глядя на серьезное выражение детского личика. От усердия губы девочки немного подрагивали, словно Лиза пыталась и вслух проговорить важные

слова. Ей так хотелось узнать обещанный секрет, что она готова была произнести любую клятву, какую бы ее ни попросили.

– Хорошо! – важным тоном объявила Инга, после того как девочка «поклелась», и, внимательно глядя Лизе в глаза, произнесла: – Если найти камень, похожий на этот, в определенном месте и в определенный день, то волшебная сила его будет огромной! Он принесет счастье и удачу человеку, обладающему им. Найти такой талисман непросто... Но я расскажу тебе как и где.

Инга сделала эффектную паузу, и Лиза, слушавшая ее с повышенным вниманием, нетерпеливо нахмурилась, ожидая продолжения. Инга с удовлетворением отметила про себя, что девочка уже не расстраивается из-за отмененной прогулки с папой, ее сейчас гораздо больше занимает вопрос, где можно найти счастливый камень, а не недавняя обида на отца.

– Камешек с дырочкой, который принесет счастье и удачу, нужно искать в четной бухте. Бухта, в которой мы находимся сейчас, – первая, нечетная, а нам нужна следующая. И потом – еще через бухту. Но идти нужно так, чтобы солнце светило непременно в спину. Да, и день должен быть – пятница, и никакой другой. А люди, которые ищут камни счастья по таким приметам, зовутся охотниками за счастьем. Вот такая тайна. Вроде бы и простая, но в то же время мало кому известная. Теперь ты тоже посвящена в нее. Однако могу тебе сказать по секрету, что, несмотря на такие простые условия, найти камни счастья нелегко! Они умеют прятаться. Такой камешек будет счастливым только в руках избранного человека.

«Боже, ну и окоlesiцу я несу...» – Инге даже стало немного стыдно за весь этот бред, который она придумывала на ходу, лишь бы отвлечь девочку от личных переживаний. А Лиза уже вскочила на ноги и с воодушевлением крутилась, стараясь найти такое положение, чтобы солнце оказалось у нее за спиной.

– Стой, Лиза! Сегодня ничего не выйдет!

Девочка с недоумением посмотрела на нее, и в ее больших глазах просквозило явное разочарование.

– Сегодня же не пятница, а четверг!

Лиза, с облегчением вздохнув, рассмеялась и энергично замотала головой, высказывая свое несогласие.

– Разве? Сегодня пятница?! – с преувеличенным удивлением воскликнула Инга. – Ну точно! Точно! Пятница! Лиза, и что мы с тобой тут еще делаем?! Почему медлим? Солнце поменяет свое положение, а нам нужно пройти еще такой дальний путь! Ты уже определила, в какую

сторону нам идти?

Девочка, улыбнувшись, махнула рукой в сторону следующей бухты, и Инга, поднявшись на ноги, с улыбкой похвалила:

– Молодец! Ты – настоящая охотница за счастьем!

...Возвращались они домой уже вечером. Поиски «охотниц за счастьем» увенчались успехом, если принять во внимание, что Инге удалось найти большой булыжник с маленькой, еле заметной дырочкой. Камень был торжественно подарен девочке, которая обрадовалась найденному «счастью», будто приняла в подарок не обкатанный морем простой голыш, а редкий алмаз. «Если верить, то и обычный камень может принести счастье...» – мысленно вздохнула Инга, чувствуя некую вину перед девочкой за свои придуманные «тайны». Однако Лиза была довольна, что им удалось найти хоть один «камень счастья».

Когда Инга объявила, что пора возвращаться домой, Лиза попробовала было покапризничать – ей хотелось продолжить поиски. Но Инга сказала, что солнце уже изменило положение, и даже если им удастся отыскать нужный камешек, он уже не будет обладать «волшебной силой». И Лизе ничего не оставалось, как со вздохом согласиться вернуться домой.

– Тебе понравилась наша прогулка? – спросила Инга, когда они уже вышли на дорогу, ведущую к Лизину дому.

Девочка, прижимая обеими руками к груди свою панамку, полную «сокровищ»-камней и ракушек, собранных в «нужной» бухте, – энергично закивала.

– Хочешь, завтра мы тоже пойдем гулять? – с улыбкой предложила Инга, и Лиза в знак согласия улыбнулась.

Алексей вернулся домой гораздо раньше, чем изначально предполагал. Не заходя в свою комнату, он отправился на кухню.

– Добрый вечер, Нина Павловна!

– Добрый, – поздоровалась через плечо домработница, хлопотавшая у плиты. Выключив газ под большой сковородой, повернулась к хозяину: – Ужинать будете, Алексей Юрьевич?

– Да нет... – Поморщившись, он оттянул двумя пальцами ворот тесной футболки и покрутил шейю, будто воротник сдавливал ему горло. – Кофе выпью. Лиза еще не приходила?

– А разве она не с вами? – всполошилась Нина Ивановна.

Алексей, мысленно подсадовав на себя за то, что своим вопросом вызовет сейчас поток встречных вопросов от домработницы, неопределенно махнул рукой:

– Да вот... Но вы не волнуйтесь, девочка гуляет с моей знакомой.

«Знакомая» – это сильно сказано... Чтобы не углубляться в детали и избежать расспросов, Алексей ушел с кухни.

– Сделайте кофе, Нин Пална. Я сейчас сменю одежду и спущусь.

В своей комнате он переделся в свободную футболку и домашние джинсы. Взгляд его остановился на книге, которую дочь вчера всучила ему. Ровно сутки назад Лиза была расположена с ним общаться, писала ответы в альбоме и счастливо смеялась, предвкушая прогулку с папочкой.

– Черт! – сквозь зубы выругался Алексей и сжал кулаки. Проблема, из-за которой его так спешно вызвали, на самом деле оказалась пустячной, но с трудом налаженный хрупкий контакт с дочерью оказался разрушенным. И как снова восстановить его?

– Прочитать «Гарри Поттера», – усмехнулся он и, взяв с тумбочки дочкину книжку, повертел ее в руках. Прочитает. Как-нибудь.

Наверное, не надо было ему отпускать Лизу гулять с этой незнакомой девицей... Алексей почувствовал укол беспокойства. И более острый – вины. За все то время, что он разбирался с рабочими проблемами, он ни разу не подумал о дочери. Сбагрил ее заезжей «фифочке» и на этом успокоился. «Вы тут пока позанимайтесь с моей дочкой – это вас немного развлечет. А я снова поработаю», – будто наяву услышал он свой ехидный внутренний голос.

Он пытался вспомнить: при жизни Кристины он тоже так мало уделял времени семье? Или уже после ее смерти с головой ушел в работу, стараясь таким образом заполнить образовавшуюся пустоту и заглушить боль утраты? Но Лиза-то тут при чем! Она потеряла мать, ее горе ничуть не меньше его...

Он снова выругался: так некстати прорезался голос совести, совершенно не вовремя. Разозлившись, Алексей решил, что, если дочь через час-полтора не явится домой, он поедет разыскивать ее – на побережье, в кафе, в дом к этой малознакомой девице. А когда найдет – ох, этой московской «фифочке» и не поздоровится! Ему хотелось сорвать всю свою злость и досаду на этой девчонке, посмевшей нагло указать ему на его слабое место – недостаток внимания к дочери.

Алексей взял кружку с кофе и, не задерживаясь больше на кухне, прошел в свой кабинет. Он решил в ожидании дочки немного поработать. Опять поработать... Он горько усмехнулся и, поставив кружку на стол, включил компьютер.

Просматривая статистику по рыбным уловам за прошлый месяц, он почувствовал спиной чей-то взгляд. Машинально оглянувшись через плечо,

Алексей никого не увидел. Однако ощущение, будто кто-то наблюдал за ним, не покидало. Мужчина оторвался от экрана, всем корпусом развернулся назад и внимательно огляделся, будто и в самом деле ожидал сейчас обнаружить в своем кабинете кого-то постороннего.

– Параноик, – еле слышно обругал он себя за не поддающуюся объяснению внезапно возникшую мнительность и вновь вернулся к работе. Еще раз пробежав взглядом цифры, Алексей открыл папку с договорами с перевозчиками и отчетами от юриста. Однако сосредоточиться на документах ему мешал неприятный холодок вдоль позвоночника, будто невидимый наблюдатель стоял у него за спиной и сверлил пристальным взглядом его затылок.

Алексей машинально провел ладонью по затылку, будто стряхивая назойливый взгляд. Заработался... То у него возникают слуховые галлюцинации в виде Лизкиного голоса, то зрительные, когда он явственно видит дочь, входящую в библиотеку. А теперь вот добавились и галлюцинации на уровне ощущений... Как их назвать? Алексей вздохнул и закрыл все документы. К черту все! По крайней мере на сегодняшний вечер. Он выйдет во двор, сядет на крыльцо и выкурит несколько сигарет в ожидании дочери. Пожалуй, он не будет срывать свое раздражение на «московской штучке», а вежливо поблагодарит ее за прогулку с его Лизой. А потом постарается помириться с дочкой. И, возможно, почитает ей на ночь «Гарри Поттера».

Думая обо всем этом, Алексей выключил компьютер и, поднявшись из-за стола, со вкусом потянулся. Но так и замер с поднятыми руками и чуть выгнутой спиной: ему явственно послышался чей-то вздох.

– Кто здесь?!

Глупо спрашивать у пустоты. Алексей и сам понял, что его вопрос прозвучал слишком киношно, как в многочисленных американских триллерах со сходными сюжетами и предсказуемыми финалами. По закону жанра, сейчас сзади должен раздасться зловещий смех, либо на затылок Алексея обрушится оглушающий удар. Но ни удара, ни смеха не последовало, вместо этого мужчину будто обдало легким холодным ветерком, словно кто-то невидимый всколыхнул воздух, проходя мимо. И на секунду почудился еле уловимый аромат ванили, вызвавший мимолетные ассоциации с покойной женой. Кристина пользовалась «сладкими» духами. Алексей, еще не ведая, что творит, находясь под влиянием короткого наваждения, прикрыл глаза и втянул носом воздух. Нет, духами не пахнет. Ему просто показалось.

– Черт знает что! – снова негромко чертыхнулся он и, захватив со

стола пачку сигарет, вышел во двор.

– А вон твой папа! Ждет тебя, – Инга кивнула в сторону крыльца, когда они с Лизой входили во двор.

Девочка поджала губы, но больше никак не проявила свое недовольство.

– Добрый вечер! – подходя к крыльцу, с улыбкой поздоровалась Инга. Сейчас, в растянутой футболке и вытертых джинсах, немного взъерошенный, Алексей больше напоминал добродушного медведя, чем крутолобого «братка». Хотя в том, что медведи бывают добродушными, Инга сомневалась.

– Добрый, – без улыбки ответил Алексей и затоптал брошенный на землю окурков.

– Возвращаю вам вашу девочку в целости и сохранности, как и обещала, – усмехнулась Инга, догадываясь, что Алексей уже успел пожалеть о том, что вот так опрометчиво отправил родную дочь гулять с незнакомкой.

Чернов пропустил ее реплику мимо ушей, сконцентрировавшись на дочери.

– Привет, Лиз! – поздоровался он с преувеличенной беззаботностью, за которой старался скрыть свою вину и опасения, что дочка все еще обижается на него.

Девочка старательно кивнула и крепче прижала к себе панамку с «сокровищами».

– Тебе понравилась прогулка? – продолжая игнорировать стоявшую практически перед ним Ингу, снова обратился к дочери Алексей.

Та вновь кивнула и бочком протиснулась мимо отца к двери.

– Я к тебе чуть попозже приду! Мы с тобой поболтаем, а потом вместе почитаем «Гарри Поттера»! – крикнул ей вдогонку Алексей.

Лиза приостановилась и с удивлением оглянулась на отца, а потом перевела взгляд на Ингу. «Тетя» улыбалась ей приветливо.

– До свидания, Лиза! – Инга помахала рукой замершей в дверях девочке и с улыбкой добавила: – И не сердись на папочку! Помни, что я тебе рассказывала по дороге сюда про «камень счастья»! Он может потерять свою волшебную силу, если его хозяйка будет долго сердиться!

Лиза понимающе улыбнулась и, тоже помахав рукой на прощание, скрылась в доме.

– Что это за «камень счастья»? – проворчал Алексей и вопросительно уставился на все еще продолжающую стоять перед ним Ингу.

– Обычный камень-голыш, только с дырочкой... Вот такой. – Она показала мужчине камешек, подаренный ей Лизой.

– Похоже, вы за сегодняшний день вооружили мою дочку целым арсеналом историй. Как она вам? – спросил он с некоторым беспокойством и, указав ладонью на место рядом с собой, пригласил: – Присаживайтесь! Здесь чисто.

Инга опустилась рядом с Алексеем на деревянную ступеньку крыльца и сложила ладони на коленях.

– Лиза – чудесная девочка. Мы хорошо провели время. Она принесла домой целую панамку гальки, и я не смогла ей в этом помешать, – тихо засмеялась девушка и, сделав паузу, уже серьезным тоном попросила: – Алексей, вы могли бы разрешить мне видаться и ходить на прогулки с вашей дочкой? Мне кажется, мы нашли общий язык. Лиза не такая уж замкнутая, какой может показаться на первый взгляд. Ей просто очень не хватает общения и внимания. У нее есть подружки среди сверстниц?

Алексей пожал плечами и потянулся к пачке сигарет, лежавшей рядом на ступеньке.

– Вы курите?

– Да, – призналась Инга и, когда Алексей предложил ей закурить, вытащила из его пачки сигарету.

– По поводу подружек-сверстниц... Лиза не посещает обычную школу после того, что случилось, занимается на дому. Знаете, она перестала разговаривать после смерти своей матери. – Лицо Алексея исказила некрасивая гримаса, он не любил говорить о смерти своей жены. – В общем, какие у нее сейчас могут быть подруги? Девочки ведь должны щебетать друг с другом – когда кукол своих наряжают, когда в дочки-матери играют или в доктора. А моя Лиза...

Он развел руками и покрутил большой головой. Инга только сейчас заметила, что Алексей немного лопоух, и эта небольшая, не бросающаяся в глаза лопоухость еще больше придавала ему сходства с неуклюжим медведем.

– Вы не ответили на мой вопрос, могу ли я хотя бы иногда гулять с Лизой? – вернула Инга разговор к важной для нее теме.

– Ну, если это не помешает вашему отпуску.

– Не помешает, – твердо сказала девушка и поднялась на ноги. – Тогда я завтра зайду за Лизой в два часа. Вы не могли бы ей сказать сегодня об этом? И обязательно добавьте, что вы разрешаете ей со мной гулять.

– Ладно, – пробурчал Алексей, стараясь не смотреть на ее голые коленки и злясь на себя за то, что позволяет этой уверенной в себе девчонке

диктовать свои условия.

– Хорошо. Тогда я пошла. До свидания. – Инга направилась к выходу.

– Подождите, Инга! – Алексей, вскочив на ноги, догнал девушку. – Давайте я вас отвезу. Вечер все же...

– Нет, спасибо, я пешочком, – с легкой насмешкой произнесла она. – Прогуляюсь! Вы лучше идите к своей дочери – читать обещанную сказку. И не забудьте передать ей мои слова.

Алексей хотел было возмутиться тому, что она снова вот так легко указывает, что ему следует делать, но, сдавшись, махнул рукой. И, проводив взглядом ровную спину девушки, потопал к дому.

VII

За последующие три дня взрослая девушка и восьмилетняя девочка успели странным образом сдружиться. Похоже, их скоропалительной дружбе не мешала существенная разница в возрасте. И то обстоятельство, что Лиза не разговаривала, а свои эмоции и желания высказывала жестами, тоже не служило препятствием.

Инга заходила за Лизой в послеобеденное время, и дальше они вдвоем шли на пляж. Время, которое они проводили у моря, пролетало очень быстро. Часто Инга читала Лизе книгу, либо рассказывала какие-нибудь истории – выдуманные или из собственной жизни. Иногда они, вновь воплощаясь в «охотниц за счастьем», собирали гладкие, обточенные морем камешки. Иногда «разговаривали»: Лиза писала для Инги короткие фразы в большом блокноте. Но такие «разговоры» девочке быстро надоедали, ей куда больше нравилось слушать рассказы своей старшей подруги. Когда рассказывать и слушать надоедало, они слушали успокаивающий шум прибоя, растянувшись на большом пляжном полотенце. Когда же время близилось к вечеру, шли в кафе-мороженое, прежде чем возвращаться домой.

В этот раз Инга с Лизой уходили с пляжа немного раньше, чем обычно. На вечер были запланированы другие важные дела, и «барышни», как бы выразился брат Инги, торопились все успеть. Во-первых, по сложившейся за эти дни традиции, нужно было зайти в кафе и съесть по порции фруктового и ванильного мороженого. Затем – найти магазин, торгующий канцелярскими товарами, и купить краски и кисточки. У юной «охотницы за счастьем» дома скопилось столько камешков, что с ними надо было срочно что-то делать. Расставаться со своими сокровищами Лиза категорически не желала, использовать их в качестве украшений в саду – тоже. А на предложение Инги разрисовать камешки, превратив их таким образом в кукол, откликнулась с большим интересом.

Когда они с покупками выходили из магазина, Ингу неожиданно окликнули по имени. Девушка оглянулась и увидела спешившую к ним Анну. Инга остановилась и с улыбкой поприветствовала приятельницу:

– Привет, Аня!

– Привет! Здравствуй, Лизонька! – улыбнулась девочке Анна и протянула руку для приветствия. Елизавета, однако, лишь хмуро кивнула и руки не подала.

Аня засмеялась, постаравшись сгладить секундную неловкость и, сунув руку в карман летней юбки, весело произнесла:

– Вот так встреча! А что вы вместе делаете?

– Прогуливаемся! Краски покупали, – охотно пояснила Инга и почувствовала, как девочка крепко сжала ее ладонь.

– А-а... – Анна не знала, что сказать, переводя взгляд с Инги на Лизу и обратно. – Я рада, что ты приняла предложение Алексея...

– Он здесь ни при чем. Мы с Лизой случайно познакомились и подружились, – с нажимом произнесла Инга. Простушка Анна, сама того не желая, могла бы ляпнуть что-нибудь, не предназначенное для ушей девочки, которая стояла рядом. Инга бросила на девочку короткий взгляд: черные брови нахмурены, губы поджаты... Лиза чем-то была очень недовольна.

– Инга, мы с девочками сегодня в десять опять собираемся в ресторане. Там же, где и в прошлый раз. Мария хотела сегодня зайти за тобой. Придешь?

Инга, украдкой рассматривая простоватое лицо Анны с покорным взглядом невыразительных светло-карих глаз, думала, что той надлежало бы родиться в другой эпохе. Анне бы пошла роль жены средней руки помещика, которую бы гораздо больше занимало хозяйство, рукоделие и дети, чем шумные балы и роковые романы. А еще она хорошо смотрелась бы в роли сестры милосердия...

– Так ты придешь? – не дождавшись ответа, переспросила Анна, скрасив свою настойчивость улыбкой. Пожалуй, лишь улыбка была способна сделать ее лицо немного красивее...

Инга, спохватившись, смутилась и поспешно ответила:

– Не знаю, Аня... Не обещаю, но постараюсь! – И тут же почувствовала, как Лиза тихо, но настойчиво потянула ее за руку, напоминая о себе и давая понять, что хочет уйти. – Извини, Аня, мы торопимся. Я обещала привести Лизу домой к ужину.

Инга, потакая девочке, торопливо попрощалась. Приятельница понимающе кивнула и, когда Инга уже повернулась, чтобы идти, напомнила:

– Так ты приходи! Мы были бы рады тебя видеть!

– Постараюсь, – оглянувшись, с улыбкой ответила Инга.

Лиза какое-то время была насупленная. Она выдернула свою ладошку из ладони Инги и, недовольно поджав губы, шла рядом, но в то же время будто независимо.

– Лиза, ты сердисься? На меня?

Лиза помотала головой, однако недовольное выражение не исчезло с ее мордашки.

– Ты подумала, что я сейчас отведу тебя домой и отправлюсь на вечеринку к приятельницам вместо того, чтобы раскрашивать с тобой камешки? – догадалась Инга.

Девочка, немного поколебавшись, утвердительно кивнула.

– Да нет же, смешная! Раз я тебе пообещала, я не буду менять свои планы. Мы с тобой, как и хотели, будем разрисовывать камешки! Тем более что мне и самой не терпится проверить, что за краски мы с тобой купили. Я так давно не рисовала! Ты даже представить себе не можешь, как давно!

Лиза, похоже, поверила ей и с облегчением улыбнулась. И снова сунула свою маленькую ладошку в ее ладонь.

Алексей вернулся домой раньше обычного. Поставив машину в гараж, он вошел во двор и с удивлением услышал звонкий смех, доносившийся из небольшой беседки в саду.

– Нет, Лиза! Собачку лучше сделать не фиолетового цвета, а более подходящего. Хотя бы желтого. Лизка, ты вся в краске! Похожа на разноцветного индейца! Нина Павловна придет в ужас, когда тебя увидит!

Смеющийся женский голос удивил. И Алексей, заинтригованный, вместо крыльца направился к беседке.

Он застал просто идеальную картину: на застеленном газетой раскладном переносном столе сохли раскрашенные во все цвета радуги камни, которые Лизка натаскала с пляжа. Дочка, поджав под себя ноги по-турецки, сидела на лавочке и, высунув от усердия кончик языка, кисточкой размалевывала очередной камень. Ее лицо, колени и руки почти до самых локтей были в разноцветных кляксах и полосах, и она, как правильно заметила сидящая рядом с ней Инга, очень напоминала индейца в боевой раскраске. Сама Инга была не намного чище Лизы, по крайней мере, пальцы и ладони у нее тоже были в краске.

– Добрый вечер, Алексей! – девушка, первая заметившая вошедшего в беседку мужчину, весело поздоровалась. Отложив кисточку, она убрала тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лицо. И случайно оставила на лбу зеленую полосу.

– Добрый! – поздоровался мужчина и, смеясь, зашикал на Лизавету, тут же кинувшуюся к нему с объятиями: – Лиза, дочка! Ты меня сейчас всего испачкаешь!

– Краска легко отстирывается, – торопливо пояснила Инга и, оглядев созданный ею с Лизой беспорядок, повинилась: – Мы тут немного

напачкали и намусорили...

– Уберем! Потом, – добродушно отозвался Алексей и, присев рядом с дочерью на лавочку, поинтересовался: – Чем вы тут заняты?

Лизвета с готовностью сунула папе почти под нос камешек в разноцветных, еще не высохших разводах, и Инга пояснила:

– Это – принцесса. Лиза нарисовала. Мы пытаемся превратить эти камни в королевскую семью... Знаете, злая колдунья превратила жителей целого королевства в обыкновенные камни, а мы с Лизой, как две добрые волшебницы, их расколдовываем.

Алексей, с удовольствием отметив про себя ее красивый грудной голос, подумал, что Кристина тоже постоянно придумывала для дочки новые сказки и игры. Они чем-то похожи – Кристина и эта Инга... Неуловимое сходство, не столько внешнее, сколько на уровне внутренних ощущений. Спohватившись, что он слишком пристально рассматривает лицо девушки, Алексей сморгнул и, обращаясь к дочке, излишне весело спросил:

– Значит, вы – две волшебницы? И ваши кисточки – это волшебные палочки?

Лиза с улыбкой кивнула, обрадованная тем, что папочка так быстро разобрался в их с Ингой игре.

– Хотите попробовать? – Инга протянула Алексею свою кисточку, но тот, покачав головой, отказался:

– Позже. Инга, можно вас на минуточку?

Когда они вдвоем вышли в сад и немного отошли от беседки, Алексей достал из кармана смятую пачку сигарет и протянул Инге:

– Угощайтесь.

– Спасибо.

Закурив, она вскинула на мужчину смеющиеся глаза и прямо спросила:

– О ком будем говорить? О Лизе?

– О ком же еще, – развел он руками, будто удивляясь тому, что можно еще говорить о чем-то или ком-то, не касаясь его дочери. – Как прошел ваш с Лизой день?

– Обычно, – пожал плечами Инга. – Ходили на пляж, читали книгу, ели в кафе мороженое. Теперь вот камни разрисовываем. Алексей, девочка занята, ей не скучно, радуйтесь этому.

Ей почему-то показалось, что он вызвал ее для того, чтобы высказать какие-то свои претензии. Она не знала, почему так подумала. Но когда Чернов неожиданно вошел в беседку, почему-то решила, что он будет

высказывать неудовольствие.

– Я радуюсь, – ответил Алексей и удивленно наморщил лоб, не понимая, почему вдруг тон девушки сделался сухим. – Я не против того, чтобы вы занимались с Лизой. Если помните нашу первую встречу, я как раз для этого и приехал.

– Помню, – усмехнулась она и, оглядевшись, заметила: – У вас очень красивый сад, Алексей.

– Это заслуга моего садовника. Инга, я с вами хотел поговорить не о своем саде...

– Простите. – Она перевела взгляд на него.

Алексей неожиданно смутился. Помнится, в первый раз ее серые глаза показались ему холодными, а взгляд – слишком высокомерным. Ошибся?

– Я хочу вернуться к вопросу об оплате ваших услуг.

– Алексей, мы уже возвращались к этому вопросу! – категорично перебила она его. – Я не хочу разговаривать на эту тему. Вы меня не нанимали на работу, как, например, вашего садовника, я сама предложила погулять с Лизой. Вопрос о деньгах закрыт, и к тому же я не хочу, чтобы Лиза случайно услышала, как мы тут сейчас торгуемся. Не думаю, что ей пойдет на пользу новость, что все ее прогулки со мной оплачены папочкой. Почему бы вам не поверить в то, что не все отношения могут быть основаны на купле-продаже?

– Как хотите, – сдался Алексей, признавая ее правоту. И почему он уже не в первый раз соглашается с тем, что говорит эта девица? Снова пасует перед ней, словно подросток, допустивший оплошность. Ее вызывающая уверенность возмущает и в то же время служит своеобразным магнитом. Это не уверенность глупой красивой «куклы», уверенной лишь в собственной неотразимости, пока есть молодость и дорогие салоны красоты. Это – зрелая уверенность умной и опытной женщины. Которая к тому же привыкла рассчитывать только на себя. Но ведь Инга по возрасту вряд ли тянет на зрелую мудрую женщину.

– Инга, сколько вам лет? – Вопрос вырвался неожиданно и нетактично, и Алексей тут же смущенно извинился: – Простите... Не знаю, почему спросил.

– Двадцать девять, – ответила она с прощающей улыбкой, и на ее щеках обозначились ямочки. На ее щеках каждый раз появлялись трогательные ямочки, когда она улыбалась или усмехалась, но Алексей почему-то только сейчас обратил на это внимание. Все же она красивая... Очень. Красивая не той броской красотой, которая сразу приковывает к себе внимание, а утонченной, правильной, благородной. Ее красоту

открываешь для себя постепенно, как аромат коллекционного вина многолетней выдержки – букет за букетом.

– Алексей, ваша дочь может задуматься, о чем мы с вами так долго здесь беседуем, – вернул его в реальность ее голос.

– Да, конечно... – машинально согласился он, подумав про себя, что хоть разговор и вышел длительным по времени, но вот содержательным назвать его было никак нельзя. О Лизе толком так и не поговорили. Инга тем временем уже собралась возвращаться в беседку.

– Инга, еще минуточку! Я подумал, что нам, наверное, надо бы поговорить о моей дочери более подробно. Есть некоторые вещи, о которых я бы хотел вам сказать, но не сегодня.

– Хорошо, в другой раз! – с легкой улыбкой согласилась она и вновь убрала со лба прядь волос.

– У вас лоб в краске...

– Если позволите, я, перед тем как идти домой, умоюсь.

– Конечно. Может, останетесь на ужин?

– Мы с Лизой уже поужинали, – ответила она немного смущенно. – Нина Павловна категорически воспротивилась тому, чтобы мы расколдовывали окаменелое царство голодными. Я скоро пойду домой, Алексей. У меня есть на сегодняшний день еще планы.

– Да, конечно, – понимающе развел он руками.

Инга немного опоздала на встречу с приятельницами. Она пришла в ресторан, когда подружки, покончив с салатами и закусками, за неторопливыми разговорами ожидали официанта с горячим.

– Молодец, что пришла! – Мария, заметив подошедшую Ингу, прервала разговор и приветливо улыбнулась. – Мы думали, уже не придешь. Прочитала мою записку? Я заходила за тобой, но тебя не оказалось дома.

– Да, прочитала, – сказала Инга, присаживаясь за стол. – С вашей стороны было очень любезно пригласить меня.

– Не стоит благодарности, – ответила Тая ей в тон – с церемониальной учтивостью, вызвав общий дружный смех. – Во-первых, зачем тебе одной дома по вечерам сидеть, ты же отдыхать и развлекаться приехала. А во-вторых, нам тоже интерес – свежее вливание в нашу застарелую компанию.

Таисия сегодня была немного другая: она изменила прическу и осветлила волосы.

– Тебе очень идет, – отметила Инга ее «новшества» и углубилась в карту меню.

– Спасибо! – Тая, красуясь, кокетливо поправила волосы рукой.

– А я, а я? – Мария, дурачась, привстала из-за стола и, подбоченясь, продемонстрировала свой наряд – короткую юбку, соблазнительно обтягивающую крутые бедра, и откровенный топ.

– Высший класс! – Инга, засмеявшись, показала большой палец.

– Машка вышла на охоту, – прокомментировала Таисия наряд подруги.

– А то! – Та жеманно повела плечом и вновь рассмеялась. – Теперь надо еще что-то с Анной сделать.

– А зачем со мной что-то делать? – Анечка обиженно поджала бесцветные губы. Она даже ради вечера в ресторане не изменила своему скромному имиджу, облачившись в строгую блузку и завязав волосы все в тот же унылый пучок. – Тут и помимо меня темы найдутся.

И она кивнула в сторону Инги, желая отвести внимание подруг от собственной персоны.

– Да, Инга, кстати! – с энтузиазмом ухватилась Тая за подкинутую тему. – Аня нам рассказала, что встретила тебя с Лизой. А Мария поведала, что ты – психолог. Ты занимаешься с девочкой?

Инга неопределенно пожалала плечами и отвлеклась на подошедшую к столику официантку. Когда официантка, приняв заказ, ушла, она сказала:

– Ну, не то чтобы я стала заниматься с Лизой... Меня не нанимал Чернов. Скажем так, у меня появилась юная подруга, с которой мы вместе ходим на пляж и в кафе-мороженое.

Все три подруги недоверчиво на нее уставились, не понимая, как восьмилетняя девочка может быть подругой двадцатидевятилетней молодой женщине.

– А что тут такого? – Инга, как недавно – Мария, дернула плечом и рассмеялась. – Может, я еще сама не повзрослела и мне интересно читать сказки, собирать камешки, а потом разрисовывать их тушью. Почему у меня не может быть дружбы, просто дружбы с умненькой девочкой?

Она лукаво подмигнула приятельницам, и те сделали вид, что приняли ее доводы. Больше этим вечером они не касались в разговорах темы дружбы Инги с Лизой. Зато набросились на московскую приятельницу с вопросами о жизни в столице. Марию интересовали московские мужчины и их способы ухаживания. Тая с жадным интересом расспрашивала, что носят столичные модницы и в каких магазинах Инга предпочитает покупать себе наряды. Анна тихо спросила о книжных новинках. Время за разговорами летело очень быстро, и подруги разошлись по домам далеко за полночь.

Молодая женщина безостановочно быстрым шагом ходила по комнате – взад-вперед, взад-вперед. Она была рассержена, расстроена и возмущена.

– Сядь, не мельтеши, – раздраженно поморщился мужчина, лениво развалившийся в кресле и оттуда наблюдающий за ее метаниями.

Девушка, послушавшись, села было в другое кресло, но тут же вскочила и вновь принялась нервно расхаживать по комнате.

– Успокойся!

– Я не могу успокоиться, как ты не понимаешь! Как хорошо, что ты оказался дома.

– А где ж мне еще быть – в полтретьего ночи? Приятно, конечно, что родная сестра помнит обо мне и в столь поздний час, – лениво протянул он и предложил: – Коньяку налить?

– Я не пью эту гадость, ты же знаешь! И хватит надо мной смеяться!

– Я не смеюсь. – Мужчина удивленно вскинул брови. – Просто мне не понятна твоя тревога. Ведь ничего не произошло.

– Пока не произошло. Но произойдет! Я знаю. Я смотрела в картах. Все пойдет по тому пути, как и должно! Это судьба, крест – понимаешь?!

Девушка наконец-то перестала метаться и остановилась посреди комнаты.

– Прости, но мне не очень верится в твои... предсказания. Карты – это всего лишь... карты, картон с картинками. Они могут указать какой-то один возможный путь, а в жизни все пойдет по-другому.

– Ты мне не веришь. Ты смеешься надо мной! – истерично завизжала девушка, и мужчина, со вздохом поднявшись из кресла, подошел к ней и взял ее за руки.

– Послушай меня, не стоит так нервничать! Объясни толком, что случилось. Не то, что ты увидела в картах, а то, что уже случилось или что тебя так встревожило. И мы что-нибудь придумаем.

– Надеюсь! Надеюсь, что ты мне поможешь, поэтому я и у тебя, – горячо зашептала девушка. – Ты же знаешь, что я никого не люблю так, как тебя, что ты мне – единственный близкий человек. Помоги мне, придумай что-нибудь!

– «Я никого не люблю так, как тебя...» – с ироничной улыбкой повторил мужчина и, усмехнувшись, коварно спросил: – А его? Как же он? Разве его ты не любишь?

– Это – другая любовь. Ты знаешь. Ты – мой старший брат, а он для меня – желанный мужчина. Я столько сил вложила в то, чтобы быть с ним. У меня стало получаться, но случилось непредвиденное... Я сама виновата, не надо было мне рассказывать Мастеру о своем открытии, –

скороговоркой проговорила она, и ее тонкие пальцы подрагивали от возбуждения в широких ладонях брата. Тот успокаивающе поглаживал ее пальчики, но девушка, не обращая внимания на ласку, продолжала возбужденно тараторить:

– Мастер меня отстранил, ты же знаешь. Я не могу ничего сделать, потому что нахожусь под его контролем. Я не могу применять магию на «запретной территории», потому что Мастер это тут же обнаружит. Я приняла его, Мастера, условия, согласилась выждать. Но тут появилась она! Я чувствую исходящую от нее опасность, угрозу. И карты подтвердили мои опасения! Я не могу спокойно стоять в стороне и видеть, как другие хищницы покушаются на мой кусок! Сделай что-нибудь! Придумай! Это ведь и в твоих интересах! Что делать?

– Во-первых, успокоиться. Еще ничего не произошло из того, что наобещали тебе карты. В конце концов, это просто картинки. Остынь, сестренка. Устранить твою новую соперницу, думаю, возможно... – ухмыльнулся он. – Бывают же несчастные случаи на производстве...

– Нет, не так категорично! – испуганно вскрикнула девушка. – Оставим этот... способ на потом. Если другим... устранить не получится.

– Я пошутил, – сказал он и неодобрительно покачал головой: – Что-то ты стала слишком пугливая и совестливая. А ведь не так давно сама...

– Я не хочу об этом вспоминать! Не хочу об этом думать! Не сейчас! – Она убрала ладони из его рук и снова заходила по комнате.

– Да успокойся же! Если я правильно понял, ты расстроена появлением помехи...

Девушка остановилась, почувствовав, что брат уже придумал какое-то решение, и с надеждой спросила:

– У тебя есть идея?

– А почему бы и нет? Обижаешь, сестренка! Скажи, эта твоя «помеха» хоть ничего? Ну, ты меня понимаешь. – Он плотоядно улыбнулся, и девушка, поняв его, засмеялась:

– Если я тебя правильно понимаю, ты хочешь...

– А почему бы и нет? Скажи, это выход?

– Выход! – обрадовалась девушка и, расчувствовавшись, бросилась брату на шею. – Я знала, что ты что-нибудь придумаешь! Справишься?

– Сомневаешься во мне?

– Нет. – Она критическим взглядом оглядела его и засмеялась: – Нет никаких сомнений.

– Ну вот, и тебе хорошо, и мне – приятно. – Мужчина вытянул вверх руки, потягиваясь, и добавил: – Главное, чтобы эта твоя «помеха» не

слишком меня разочаровала.

– Не разочарует! – весело сказала девушка.

– Вот и отлично. Тебе лишь требуется рассказать мне кое-что...

VIII

На следующий день Алексей тоже вернулся домой раньше и встретил Ингу выходящей из его дома.

– Добрый вечер, – устало поздоровался он.

Когда девушка, поприветствовав его, уже направилась к воротам, он окликнул ее:

– Инга, подождите! Я хотел бы поговорить с вами о Лизе. Мы вчера об этом договаривались... Если не возражаете, я мог бы подвезти вас к дому, и по дороге мы бы поговорили.

– Возражаю, – с мягкой улыбкой ответила Инга и, заметив, как брови Алексея удивленно поползли вверх, добавила: – Но не против небольшой пешей прогулки.

Они вместе дошли до набережной – ровно на такой отрезок пути хватило небольшого рассказа Алексея о дочери.

– ...Лизка росла веселой и умной девочкой. Кристина, моя жена, много с ней занималась. Как вы уже знаете, у меня просто катастрофически не хватает времени на собственную дочь... – Алексей с горечью усмехнулся и, прищурившись, посмотрел на небо. На Ингу за все время пути он ни разу не взглянул.

– Кристи рано научила Лизу читать. И сейчас дочка почти все свое время проводит за книжками. Она практически ни во что не играет, только читает, читает... Очень много для восьмилетнего ребенка. У нас дома есть большая библиотека: Кристина просто боготворила книги. Так любимое Елизаветино место в доме – именно там, среди книжных стеллажей. Я не возражаю против того, чтобы она так много читала, но, знаете, иногда меня немного настораживает такая Лизкина страсть к книгам.

– Что в этом плохого? – непонимающе вскинула брови Инга. – Девочка вырастет образованной.

– Да, но она уже сейчас читает такие книги, которые, мягко выражаясь, не предназначены для ее возраста! – воскликнул Алексей с непонятым отчаянием, и Инга, чуть замедлив шаг, внимательно посмотрела на него. Сейчас, несмотря на свою крупную комплекцию и внушительный рост, он казался удивительно уязвимым. Даже его чеканный профиль, тяжелая нижняя челюсть и коротко стриженный затылок кричали об уязвимости. – Ладно, когда Лизка читает там свои детские книжки, того же Гарри Поттера... Это еще понятно. Допустим, ей уже интересны и

приключенческие истории Майна Рида и Жюль Верна. Но недавно я застал ее читающей знаете что? Книгу какого-то Майкла... Майкла... Не помню. В общем, что-то там про души.

– Майкл Ньютон, «Путешествия души», – задумчиво подсказала Инга.

– Вот! Вот именно! Скажите, как могут быть интересны подобные книги восьмилетней девочке?

– Любознательная она у вас.

– Пусть уж лучше камешки красит и в принцесс играет... – проворчал Алексей и тихо добавил: – Кристина тоже, как и вы, придумывала для Лизки много новых игр. А сейчас, после ее смерти, мы как будто осиротели... оба.

Он остановился и вытащил из кармана сигареты. Инга, остановившись чуть поодаль, с неожиданно защемившимся сердцем наблюдала, как Алексей, тихо чертыхаясь под нос, безуспешно чиркает заклинившей зажигалкой. Сейчас он открылся ей с новой стороны. В броне сильного и успешного человека с жестким характером обнаружилась трещина, и Алексей предстал перед Ингой обычным человеком со своими слабостями, с тщательно скрываемым за оболочкой «успешности» личным горем. И этот другой Чернов вызвал у нее неожиданно сильную симпатию. Спohватившись, она собралась предложить ему свою зажигалку, но Алексею уже удалось прикурить от собственной.

– Инга, вы можете? – Он поднял на девушку глаза, в его голосе звучало требование. Это был не столько вопрос, сколько утверждение.

– Помочь? В чем? Кажется, я уже и так немного облегчаю вам жизнь, гуляя с Лизой.

– Вы можете ей снова заговорить? Я знаю, что у вас получится! Не могу объяснить, почему так думаю, но я практически уверен в том, что именно вы сможете разговорить Лизу! Она не разговаривает с тех пор, как мы похоронили Кристину. Просто молчит, и все... Доктора уверяют, что это такая реакция на стресс... Которая когда-нибудь пройдет. Когда-нибудь! Инга, помогите! – Он в возбуждении схватил девушку за запястье.

Инга растерялась от такой горячности Алексея и, покосившись на его пальцы, крепко сжимающие ее запястье, не осмелилась выдернуть свою руку из его. Алексей сам, спohватившись, разжал пальцы.

– Мне бы вашу уверенность, Алексей... Я не специалист по подобным вещам! И к тому же у нас с вами не было такого уговора. Я просто предложила гулять с Лизой, чтобы девочка не сидела в одиночестве дома. За большее я не берусь.

– Инга, я вам заплачу...

– Опять вы о своем! – рассердилась она и, сощурившись, высокомерно посмотрела на него. – Алексей, я вообще-то сейчас на отдыхе, а не на работе. Между прочим, у меня недавно случилось большое горе – умер мой дядя, заменивший мне отца, и я приехала сюда, чтобы немного отвлечься, отдохнуть, восстановить силы, если хотите...

– Извините, – стусевался мужчина. – Я не буду больше на вас... давить.

– Да уж, пожалуйста. Спасибо, что вызвались проводить, дальше я дойду сама.

– Инга, вы на меня рассердились или обиделись? – встревожился Алексей.

– Нет. Не беспокойтесь об этом. Я хочу прогуляться одна – обдумать все то небольшое, что вы мне сейчас рассказали о Лизе. А вам пора бы вернуться к дочери.

– Вы опять мне указываете, – весело усмехнулся он. Теперь ее манера указывать, что ему следует делать, его забавляла.

– Ну что вы, кто я такая, чтобы указывать вам, – парировала она.

– Инга, знаете, я еще не сказал... Лиза иногда... Впрочем, нет.

– Что – нет? – нахмурилась девушка, поняв, что Алексей что-то недоговорил. Но он, натянуто рассмеявшись, развел руками.

– Да нет, нет. Ничего. Вы точно не хотите, чтобы я вас проводил до дома?

– Мне надо пройтись одной.

– Ясно. Нет вопросов. – Он, словно сдаваясь, поднял руки. – До свидания.

– До свидания.

Когда она перешла дорогу и уже направилась к своей калитке, за ее спиной неожиданно раздался грохот. Испуганно обернувшись на шум, Инга увидела распластавшегося на дороге человека в мотоциклетном шлеме и рядом – лежащий на боку мотоцикл с еще вращающимися колесами. Девушка подбежала к мотоциклисту, который успел к этому моменту сесть на обочине и осматривал свою ссаженную руку.

– С вами все в порядке?

Парень бросил на нее, присевшую рядом с ним на корточки, быстрый взгляд:

– Кажется.

И, поднявшись, принялся отряхивать испачканные джинсы.

– У вас локоть разбит... – нахмурившись, заметила Инга и тоже выпрямилась.

– Ничего страшного. – Парень снова взглянул на свою руку и улыбнулся ей: – Не смертельно.

– Но кровоточит же.

Она и сама не понимала, почему задерживается рядом с этим незнакомцем, ведь убедилась же в том, что помощи не требуется.

– Наверное, по закону жанра, вы хотели бы пригласить меня сейчас к себе, чтобы обработать ссадину? – с лукавой усмешкой поинтересовался парень.

Инга, мысленно аплодируя его веселой наглости, ответила:

– У меня дома нет аптечки.

– Жаль. Могли бы соврать, что есть.

Он наклонился, чтобы поднять свой мотоцикл.

– Но у вас мог бы оказаться чистый носовой платок. Это тоже вполне соответствует жанру...

– Знаете, я, наверное, не читаю книг такого рода и фильмы в этом жанре тоже не смотрю. Поэтому у меня нет с собой платка – ни чистого, ни грязного, – засмеялась Инга. – Так что, к сожалению, ничем помочь не могу.

– Ясно, – притворно вздохнул парень и сел на мотоцикл. Он завел мотор, но, однако, медлил с тем, чтобы уехать.

– Вы очень красивая. Если я спрошу, как вас зовут...

– Это будет соответствовать жанру, но очень предсказуемо, – отрезала Инга и направилась к калитке.

– А вы, значит, не любите предсказуемость.

– Терпеть не могу! – оглянувшись, с улыбкой ответила она. – Всего вам доброго. И будьте осторожны на дороге.

– Постараюсь. И вам тоже всего хорошего! Спасибо за участие! – Парень в шутку отсалютовал ей и, нажав на «газ», сорвался с места.

И все же она, замешкавшись возле калитки, не удержалась и оглянулась вслед «любителю жанра».

Алексей проснулся от мягких, но настойчивых прикосновений к лицу. Перед этим ему снилось, будто Кристина будит его, как раньше, ласково касаясь пальцами его щеки. Еще находясь во власти сновидения, мужчина открыл глаза в полной уверенности, что сейчас увидит склонившуюся над ним жену. Он даже чуть было не произнес фразу, которую иногда говорил ей, когда она будила его: «Кристи, еще минуточку...» Но комната, слабо освещенная светом дворового фонаря, была пуста. Алексей, сев на кровати, с недоумением огляделся и дотронулся пальцами до щеки, которая еще

слишком явственно хранила ощущения чьих-то ласковых прикосновений. Яркий сон или... Мужчина, прикрыв глаза, втянул ноздрями воздух с разлитым в нем еле уловимым ароматом ванили. Запах Кристины, он не может ошибаться! Еще не понимая, что делает, мужчина вскочил с кровати и, не одевшись, бросился к двери.

– Кристина!

Он, споткнувшись о небольшой порог, упал, но тут же вскочил на ноги и, совершенно не беспокоясь о том, что может разбудить дочь, выбежал в коридор.

– Кристи...

Стоя посреди пустого коридора, Алексей медленно приходил в себя, чувствуя себя дураком, который повелся на глупый розыгрыш. Розыгрыш – это сон, который непонятно почему он принял за действительность. От досады ему захотелось с силой засадить кулаком в стену, но сейчас, немного остыв, Алексей уже понимал, что разбудит дочь. Приложив ладонь к груди, где громко и часто ухало сердце, он зажмурился и сделал несколько глубоких вдохов. Может, ему стоит найти высококлассного психотерапевта?.. Повторяющиеся галлюцинации – это, наверное, тревожный симптом. Впрочем, доктор наверняка пропишет какие-нибудь травяные микстуры для успокоения нервов и настоятельно порекомендует отдых. В травяные настойки Алексей не верил, в возможность уйти в отпуск – тоже. Психотерапевт отпадает, однозначно.

Он открыл глаза и вытер ладонью влажный лоб. Надо же, от волнения даже выступила испарина. Неужели он и в самом деле поверил в то, что сейчас увидит свою покойную жену, догонит ее, схватит за руку? С трудом сдерживая клокочущие в душе эмоции, Алексей стиснул зубы и уткнулся лбом в стену.

Сколько он так простоял в коридоре, еле сдерживая рвущийся наружу вой, он не знал. Ему не хотелось возвращаться к себе. Он боялся, что войдет в свою спальню и вновь почувствует запах Кристининых духов. И тогда он сойдет с ума – от горя, от отчаяния, от рвущего душу крика. Если он не сошел с ума *тогда*, когда ее не стало, то сойдет сейчас, он уже на грани этого. Тихо оттолкнувшись от стены, Алексей, пошатываясь, словно пьяный, побрел к своему кабинету, где в шкафу хранил бутылку коньяка.

IX

Прежде чем отправиться за Лизой, Инга решила зайти на местный рынок, чтобы купить для девочки каких-нибудь гостинцев. Конечно, Нина Павловна, как обычно, даст им с собой на пляж пакет с бутербродами и яблоками, но Инге хотелось купить что-нибудь самой: сочной черешни, кукурузных палочек, сладкого воздушного риса или каких-нибудь других сладостей.

Она странным образом привязалась к этой девочке. Иногда ей казалось, что она видит в ней себя в детстве. Странная ассоциация... Внешне Инга была совсем другой, абсолютно не похожей на черноглазую и темноволосую Лизу. Но все же было между ними какое-то странное сходство. Нечто, улавливаемое лишь на уровне неясных ощущений, что-то, что объединяло их, восьмилетнюю девочку и двадцатидевятилетнюю женщину, делало похожими, ставило на одну доску.

Размышляя о странном сходстве между собой и Лизой, Инга вышла на улицу и направилась в сторону городского рынка.

– Девушка, подождите!

Она оглянулась на оклик и увидела спешащего к ней молодого человека, в котором с удивлением узнала вчерашнего мотоциклиста.

– Доброе утро! – радостно, как знакомую, поприветствовала ее парень.

– Доброе. Вы что, специально меня караулили? Или, «по закону жанра», «случайно» здесь прогуливались?

Он усмехнулся, давая понять, что оценил ее иронию.

– Ну, если вы верите в случайные встречи... Хотя мне кажется, что вряд ли. Да, я вас караулил.

– Зато честно, – улыбнулась Инга и уже с бо́льшим интересом посмотрела на парня.

На вид ему было лет тридцать. Светлая, выгоревшая на солнце челка с эффектной небрежностью падала на лоб, голубые глаза ярко выделялись на загорелом лице. Пожалуй, черты его лица можно было бы назвать красивыми, но Ингу не привлекала подобная красота, растиражированная глянцевыми журналами. Безупречная внешность скучна, особенно если потом оказывается, что за привлекательной «оберткой» ничего нет.

– Честность и прямота – это мой бич... – улыбнулся парень безупречной улыбкой рекламного красавца. Пожалуй, для карьеры на подиуме ему не хватало лишь роста: он был хорошо сложен, но невысок.

– Это я уже заметила. И так, что же вам, такому прямому и честному, от меня понадобилось?

– Прогулка по набережной. Сегодня вечером. Я буду ждать вас у калитки ровно в десять.

– Лихо... – протянула Инга, поражаясь наглости незнакомца. Но, странно, его уверенность ей понравилась. – А кто вам сказал, что я соглашусь? Я могу отдыхать здесь не одна, да и вечер может оказаться занят.

– Разведка донесла, что вы отдыхаете одна. А если этот вечер у вас занят, значит, перенесем нашу прогулку на другой.

– А иначе вы не отвяжетесь...

Он с лучезарной улыбкой развел руками.

– Назойливый курортный съем, – со вздохом подвела итоги Инга.

Парень снова рассмеялся, демонстрируя безупречной белизны ровные зубы:

– Почему женщина, едва получив приглашение прогуляться, уже начинает мечтать о «съеме»? Почему все так примитивно?

– Это не примитивно, это – исторически сложившиеся, древние сексуальные инстинкты, доставшиеся нам от наших предков. Вечер у меня свободен, – усмехнулась Инга, мысленно удивляясь, с какой легкостью она согласилась на прогулку с незнакомцем. И предупредила: – Только мне бы не хотелось напрасно обнадеживать вас призом в виде короткого страстного романчика. Меня мужчины, знаете ли, интересуют мало.

– Ого! Даже так? – Парень от неожиданности присвистнул, и Инга с удовольствием отметила обескураженное выражение его лица. – Но я приглашаю вас всего лишь на прогулку, не более.

– Ну раз вам интересна безрадостная перспектива пустых «бесед при луне», тогда... Как вы сказали, в десять возле калитки?

– В десять. Возле калитки. – Парень поклонился. – Меня зовут Макс.

– Я – Инга, – представилась она и, прежде чем уйти, заметила: – Только учтите, я панически боюсь мотоциклов. Надеюсь, наша прогулка будет пешей?

– Несомненно, – заверил ее Макс.

– А вот это уже становится интересным...

Мужчина, задумчиво теребя пальцами гладко выбритый подбородок, неторопливо расхаживал взад-вперед по беседке. Подобных беседок в городском парке было множество, и они, облюбованные ценителями тенистых уголочков, практически никогда не пустовали. Как правило,

укрытия от солнца искали местные жители, а курортники, проехавшие не одну сотню километров ради южных лучей, предпочитали в качестве ареалов обитания набережную и пляжи.

– То, что вы мне сейчас рассказали, вносит некое разнообразие в наши «рабочие будни», а? Как вы считаете? Значит, эта странная дружба продолжается. И, похоже, крепнет...

– А эта... не послужит помехой? – заботливо спросил второй собеседник, младший по возрасту. Он наблюдал за расхаживающим по беседе человеком с некоторой тревогой, ожидая, что в этот раз, как и в прошлый, вместо благодарности за доставленную информацию он получит выговор.

– Не думаю. – Мужчина прекратил расхаживать и, остановившись посреди беседы, повернулся к своему собеседнику. – Что она собой представляет, чтобы послужить серьезной помехой? Впрочем, раз попала в поле зрения, понаблюдай и за ней, голубчик, тебе это не составит особого труда.

– А когда мы перейдем к действиям?

– Позже, дорогуша. – Мужчина в возрасте снисходительно улыбнулся. – Я еще не готов вплотную заняться *ею*. Да и *она* – не готова... Может быть, то, что сейчас происходит, пойдет ей лишь на пользу. Да, я так думаю. Только будь рядом, не проворонь ничего важного.

– Я стараюсь. – Молодой мужчина заискивающе улыбнулся, рассчитывая хотя бы на похвалу, которая не замедлила последовать:

– Вот и молодец.

Свидание с Максимом не вызвало сильных эмоций. Впрочем, Инга и не ожидала от предстоящей прогулки ничего особенного, только надеялась без скуки провести время. Видимо, она уже слишком сжилась – как со второй кожей – со своим восприятием мужчин как обычных, не вызывающих особого интереса объектов. А жаль... Макс был безупречен в своем таланте галантно ухаживать за женщиной: начиная с обязательного букета белых роз и заканчивая ужином при свечах в тихом ресторанчике.

– Извини, ты не любишь предсказуемость... А я сегодня предсказуем до мелочей, действовал строго в рамках твоего нелюбимого жанра, – повинулся Макс вместо первого тоста, подняв бокал с красным вином. На губах его играла чуть смущенная, виноватая улыбка. Такая улыбка, вкупе с восхищенным взглядом и галантными комплиментами, подобно наточенному кинжалу в руке опытного воина, не оставляет шансов женским сердцам. За подобную улыбку простишь страшный грех, а не то

что предсказуемость романтика, и, не досчитав до десяти, кинешься в омут короткого, но наэлектризованного страстью курортного романа.

«У меня вместо сердца – часовой механизм с винтиками и болтиками», – с искренним сожалением вздохнула Инга, почти уже проклиная свое безмолвное сердце. Макс старался. Он слишком старался ей понравиться, и Инга даже почувствовала неловкость оттого, что, несмотря на все его старания, оставалась равнодушной. Она словно оказалась вне сюжета. Или – вне жанра, как, наверное, сказал бы Макс. Ради нее на сцене разворачивалась драма, а она – главная актриса – предательски покинула сцену, заняв место стороннего наблюдателя. Драма с одним актером, который пытается за двоих вытянуть сценарий и отыграть свою роль блистательно до занавеса.

– Инга, что-то не так? – Ее безучастие не могло остаться незамеченным им.

– Да нет, Макс, все так. Извини, – натянуто улыбнулась она и, пригубив немного вина, отставила бокал. – Впрочем... Ты же ведь звал меня просто на прогулку! А прогулка плавно трансформировалась в свидание.

Она мягкой улыбкой постаралась сгладить свой упрек. Все же Макс был ей симпатичен. Он не был навязчив: за весь вечер даже не позволил себе коснуться ее руки. Он был хорош собой и интересен как собеседник. Клад для женщины, истосковавшейся по романтике и бурным эмоциям. Беда для наивной юной мечтательницы – улыбка и манеры Макса оставят в сердце незаживающий шрам. находка для эстетки, чей вкус безнадежно испорчен предпочтением идеальной внешности. Услада для начитанной интеллектуалки, чьего общества панически избегают «среднестатистические» мужчины.

– Я не настаиваю и не форсирую события. Но я – романтик. И посчитал, что такая красивая женщина, как ты, заслуживает достойного вечера, – Макс постарался достойно выйти из щекотливой ситуации.

Инга не успела ему ответить: отвлеклась на телефонный звонок. Но связь в ресторане оказалась плохой, и Инга, извинившись перед Максом, вышла на крыльцо, чтобы перезвонить.

– Привет, Вадим! – Услышав в трубке голос брата, она очень обрадовалась. – Надеюсь, ничего не случилось, раз ты звонишь мне почти ночью?

– Ничего, только то, что мы с Ларой по тебе соскучились, – бодро отрапортовал Вадим. – Надеюсь, не разбудил?

– О чем ты, наивный! Неужели думаешь, что я могу здесь лечь?

спать в такой ранний для меня час? Между прочим, я сейчас на свидании...

– Извини, что помешал, – повинился Вадим. И, понизив тон, стараясь быть серьезным, поинтересовался: – И кто... она?

Инга неприлично громко фыркнула и рассмеялась:

– Брат, ты не поверишь, это не «она», а «он». Я на свидании с женщиной.

– Да ладно, – недоверчиво протянул Вадим. – Разыгрываешь. Или у тебя опять поменялись предпочтения? Это было бы хорошо, потому что мне как мужчине все же несколько обидно за то, что моя красавица-сестра стала предпочитать... девушек, а не мачо.

– Мачо давно вымерли, а те, которые еще остались, занесены в Красную книгу и охраняются законом.

– «Охраняются законом» – это в буквальном смысле слова? Не думал, что в твоём понимании мачо – это ээки, – рассмеялся Вадим.

Инга его осадила:

– Не цепляйся к словам.

– Не буду. Лучше расскажи, кого ты удостоила чести?

– Местного красавца, который плохо ездит на мотоцикле, но знает толк в романтике. К сожалению, брат, я безнадежно испорчена... Меня никакой романтикой не реанимируешь.

– Сердце не забило? – с иронией поинтересовался Вадим.

Инга, вздохнув с притворным сокрушением, честно призналась:

– Глухо – как в танке. У меня не сердце, а моторчик, причем не пламенный.

– Ладно, ладно, рано тебе еще ставить на себе крест. Только будь со своим романтичным красавцем осторожна.

– Вадим, я уже не маленькая девочка!

– Знаю, знаю. Сейчас начнешь возмущенно кричать, что из нас двоих ты – старшая и опытная. На целых пятнадцать минут опытней. Будь осторожна, сестренка, только об этом тебя и прошу. У нас с Ларкой все прекрасно, она передает тебе привет и миллион поцелуев. Так и сказала. Все, не буду больше отвлекать тебя от твоего свидания-несвидания.

Инга почувствовала, что брат по ту сторону «провода» улыбается, разговаривая с ней, и ей вдруг невыносимо захотелось оказаться дома, рядом с близкими и родными людьми – с Вадькой и его женой Ларисой.

Она вернулась в ресторан и, пригубив из бокала вина, закурила.

– Это мой брат звонил. Соскучилась я по нему. Не виделись всего ничего, а я уже тоскую по нему смертельно. Мы с ним – двойняшки. Две половинки одного целого. Макс, может, пойдём уже? Я хочу вернуться

домой пораньше.

– Как скажешь, – постарался он скрыть свое огорчение. – Я провожу тебя, разрешишь?

– Разрешу.

Во сне Инга шла через цветущий сад. Ей было лет десять: в городе своего детства она видела себя в снах в этом возрасте. Она углублялась в сад, раздвигая руками тяжелые, в цвету, ветки деревьев. Шла она уже очень долго, выбирая нужные тропки интуитивно. Инга знала, *кто* ее ждет в глубине сада. И сейчас, пробираясь через цветущие деревья, мысленно гадала, что могло случиться, раз бабушка решила вновь с ней «поговорить».

Инга вышла на небольшую полянку, на которой стоял стол и по обе его стороны – две скамеечки. На одной из скамеечек уже сидела бабушка, Инга присела на другую – напротив.

– Инночка, я тебя давно жду, – упрекнула ее бабушка, едва внучка села.

Инга хотела в оправдание сказать, что сад очень большой, тропок в нем много и она заблудилась, но бабушка, не дав ей открыть рта, строго заявила:

– Ругать тебя буду!

Бабушка во снах еще никогда ее не ругала. Предупреждала, советовала, но никогда не повышала на внучку голоса и ни в чем ее не упрекала. Инга, недоуменно подняв на бабушку глаза, замерла в надежде, что бабушка сердится в шутку. Однако старушка, недовольно хмуря брови и поджимая тонкие губы, тихо стукнула сухим кулачком по столу.

– Твоя работа?! – спросила она, указывая подбородком на стоявшую на столе миску с черешней, на которую Инга не сразу обратила внимание.

Сейчас, бросив взгляд на миску, Инга увидела, что половина черешни съедена, и в блюде вперемешку со спелыми ягодами лежат косточки. Инга удивилась и хотела сказать, что она не ела эту черешню... Возможно, это брат съел... Но вспомнила, что брат здесь ни при чем. Неужели она сама съела черешню? Но когда и как – не помнила.

– Твоя работа, – грустно подвела итог бабушка, и Инга виновато потупилась.

– Я что тебе сказала? Что черешню надо вернуть хозяевам! А ты что натворила?!

– Я больше не буду... – еле слышно прошептала Инга и сжала пальцы в кулачки. Ей было очень неприятно, что бабушка ее ругала, и больно

оттого, что не выполнила бабулину просьбу, поддалась соблазну и съела ягоды.

– Я все объясню хозяевам... Я верну им то, что осталось... – залепетала она в оправдание.

– Да нет уж, милая, нет уж, – покачала головой бабушка, с грустью глядя на внучку. – И ругать я тебя буду не за то, что ты съела ягоды, а за то, что ты перестала думать об осторожности и пренебрегаешь тем, чему я тебя обучила!

– Бабушка, я...

– Нет уж, милая, помолчи, – ласково, но твердо перебила внучку старушка. – Времени у нас мало, послушай сейчас меня. Понимаю, ты приняла решение не пользоваться знаниями и Силой, что в тебе заложена. Но ты убрала свои сокровища в темный чулан и решила совсем забыть о них. Не закапывай то, что еще не один раз тебе пригодится! Ты очень сильная, Инночка – я тебе говорю об этом каждый раз. Твоя сила – в любви. И засохшая роза может возродиться от воды, если эта вода – любовь...

Бабушка ласково улыбнулась и, протянув через стол руку, легонько коснулась пальцами Ингиной руки.

– Послушай меня, родная, послушай внимательно. Ты уже влезла в сад и даже съела часть ягод, не тебе предназначенных. Ты у меня умная и сильная, верное решение сумеешь найти, но не забывай об осторожности. Я учила тебя, как охранить себя и близких, и ты до недавнего времени умело использовала эти знания. А сейчас пренебрегаешь ими. Ты открыта, Инночка! На поле битвы оказалась без щита и меча. Нельзя так, дорогая. Быстро падешь, и никто не сможет тебе помочь. Не пренебрегай знаниями, прошу тебя! Они понадобятся и тебе, и тем людям, которые тебе дороги будут. И помни о том, что и засохшую розу можно возродить, пока ее корни в земле. Но не допусти того, чтобы твои «корни» оказались вырванными. Поняла меня?

– Да, бабушка... – прошептала Инга, не поднимая глаз.

– То-то же. – В голосе старушки появились уже совсем другие интонации – нежность и ласка. Инга осмелилась поднять взгляд и увидела, что бабушка улыбается ей – так, как улыбалась всегда, – с любовью.

– Инночка, завтра ко мне ты придешь. Расскажешь мне все твои горести. А сейчас, родная, мне нужно избавить тебя от той отравы, которой ты по неосторожности наелась. – Бабушка с горечью усмехнулась и, коротко кивнув на миску с ягодами, остановила долгий взгляд на испуганно замершей внучке.

– Бабушка, не надо... – жалобно пробормотала Инга, увидев, что

старушка, не спуская с нее пристально взгляда, уже зашептала что-то себе под нос. – Бабуля, пожалуйста...

Старушка, не прекращая своего занятия, сердито нахмурилась и жестом остановила внучку, собравшуюся было встать и уйти.

– Не надо... – чуть не плача, еще раз предприняла попытку остановить бабушку Инга. – Мне плохо...

Уткнувшись лбом в деревянную столешницу, Инга тихонько застонала и проснулась.

Ей было плохо не во сне, а наяву. Плохо почти до полуобморочного состояния.

– Го-осподи... – жалобно простонала Инга и, придерживаясь рукой за стену и натыкаясь в темноте на предметы, поплелась на улицу. Остановившись в дверях, она сделала глубокий вдох. От свежего воздуха ей стало немного легче, но тошнота и головокружение все равно не прошли. Девушка вцепилась пальцами в дверной косяк и вытерла ладонью взмокший лоб. Лечь обратно в постель не рискнула: она бы не вынесла вновь ощущения, будто ее кровать раскачивается на волнах. Аккуратно, стараясь не споткнуться в темноте и не упасть, Инга добрела до скамейки и села. Сбросив обувь, она поставила босые ступни на сиденье и уткнулась лицом в колени. Лучше она посидит здесь, на воздухе... Неужели она чем-то отравилась? Сложно в это поверить, ведь в ресторане она почти ничего не заказывала, взяла только отварной картофель и салат из овощей с маслом. И вина выпила чуть-чуть – полбокала... Она больше слушала Макса, чем ела. Макс... Он снова пригласил ее на свидание, и она согласилась встретиться... Если не умрет, конечно, и будет в состоянии куда-либо идти. А когда ей станет лучше, она подумает о сне, который только что увидела. И постарается правильно разгадать очередной бабушкин «ребус».

Едва подумав об этом, Инга испытала такой сильный приступ тошноты, что, сорвавшись с места, ринулась в туалет. Ее долго и мучительно выворачивало, но после стало намного легче. Видимо, она действительно чем-то сильно отравилась. Пошатываясь, она вышла из деревянной туалетной кабинки и умылась нагретой за день и еще не успевшей остыть водой из уличного умывальника. После этого Инга, жалея, что у нее нет с собой активированного угля, вернулась в свой флигелек и упала на кровать.

X

– Тая, привет, – поздоровавшись еще издали, Алексей подошел к прилавку, за которым стояла Таисия и, оглянувшись по сторонам, быстро спросил: – Когда у тебя обеденный перерыв?

– А что случилось?

– Ничего... – поспешно проговорил Алексей. Выглядел он немного смущенным и даже растерянным, что было очень на него не похоже. – Ничего не случилось, Тая, просто мне надо с тобой поговорить. По делу. Я проезжал мимо твоего магазина и решил зайти. Мы могли бы пообедать вместе – тут, неподалеку, в ресторане. Когда ты освободишься?

– Да хоть сейчас... погоди, я только заведующей скажу да кого-нибудь из девчонок попрошу подменить меня, – засуетилась Таисия и, оставив Алексея ждать ее возле прилавка, куда-то отошла.

Появилась она минуты через три, уже без рабочего халатика, с сумочкой в руках.

– Минут тридцать-сорок у меня есть. Хватит?

– Хватит, – обрадовался Алексей. Свои дела он привык решать и за гораздо меньшее количество времени.

Инга уже второй час сидела на скамеечке возле могил своих родных. Она пришла сюда, как просила во сне бабушка. Из-за бессонной ночи Инга пришла на кладбище не ранним утром, а ближе к обеду, и сейчас, отрешенно глядя на покосившиеся памятники, машинально, без эмоций, думала о том, что уже пора идти за Лизой, девочка ее ждет... И не могла встать и уйти, словно ее что-то удерживало здесь: особая умиротворенная тишина, мысли, воспоминания, невысказанные слова, не полученные на вопросы ответы...

Упершись в колени локтями, она уткнулась подбородком в кулаки и, находясь в состоянии, близком к трансу, мыслями перенеслась в прошлое. Ее воспоминания были настолько яркими, что, глядя перед собой, она видела не территорию кладбища, а обстановку дома, в котором выросла, и своих родных, словно те были сейчас с ней рядом. Она даже видела своего отца, хотя знала его лишь по фотографиям. И мама, одетая в свое любимое выходное платье, с улыбкой протягивала к ней руки.

Она думала о бабушке. О том, что бабуля говорила ей во сне. И сейчас, размышляя над ее словами, вспоминала уютные вечера на маленькой

кухне...

– Ну-ка, милая, пока наш пострел носится по улице, мы с тобой займемся важным делом. – Бабушка с ласковой улыбкой наливала Инге большую чашку сладкого чая и приносила на кухню книги и тетради со своими записями. Это была их с бабушкой тайна: пока Вадим гулял на улице с соседскими ребятами, Инга изучала бабушкины премудрости.

– Это, Инночка, дорогой клад, сокровище. – Бабушка, надев очки, с благоговением переворачивала страницы старинной, уже изрядно потрепанной книги. – Если ты овладеешь этими знаниями... А в том, что ты ими овладеешь, я не сомневаюсь: в тебе сила огромная заложена. Только, родная, не применяй эти знания во вред другим. Все зло к тебе вернется в многократном размере – это истина. А защитить себя и близких ты сможешь. В мире много зла, и бороться с ним надо не ответным злом, а добром.

Вечер за вечером бабушка вкладывала в нее по крупицам свои знания, с удовлетворением отмечая, что внучка оказалась способной ученицей.

– Ну, теперь мне и умереть не страшно! – то ли в шутку, то ли всерьез приговаривала бабушка, а Инга недовольно хмурилась – зачем она говорит о смерти?

– Все, что знала и умела, тебе передала. Не уйдут в землю мои знания и знания моей прабабки! Это клад, Инночка, поколениями накопленный, не растеряй его.

«Не растеряй...»

Инга, сморгнув, подняла глаза на фотографию бабушки на могильном памятнике. Что ей теперь от всех этих знаний, если у нее нет Силы? Если она всю ее отдала на то, чтобы разрушить проклятие, которое убило бы ее брата... Если она теперь – пуста, как перевернутая чашка. Одних знаний недостаточно, чтобы провести необходимый ритуал. Но, может, бабушка правильно ругала ее во сне за то, что она опустила руки, слишком сжилась со своей «опустошенностью», носится теперь с ней, как с драгоценностью? «И засохшую розу можно возродить». Инга вздохнула и, мысленно попрощавшись с родными, поднялась со скамеечки и вышла за оградку.

Алексей, вопреки своим привычкам быстро решать вопросы, приступил к разговору лишь тогда, когда им принесли заказанные блюда, и Тая, измучавшись молчанием, не выдержала и напомнила:

– О чем ты хотел поговорить со мной? Надеюсь, с Лизой все...

– С ней все в порядке, – поспешно заверил Алексей и добавил: – Ну, в относительном порядке, как ты понимаешь... Я хотел поговорить с тобой о

другом. Только пообещай, что после того, что я тебе расскажу, ты не отправишь меня к психиатру.

– О чем ты, Чернов? – мягко засмеялась Тая. – Обещаю, не отправлю. Что случилось?

– Скажи, Тайка, ты веришь в потусторонние вещи? Ну, например, в полтергейст, привидения и прочую херню? Или все же с такими вопросами – к психиатру?

– погоди, Леш, – нахмурившись, оборвала его Таисия. – Конкретней, конкретней.

Мужчина с шумом выдохнул, наклонился к приятельнице через стол и, понизив голос, заговорил:

– Тайка, мне нужно с кем-то поговорить о том, что со мной происходит. Я надеюсь, что ты с пониманием отнесешься к моим откровениям и не поднимешь на смех. Хотя я предполагаю, что любой другой человек, услышав от меня подобное, скажет, что Чернов заработался и у него с головой не все в порядке. Ты, я знаю, веришь в какие-то аномальные вещи, с бабками-ворожейками знакомства имеешь, церковь посещаешь. Я слышал, как вы с Кристиной о таких вещах когда-то шушукались. Я еще над вами посмеялся, помнишь? А вы обе на меня обиделись...

– Помню, – нахмурилась Таисия. Вопреки опасениям Алексея, слушала она его чрезвычайно внимательно и с серьезным видом.

И он воодушевился:

– Тая, могут ли такие вещи на самом деле происходить или мне и правда стоит обратиться к специалисту по поводу моих... галлюцинаций? Я, понимаешь, чувствую Кристинку! Будто она приходит, касается меня, смотрит на меня. Я слышу какие-то вздохи, шелест платья. И в комнате после этого остается запах ее духов. Я ни с каким другим не могу его спутать! А иногда я нахожу... Кристинины вещи. Мелкие вещи вроде заколок и платков, которые оказываются в неожиданных местах. Я предполагаю, что это могут быть Лизины проказы. Но если так, то... зачем?

Алексей растерянно посмотрел Тае прямо в глаза и та, не зная, что на это ответить, покачала головой.

– Но и это еще не все. Моя дочка все время куда-то пропадает. Я собственными глазами вижу, как она заходит в комнату, но когда я вхожу за ней следом – ее там уже нет! Черт знает что творится в моем доме! А еще во сне я стал слышать голоса. Недавно было: я спал и проснулся оттого, что кто-то слишком отчетливо произнес над моим ухом: «Не продавай дом!»

Мне показалось, будто это сказала Лиза. Открыл глаза – в комнате никого. Естественно. Сегодня ночью опять случилось нечто подобное. Только это уже был не Лизкин голос, а... Кристинин. Она сказала, что «скоро все откроется». Я проснулся, комната пустая, а пахнет Кристининыными духами. Тайка, я схожу с ума?

– Вряд ли, – медленно покачала головой Таисия и, протянув руку, накрыла ладонью ладонь Алексея. – Я плохо разбираюсь в таких вещах, но все же посоветовала бы тебе сходить в церковь и поставить свечку за упокой Кристининой души. И еще хорошо было бы пригласить батюшку – освятить дом.

Алексей скептически усмехнулся, и девушка рассердилась:

– Зря смеешься! Если не хочешь приглашать батюшку, сам окропи дом святой водой. Окропи, окропи! И свечку сходи поставь. Я бы посоветовала тебе сходить к одной женщине, которая в таких делах хорошо разбирается, но ее сейчас нет в городе. Когда она вернется, я дам тебе ее адресочек. А пока окропи дом святой водой. Я принесу тебе ее?

– Валяй, – сдался Алексей и, наморщив лоб, с надеждой уточнил: – Значит, ты и правда считаешь, что это не галлюцинации?

– Да, так и считаю.

– Спасибо, любезная... – Алексей с облегчением перевел дух и улыбнулся. – А то я уж подумал, что совсем у меня с головой плохо стало, заработался.

– Если бы это были галлюцинации, вызванные работой, то вряд ли бы тебе виделись те вещи, о которых ты мне рассказал. В качестве «рабочих глюков» по твоему дому рыбки бы с зонтиками прогуливались и шхуны проплывали.

Алексей громко засмеялся, признавая шутку Таисии удачной и, подозвав официантку, попросил счет за обед.

«Неужели то, что мне сказали, правда? Нехорошие дела получаются... Что ж делать-то, что ж делать...» Таисия, сев в машину Алексея, отвернулась к окну. За всю дорогу от ресторана к магазину она не проронила ни слова, встревоженно размышляя над тем, что рассказал ей Алексей.

Возле выхода с кладбища Инга встретила с дядей Сашей – соседом хозяйки, у которой снимала домик. Он окликнул ее, девушка подождала догоняющего ее пожилого мужчину и поздоровалась:

– Добрый день, дядя Саша!

– Здравствуй, здравствуй, – пожилой мужчина с улыбкой подошел к

ней и заметил: – Необычные для курортницы места ты посещаешь.

– Навещала, – коротко ответила Инга и пошла немного медленнее, подстраиваясь под неторопливый шаг дяди Саши. – А вы тоже навещали кого-то?

– У меня тут друг старый покоится. А у тебя кто?

– Родители. И бабуля, – грустно улыбнулась Инга. – Я ведь в этом городе родилась, дядь Саш. В Москву уже потом уехала, когда школу окончила.

– Землячка, значит? Ты про это не рассказывала, когда мы чай вместе пили, – мужчина с ласковой улыбкой пожурил девушку, и она, смущенно улыбнувшись, развела руками:

– Да как-то не сказалось... Теперь знайте, что я – бывшая местная! Мы с братом рано остались без родителей, жили с бабушкой – до семнадцати лет. А потом уехали в Москву к дяде. Там теперь и живем.

– На какой улице вы жили? – с живым любопытством поинтересовался дядя Саша.

Инга охотно ответила:

– На Советской.

– Наверное, как приехала, так сразу же туда и побежала. – Дядя Саша хитро подмигнул девушке, но она покачала головой:

– Не поверите, но так и не дошла до этой улицы. В первый вечер подруга предложила было прогуляться там, только я отказалась. А потом как-то и некогда стало.

– Да прям уж «некогда»! Ты же ведь отдохнуть приехала, – недоверчиво рассмеялся мужчина и, подхватив девушку под локоть, заговорщицким тоном произнес: – А мы вот сейчас с тобой через эту улицу и вернемся к себе! Сделаем небольшой крючочек. Иначе ты уедешь, так и не побывав там.

– Я, дядь Саш, тороплюсь. Меня одна маленькая девочка ждет, которой я пообещала прогулку! Да и нечего мне уже делать на той улице. Был там дом – бабушкин. А когда бабушка умерла, дом продали. Так что там уже давно другие хозяева – в моем доме... А впрочем... Вы правы, дядя Саша, если я сегодня не пройду по этой улице, то уже, наверное, не заверну на нее. Идемте!

Они свернули на улицу Советскую, и Инга, пройдя первых три двора, остановилась.

– Вот здесь мы и жили! – указала она рукой на видневшуюся за садовыми деревьями черепичную крышу дома. – В этом дворе. А вон у тех соседей черешню таскали... У нас своя росла, но чужая всегда вкусней

кажется.

– Запретный плод сладок, – проговорил мужчина и с любопытством посмотрел на калитку, ведущую во двор, в котором раньше жила девушка. – А ты случайно не Надежды Савёловой внучка?

Инга с удивлением посмотрела на дядю Сашу.

– Да. А вы ее знали, мою бабушку?

– Да как не знать! – засмеялся дядя Саша и, взяв Ингу под руку, неторопливо повел ее дальше по улице. – Городок-то у нас маленький, многих, кто живет здесь давно, знаем. Да и Надежду Васильевну, думаю, знали многие. Царство ей небесное... Великой души человек была. И она ведь, знаешь, не просто хорошим человеком была, а... особенным.

Дядя Саша ненадолго замолчал, и Инга, затаив дыхание, ждала, когда он продолжит. Город продолжал подкладывать ей потерянные фишки для восстановления мозаики ее детства: сосед хозяйки оказался знаком с ее бабушкой.

– Не знаю, известно ли тебе, что Надежда Васильевна была довольно известной в городе... как бы тебе объяснить... ведуньей. Большими знаниями обладала, помогала в ситуациях, казалось бы, безнадежных. Люди к ней за помощью обращались. И она редко отказывала.

– Надо же... – удивленно выдохнула Инга. Она не знала, что ее бабушка была так широко известна своими способностями.

Дядя Саша понял ее удивление по-своему, решив, что девушка не слышала о таланте своей бабушки.

– Да, ты тогда совсем маленькая была, поэтому вряд ли помнишь это. К тому же потом бабушка твоя прекратила свою деятельность, говорила, что потеряла дар. Я в подобных вещах ничего не смыслю, да только слышал где-то, что не может такая сильная ведунья, какой была твоя бабушка, просто так неожиданно потерять свою силу. Она могла лишь передать ее кому-то, – подняв вверх указательный палец, нравоучительно произнес дядя Саша и с хитринкой в глазах посмотрел на девушку: – А может, она тебе передала свои знания, а?

Инга вздрогнула от неожиданного вопроса и испуганно посмотрела на мужчину. Всерьез он спрашивает или просто поддерживает разговор? Но дядя Саша улыбался, словно был доволен тем, что рассказал девушке забавную историю, в правдивость которой сам не верил.

– Да нет, вряд ли, – натянуто улыбнулась Инга. – Я вот даже не знала, что моя бабушка обладала такими способностями, о которых вы мне сейчас рассказали.

– Удивил тебя, наверное, очень. Не бери в свою хорошенькую головку

мои сказки! Считаю, что потешил я тебя лишь забавной историей.

Они вышли на небольшой перекресток, и Инга, остановившись, с улыбкой извинилась:

– Мне – в другую сторону. Я не домой иду, а в гости.

– Ну да, ты же говорила, – понимающе улыбнулся сосед и, шутливо поклонившись девушке, весело произнес: – Рад был встрече с вами, сеньорита. Не возражаете, если я снова угощу вас черешней? Передам мисочку с твоей хозяйкой.

– Не возражаю. У вас очень вкусная черешня.

По дороге к Лизе она почему-то подумала о Максе – о том, что вчера была не совсем справедлива по отношению к нему. И что, пожалуй, стоит снова принять его приглашение на прогулку: это лучше, чем сидеть дома в обществе книги.

XI

– Ты – удивительная женщина, Инга. Я говорю это без преувеличения, – с нескрываемым восхищением произнес Макс, присаживаясь рядом с ней на корточки. – В тебе столько загадок... Ты меня интригуешь.

Инга скептически усмехнулась и погрузила ладони в набегающие на берег волны. Скольким женщинам Макс уже говорил подобные слова – с таким же восхищением в голосе? И сколько женщин – опытных и наивных – отдалось на волю безрассудной страсти, соблазнившись его усыпляющими бдительность комплиментами?

– Макс, скажи, ты – коллекционер? – поинтересовалась Инга.

Парень, несколько обескураженный такой резкой сменой темы разговора, непонимающе спросил:

– В каком смысле?

– В прямом, – усмехнулась она и швырнула в чернильно-черное море маленький камешек. Камень отозвался тихим всплеском, и этот всплеск на фоне доносившейся из прибрежных кафешек музыки показался чужеродным звуком. Наверное, таким же чужеродным в кружеве романтики, которое старательно плел Максим, оказался и ее вопрос.

– Ты – коллекционер? Собираешь, например, марки, пивные банки, бабочек, курортниц – «удивительных женщин»?

– А, вот ты о чем! – Макс рассмеялся, показывая, что находит ее вопрос забавным. – Уверяю, ты – единственная.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказала Инга, поднимаясь на ноги: – Уже поздно. Проводи меня, пожалуйста, домой.

– Леди не любит не только предсказуемость. Прогулки по морскому побережью под звездным небом ее тоже не волнуют, – разочарованно пробормотал Макс, но все же поднялся следом за ней. – Инга, ты просто кладезь загадок. Ну что мне еще сделать, чтобы стать интересным?

– Ты и так интересный и привлекательный мужчина, – сказала она, беря его под руку.

– Но не привлекательный и не интересный для *тебя*, потому что я – *мужчина*, – припомнил он ей ее же слова.

– Ну зачем же так категорично, Макс? Может, я всего лишь пошутила, сказав, что мужчины меня не интересуют. – Ее несколько тронуло то огорчение, с которым он почти признал свое поражение. – Захотелось

посмотреть на твою реакцию.

– Или, как вариант, отвязаться от меня.

– Если бы мне хотелось от тебя отвязаться, я бы отвязалась.

Она сделала короткую паузу и добавила:

– Я хочу лечь спать раньше, прошлой ночью мне плохо спалось. Мы встретимся завтра?

– Конечно! – с готовностью ответил Максим.

– Только давай больше не пойдем в ресторан...

– Хорошо. Мы можем съездить на маяк, – с энтузиазмом предложил он новую программу.

Инга, мысленно усмехнувшись, снова подумала о том, скольким курортникам за сезон он показывает маяк. Маяк так маяк... Какое ей, в общем-то, дело, сколько «коллекционных бабочек» уже побывало там.

– Только это – далеко. Мы могли бы поехать на моем мотоцикле, но ты...

– ...но я панически боюсь мотоциклов, – договорила за него Инга. – Я никогда на них не ездила, поэтому и боюсь. Но завтра мы поедем на твоём мотоцикле.

– И ты согласишься ехать со мной даже после того, как я на твоих глазах с него навернулся? – недоверчиво спросил Макс.

Инга, легонько сжав пальцами его локоть, ответила:

– Соглашусь.

– Ты – удивительная женщина, – с чувством выдохнул он и с сожалением остановился перед калиткой, которая вела во двор Ингиного дома.

Распрощались они не сразу, еще какое-то время стояли на скудно освещенном дворовым фонарем пятачке. Такие долгие прощания свойственны влюбленным. Подумав так, Инга мысленно не согласилась со сравнением и все же почему-то медлила с тем, чтобы уйти.

В тот момент, когда она уже собралась попрощаться с Максом, тот неожиданно приблизился к ней. Инге показалось, что он ее сейчас поцелует, и она неожиданно для себя замерла в ожидании... Она так давно не целовалась с мужчинами, что забыла вкус их губ. «Неужели ради того, чтобы вспомнить, как целуется мужчина, ты готова целоваться, по сути, с первым встречным?!» – ужаснулся здравый смысл. «А что тут такого! – с подростковым бунтарством отозвался другой голос. – Не девочка...» Но Макс лишь легонько коснулся кончиками пальцев ее щеки:

– Спокойной ночи... Я завтра за тобой заеду.

Инга, несколько удивленная и разочарованная (неужели она и правда

ждала поцелуя?), еще задержалась возле калитки, глядя вслед скрывшемуся в темноте Максусу.

Алексею Чернову из окна машины было хорошо видно Ингу и незнакомца, с которым девушка так долго прощалась.

Приехав к дому, где Инга снимала жилье, Алексей увидел, что девушка подходит к калитке в компании какого-то парня. «Быстро же она себе кавалера подцепила». Мысль, что у Инги появился ухажер, вызвала непонятную досаду. Алексей передумал выходить из машины и погасил фары. И сейчас, тайно наблюдая за Ингой, он постепенно начинал злиться.

Его злило, что девушка все никак не попрощается со своим кавалером. О чем они могут так долго говорить? Злясь, Алексей тихонько стукнул кулаком по рулю, с трудом подавив желание стукнуть по сигналу и спугнуть парочку. И правда, о чем они могут так долго говорить? Он вглядывался в темноту, стараясь разглядеть выражение лица девушки. Его злило, что Инга ради своего кавалера нарядилась в открытое платье на тонких бретельках и распустила волосы. Может, все же выйти из машины и подойти к ним?

Он с раздражением подумал, что этот парень сейчас поцелует Ингу, а она позволит. Мысль о поцелуях оказалась невыносимой, и Алексей потянулся к пачке сигарет и закурил. Закуривая, он, однако, не спускал глаз с Инги и ее ухажера.

К его непонятному облегчению, распрощались они без поцелуев. Алексей перевел дух и загасил в пепельнице сигарету. Он выждал несколько мгновений, позволяя незнакомцу уйти, и выскочил из машины:

– Инга, подождите!

Она уже входила во двор, но, услышав оклик, удивленно оглянулась.

– Алексей? Доброй ночи... Что вы здесь делаете?

– Я приехал к вам с просьбой.

Стараясь не замечать ее открытых плеч, не злиться на то, что она так эффектно распустила волосы, он, опережая ее расспросы, произнес:

– Лиза приболела. Кажется, простыла.

– Но когда мы днем гуляли, она чувствовала себя хорошо, – встревожилась Инга, и Алексей отметил про себя, что ей это идет – тревожиться.

– Да, да. Она и вечером чувствовала себя неплохо. Но к ночи у нее неожиданно поднялась температура. Инга, могу я попросить вас побыть этой ночью с моей дочерью? Меня сейчас вызвали – как всегда, в самый неподходящий момент, – невесело пожаловался он. – Произошел

несчастный случай, я должен там быть. Я уже съездил на место происшествия, и мне надо вернуться назад. Думаю, будут долгие разбирательства – на всю ночь. Мне Лизу не с кем оставить. Она уже взрослая девочка, может оставаться дома одна, но сейчас она заболела...

– Ясно, Алексей. Вы можете подождать пять минут, я переоденусь?

– Конечно! – обрадовался он тому, что она так быстро согласилась. – Я отвезу вас, а потом поеду решать рабочие дела.

Она вернулась даже раньше, чем обещала, переодетая в джинсы и футболку и с заколотыми высоко на затылке волосами. Алексей молча покосился на нее, севшую в машину рядом с ним, и завел двигатель. И только когда они уже выехали на центральную дорогу, сказал:

– Нина Павловна осталась бы с Лизой, но к ней сегодня из другого города приехали дочка с мужем. Она ушла рано, когда Лиза еще чувствовала себя нормально. Я бы попросил кого-нибудь из подруг Кристины посидеть с Лизой, но... У Таисии своих двое детей, она не сможет остаться с Лизой на всю ночь. Мария ушла на гулянку и собственного сына оставила на мать. А Анну Лиза совершенно не слушается, закатывает ей истерики. Вы моя последняя надежда.

– А с кем сейчас девочка? Одна?

– Нет, – покачал головой Алексей. – С одним из охранников. Я ненадолго оставил дочь на его попечение.

Он сделал небольшую паузу, словно что-то обдумывал, а затем тихо, но уверенно произнес:

– Инга, я понимаю, что злоупотребляю вашим временем... Вы ехали сюда отдыхать, а не заниматься с маленькими девочками и не сидеть с ними по ночам.

– Если вы опять о том, чтобы заплатить мне... – устало вздохнула Инга. – Даже спорить не желаю на эту тему.

– Хорошо. Извините.

– Лучше скажите, что с Лизой.

Алексей пожал плечами и неуверенно произнес:

– Наверное, простыла. У нее температура и горло болит.

– Возможно, это я виновата. Перекормила ее мороженым, – удрученно пробормотала девушка.

Алексей покосился на нее, но промолчал.

– Вы врача не вызывали?

– Нет. Дал Лизе аспирин, чтобы температуру сбить. А антибиотики она выплюнула: горькие.

– Черт, Алексей! – услышав подобное заявление, возмущенно

воскликнула Инга. – И слава богу, что выплюнула! Ребенка можно и другими способами вылечить, более щадящими. А вы – сразу тяжелой артиллерией в виде антибиотиков!

– Ну и лечите ее сами, раз вы в этом так разбираетесь! – огрызнулся он совсем как подросток, и Инга невольно улыбнулась.

Алексей недовольно покосился на нее и сквозь зубы проворчал:

– И откуда такая умная-разумная свалилась на мою голову?

– Разве? Разве это я свалилась вам на голову? Интер-ресно... Кто-то, помнится, приходил с конвертом «нанимать» меня. И сейчас, заметьте, не я напросилась к вам в гости, а вы попросили меня об услуге.

– Вы постоянно указываете, что мне следует делать! Просто-таки выставяете дураком! – неожиданно вскипел Алексей.

– Когда это я выставяла вас дураком? И перед кем?! – завелась в ответ Инга.

Тут колесо попало в дорожную выбоину, и машину тряхнуло. Инга сердито буркнула:

– Лучше за дорогой следите.

– Вот! Вы опять указываете, что мне делать! – тут же отозвался Чернов.

– Алексей, мы с вами как дети, ей-богу! Спорим о какой-то ерунде. Не буду я вам ни на что указывать, раз вы такой обидчивый! Не понимаю, если вас так раздражает мое общество, почему вы именно меня вы просите посидеть с вашей дочерью? Наверное, можно найти другой вариант. Кстати, я хотела спросить, у Лизы есть бабушки, дедушки?

– Нет. Отец мой умер года три назад, мать – и того раньше. Кристина вообще росла без отца, а мать ее умерла, когда Лизка только родилась. Если бы были дедушки-бабушки рядом, нам бы проще жилось, – невесело ответил Алексей и без всякого перехода спросил: – А вы себе уже кавалера здесь завели, не так ли?

– А вот это не имеет никакого отношения к моим прогулкам с Лизой! – резко отрезала Инга.

– Сейчас вы мне скажете, чтобы я не совался в вашу личную жизнь...

– Именно! Какое вам дело до моих кавалеров?

– И правда – никакого, – пожал он плечами, въезжая в переулок, ведущий к его дому. И без всякой логики после недолгой паузы сказал: – Ваши духи очень похожи на те, которыми пользовалась моя жена.

– Если вам это неприятно, я не буду пользоваться этими духами в вашем присутствии.

– Да нет, почему же... Пользуйтесь... – ответил он рассеянно,

задумавшись о чем-то своем.

Инга вошла в дом следом за Алексеем. В этом доме она бывала раньше, когда приходила за Лизой, но дальше столовой, в которой один раз ее вместе с Лизой кормила Нина Павловна, не ходила.

Алексей словно прочитал ее мысли:

– Инга, я вам сейчас быстро покажу дом: кухню, комнаты, ванную. Вы будете спать в гостевой комнате на втором этаже, она находится недалеко от детской. Если вам что-нибудь нужно, скажите сейчас. В комнате есть телевизор с дивидиплеером и разные диски. Журналы тоже есть. В шкафу возьмете постельное белье. Я вас сейчас провожу.

– Алексей, просто покажите мне, где эта комната находится, и я обустроюсь сама. Проводите меня к Лизе. Вы торопитесь – я это вижу.

– Да, мне уже давно надо быть там и вести долгие беседы с милицией. Инга, ради бога, проследите, чтобы Елизавета легла спать не очень поздно. Она иногда любит сидеть с книжкой по полночи.

– Не беспокойтесь. Я побуду с ней до тех пор, пока она не уснет. У вас есть молоко? Я бы погрела для девочки... Хорошо, если бы нашелся и мед.

– Все это должно быть на кухне. Сами понимаете, хозяйство веду не я, это – полномочия домработницы.

– Кухня у вас здесь? – уточнила Инга, кивнув головой на деревянную резную дверь. Алексей подтвердил и повел девушку к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Если хотите, на обратном пути провожу вас на кухню, мы вместе поищем все, что требуется.

– Алексей, я вижу, что вы нервничаете и торопитесь, поэтому не смею вас задерживать, – мягко ответила Инга.

Чернов неожиданно с тяжелым вздохом признался:

– Да, нервничаю. Там человек по глупости погиб, один из моих рабочих... Инга, хозяйничайте, берите все, что понадобится для Лизы. Я оставлю вам номер своего мобильного телефона, позвоните если что... Но, надеюсь, я вернусь раньше, чем думаю. Хотелось бы. А вот и комната Лизаветы.

Алексей открыл дверь и пригласил Ингу войти. На кровати, переодетая в летнюю пижамку с Микки-Маусом, восседала бодрая, мало похожая на больную Лиза. Рядом с ней на стуле сидел молодой человек лет двадцати пяти и вслух читал девочке книгу.

– Знакомьтесь, Инга, это – Павел, – с усталой улыбкой представил его Чернов.

Молодой человек, едва босс вошел в комнату, испуганно вскочил со

стула и смущенно потупился.

Инга поздоровалась и с парнем, и с довольно заулыбавшейся при виде ее девочкой.

– Вижу, вы хорошо проводите время, – оценив обстановку, с удовлетворением заметил Алексей. – Паш, спасибо. Ты можешь быть свободен, я привел тебе смену.

И когда охранник вышел, обратился к дочери:

– Лиза, Инга будет с тобой этой ночью. Папочке надо уехать по делам, как ты знаешь. Слушайся во всем Ингу! Я, как приеду, первым делом поинтересуюсь, как ты себя вела. Инга даст тебе лекарство, и будь добра его принять. Это же в твоих интересах – быстрее выздороветь.

Когда Алексей ушел, девушка отправилась на кухню. К счастью, в холодильнике обнаружился пакет с молоком, а на полке в кухонном шкафчике – банка меда. Инга размешала в подогретом молоке ложку меда и кусочек сливочного масла и, разлив лечебное питье по двум чашкам, вернулась в детскую.

При виде чашек, которые принесла Инга, Лиза недовольно сморщила нос. Она еще не знала, что в них, но уже поняла, что «гадость». Разве может быть лекарство вкусным?

«Я это пить не буду!» – Лиза упрямо вздернула подбородок. Но Инга, казалось, не обратила внимания на ее реакцию, она поставила чашки на тумбочку и с ласковой улыбкой проговорила:

– Ничего нет хуже – болеть летом. Ладно еще зимой или осенью, когда не хочется учиться и делать уроки... Но летом! Ни на пляж пойти, ни мороженого поесть. А самое противное то, что надо еще пить лекарства! Я, например, считаю, что нет хуже гадости, чем лекарства от простуды. А ты?

Она присела на стул рядом с кроватью. Лиза кивнула и снова с подозрением покосилась на чашки.

– Для меня самое противное лекарство – это теплое молоко с медом! Гадость, что и говорить! Но вот только оно очень хорошо лечит больное горлышко...

Лиза нахмурилась и поджала губы. «Ну и зачем ты принесла это сюда, раз это „гадость“? Все равно я пить не буду!» – красноречиво покосилась она на чашки и перевела недовольный взгляд на Ингу.

– Я подумала, что мы с тобой в последнее время все делаем вместе. Ищем камешки счастья, расколдовываем каменное царство. И с твоей болезнью мы тоже будем бороться вдвоем. Вместе мы – сила! Нас никто не победит, правда? Никакая болезнь! Я очень хочу, чтобы ты поскорей поправилась. Мне без тебя скучно и неинтересно. Без тебя я не буду ходить

есть мороженое, а я его очень люблю... – Инга улыбнулась и взяла одну из чашек. – В отличие от молока с медом. Я ненавижу молоко с медом, но сейчас я буду его пить, потому что хочу, чтобы мы с тобой вместе победили твою болезнь.

Инга отпила из своей чашки молоко и, посмотрев на Лизу, которая не сводила с нее заинтересованного взгляда, улыбнулась:

– А знаешь, не такая уж и гадость! Не мороженое, конечно... Но пить можно. А ты разве не хочешь мне помочь бороться с твоей болезнью? Боюсь, одной мне не справиться...

Лиза поморщилась, но все же приняла из рук Инги вторую чашку и послушно выпила молоко.

Инга еще какое-то время сидела с девочкой, пока та не уснула. Когда Лиза умиротворенно засопела, Инга отправилась в комнату, которую ей отвели для ночлега.

Видимо, это помещение, чем-то напоминающее гостиничный номер, действительно задумывалось как комната для гостей. Оно состояло из двух маленьких комнат: спальни со шкафом и кроватью и ванной комнаты с душевой кабиной и умывальником. Инга приятно удивилась и подумала, что, наверное, в этом доме часто бывают гости, раз об их комфорте так позаботились.

В шкафчике над умывальником она нашла новую зубную щетку и тюбик с пастой, а в шкафу для одежды – комплект постельного белья. Все было предусмотрено. Девушка пожалела лишь о том, что не взяла с собой ничего, в чем можно было бы спать. Почему-то совершенно не подумала об этом... Ну ничего, ночи теплые, можно обойтись и без майки. Инга приняла душ и включила DVD-плеер. Но фильм, который она поставила, показался ей затянутым и скучным, и Инга решила еще раз проверить, как спит Лиза, а потом тоже лечь в постель. Она надела джинсы и вышла из комнаты.

Лиза спала крепко. Инга поправила на девочке покрывало и, уходя, захватила с тумбочки чашку из-под молока.

На кухне она поставила чайник и, пока закипала вода, вымыла чашки. Заваривать чай она не стала, ограничилась пакетиком. Неторопливо выпила чашку чая и отправилась спать.

Поднявшись на второй этаж, Инга увидела, что Лиза вышла из детской и направляется в другую комнату, находящуюся в противоположном конце коридора.

– Лиза? – негромко окликнула она девочку, но та уже скрылась за дверь.

Инге пришло в голову, что Лиза, возможно, почувствовала себя нехорошо и отправилась по комнатам искать ее. Девушка торопливо прошла по освещенному коридору и зашла в ту комнату, в которой только что скрылась девочка.

Это была библиотека. Настоящая, «профессорская», какой и должна быть библиотека по представлениям Инги: со стеллажами из дорогой древесины, стилизованными под старину, с громоздким читальным столом и тяжелым стулом. Позабыв, зачем пришла, Инга с интересом огляделась. Ей показалось, будто она внезапно попала в другой мир, другое время, настолько обстановка этой комнаты выбивалась из современной обстановки всего дома. И сколько же здесь было книг! Настоящее книжное царство, сокровищница.

Девушка спохватилась и негромко позвала:

– Лиза? Ты здесь?

Но девочки, похоже, не было в комнате. Инга в недоумении нахмурилась и неторопливо обошла все помещение. Странно... Она могла бы подумать, что ей показалось, будто Лиза вошла сюда, но ведь свет здесь горел! Приглушенный, неяркий, всего лишь от лампы на столе, но горел! Кто-то же включил эту лампу?

– Лиза, где ты? – Инга в растерянности остановилась и еще раз огляделась. Может, девочка ушла в смежную с библиотекой комнату? Где-то здесь должна быть дверь. Ведь состоит же гостевая комната из двух помещений!

Но ничего похожего на дверь Инга не обнаружила. Стеллажи с книгами, пара картин на стенах и большое, почти в полный рост человека зеркало в старинной оправе. Зеркало никак не подходило для библиотеки, но все же вписывалось в обстановку благодаря тяжелой старомодной оправе. Инга состроила рожицу своему отражению и, выключив настольную лампу, вышла.

Она прошла в другой конец коридора и заглянула в комнату Лизы. Девочки там тоже не оказалось, и Инга почувствовала небольшое беспокойство. Она снова вышла в коридор и прошлась по нему, заглядывая во все комнаты подряд. С каждой следующей пустой комнатой ее растерянность и беспокойство возрастало: где же Лиза? Алексей доверил ей девочку, попросил позаботиться о ней. А девочка исчезла!

Сколько же в этом доме комнат и всяких закоулков! Просто рай для детишек, вздумавших поиграть в прятки. Инга, уже сердясь, спустилась на первый этаж и проверила кухню и гостиную. Пусто. Везде пусто, свет нигде не горит.

Она даже вышла во двор.

– Лиза! Лиза, ты где?

На ее крик отозвался охранник Павел, который читал Лизе книгу.

– Доброй ночи! Что-то случилось? – поинтересовался он с вежливой улыбкой.

– Нет, нет... Ничего не случилось, – натянуто улыбнулась девушка. Но, прежде чем вернуться в дом, не удержалась и спросила: – Скажите... А девочка случайно не выходила во двор? Вы ее не видели?

– Лизу? Нет. Это точно. Если бы она выходила, я бы заметил, это моя работа.

– Лиза, должно быть, вышла в туалет... – торопливо проговорила Инга и поспешно вернулась в дом. Чувствуя неловкость за то, что ночью шастает по чужому жилищу, она повторила свой «рейд» по комнатам.

Лиза словно в воду канула.

– Лизка, ребенок, ну где же ты? – в отчаянии пробормотала девушка и подумала, что, пожалуй, надо бы позвонить Алексею... Или все же не беспокоить его пока: у Алексея и так хватает волнений и забот...

Инга зашла в последнюю, рядом с Лизиной, комнату и зажгла свет. Никого. Возможно, девочка уже вернулась к себе, пока она тут носилась в панике по всему дому.

Инга собралась уж было выйти в коридор, но что-то в атмосфере этой комнаты заставило ее задержаться. Это была спальня и, похоже, женская: розовое покрывало на широкой постели, в тон покрывалу – занавески на окнах, трюмо с косметикой... Все здесь говорило о присутствии женщины. И создавалось ощущение, будто хозяйка комнаты лишь недавно в спешке покинула ее: одна из баночек с косметикой осталась открытой, тюбик с помадой небрежно брошен на подзеркальную тумбочку. И еле уловимый запах духов.

Чувствуя себя чуть ли не преступницей, влезшей в чужой дом, но в то же время не в силах справиться с неожиданно охватившим ее любопытством, Инга подошла к трюмо. Повертела в пальцах баночку, понюхала флакончик с духами – запах очень напоминает ее духи, но все же другой... Комната Кристины, покойной жены Алексея. Только вот ничто в этой комнате не говорило о том, что хозяйка навсегда и уже сравнительно давно покинула ее... Атмосфера в этой комнате – «живая». Возможно, Алексей специально сохраняет здесь все так, как было при жизни его жены.

Но было здесь что-то еще... Другое. Чужеродное. Кричащее об опасности. Инга закусила нижнюю губу и нахмурилась, оглядываясь. Если бы она не знала точно, что потеряла свои способности, приняла бы свои

внутренние ощущения за знак. Как раньше...

Задумавшись, она совсем забыла, что находится в чужой спальне, куда ей не стоило бы заходить, и что она вообще-то ищет Лизу. Поэтому легкий шорох за спиной напугал ее, как громкий выстрел. Чуть не закричав от неожиданности, она резко обернулась.

На пороге комнаты стояла Лиза и, хмуря бровки, в упор рассматривала Ингу, будто видела впервые. В первое мгновение девушка смутилась, как пойманный на месте преступления воришка, но после недолгой неловкой паузы обрадованно бросилась к девочке:

– Лиза, ребенок! Я тебя ищу по всему дому! Ты меня так напугала! Почему ты не спишь? Ты плохо себя чувствуешь?

Лиза растерялась от такого потока восклицаний и вопросов и, помедлив, покачала головой.

– Пойдем в твою комнату. Хочешь, я немного посижу с тобой, пока ты не уснешь?

Инга взяла девочку за руку и пошла вместе с ней в детскую.

Она сидела рядом с Лизой до тех пор, пока та не уснула, и только после этого вернулась к себе и легла в кровать.

Ингу разбудил тихий, но довольно четкий стук. Решив, что это стучится Лиза, девушка торопливо натянула майку и открыла дверь. Щурясь со сна, она выглянула в коридор, но никого не обнаружила. Возможно, ее разбудил всего лишь стук ветки о подоконник. Однако вовремя... Ей как раз снился кошмар. Инга уже не могла точно вспомнить, что ей снилось, впрочем, и не горела особым желанием припоминать подробности. Она запомнила лишь последний эпизод сна: толпа людей в надвинутых на лица капюшонах плотным кольцом обступает костер, подобный инквизиторскому, а в огне мечется молодая женщина с черными волнистыми волосами.

«Ведьма! Ведьма! Она – ведьма, не я!» – женщина пыталась перекричать гул толпы и треск горевших поленьев. Ее красивое лицо при виде подбирающегося к ней пламени искажала гримаса ужаса.

«Помогите!» – в отчаянии прокричала женщина, и на этом Инга проснулась. Что-то слишком часто ей стали сниться тревожные сны...

Решив проверить, как отдыхает Лиза, не ушла ли снова гулять по дому, Инга зажгла свет и потянулась к оставленным на стуле джинсам. Но ее вниманием завладел маленький круглый предмет, лежащий на коврикe возле кровати. Предмет оказался маленьким дамским зеркальцем.

Присев на край кровати, Инга задумчиво повертела в пальцах находку.

Она могла бы поклясться в том, что, когда ложилась спать, никакого зеркальца на коврик не было. Она бы попросту наступила на него, когда стелила постель. Удивительно, что не наступила сейчас, вскочив с кровати... Зеркальце было дорогое, в серебряной оправе, и, скорее всего, старинное. Инга перевернула находку. Стекло оказалось треснутым пополам. Нехорошо... Может, зеркальце откуда-то свалилось, пока она спала? И именно этот стук и разбудил ее? Инга подняла лицо вверх, пытаясь понять, откуда могло упасть зеркальце. Не с потолка же... Но получалось так, что с потолка.

Занятная ночь... Сначала пропала девочка, потом приснился жуткий кошмар, теперь вот появилось загадочное зеркало. Инга, задумчиво кусая губы, надела джинсы и сунула находку в задний карман.

Она не без волнения заглянула к девочке, опасаясь, что та снова куда-то пропала. Но нет, Лиза мирно спала в своей кровати, обнимая игрушечного медвежонка. Девушка немного постояла над девочкой, прислушиваясь к ее дыханию, а затем бесшумно вышла.

В коридоре она увидела Чернова, который только что поднялся по лестнице на этаж. Заметив ее, Алексей остановился и подождал, когда Инга подойдет к нему.

– Доброй ночи, – понизив голос, поздоровалась она.

– Доброй, – так же тихо ответил он и спросил о Лизе.

– Спит. Я только что проверяла.

– Хорошо, – выдохнул Алексей и потер кулаком глаз.

– Очень устали? – сочувственно спросила Инга. – Сделать вам чай?

– Нет, спасибо, – покачал он головой. – Здесь не чай нужен, а что покрепче. Коньяк, например. Не составите мне компанию? У меня в кабинете есть хороший коньяк. И виски. «Дамских» напитков, к сожалению, не держу.

– Я составлю вам компанию, но пить не буду.

Инга прошла за Алексеем в его кабинет.

Это было небольшое помещение рядом с библиотекой. Кабинет был заперт, и Инга, когда искала Лизу, сюда не заходила. Переступив порог, она с любопытством огляделась, но ничего интересного в обстановке не обнаружила. Обычный рабочий кабинет, в котором из мебели были только большой компьютерный стол и шкаф с какими-то папками.

– Это – «запретная территория», – пояснил Алексей. – Здесь я работаю. Лизке в мой кабинет входить строго-настрого запрещено. Да и Кристина не заходила сюда, считая, что это – мое личное пространство. Инга, может, все же будете коньяк?

Он достал с нижней полки шкафа пузатую бутылку и продемонстрировал ее девушке, но Инга покачала головой и огляделась в поисках, куда можно было бы присесть. В кабинете было только компьютерное кресло, но покушаться сразу на «трон» хозяина она не решилась.

– Да садитесь, чего уже там... – правильно разгадал ее колебания Алексей. – Я на край стола присяду, если не возражаете. А то и просто на пол.

– Лучше – на стол, а то не представляю, как мы будем разговаривать, если вы будете выглядывать из-под стола, а я возвышаться над вами на вашем «троне», – с усмешкой отозвалась девушка, усаживаясь в кресло.

Алексей налил себе в стакан коньяку и присел напротив девушки на край стола.

– Как у вас там дела, Алексей? Большие проблемы?

Мужчина неопределенно покачал головой и, отпив коньяка, ответил:

– Несчастный случай. Халатность, нарушение правил. Рабочие на судне решили отметить день рождения. И один из них по пьяни шагнул в открытый люк трюма. Разбился, в общем... Разборки еще впереди.

Алексей достал из ящика стола пачку сигарет и предложил Инге.

– Спасибо, – поблагодарила она и прикурила от его зажигалки. – Вообще-то я надумала бросать курить. Только не определилась с днем «икс». Все оттягиваю момент.

Она улыбнулась, а Алексей пожал плечами:

– Дело-то хорошее – не курить. Да только вот бросать что-то не хочется – мне, например.

Он поинтересовался состоянием Лизы. Инга ответила, что напоила девочку молоком с медом и уложила спать.

– Все без эксцессов прошло? – недоверчиво спросил Алексей, имея в виду Лизину строптивость, когда дело касается молока и укладывания спать.

– Да, в общем-то...

– Что случилось? – уловил он недоговоренность в Ингином ответе.

– Да нет, ничего такого... Просто я ненадолго потеряла Лизу ночью. – Инга попыталась улыбкой сгладить свое признание, внутренне ожидая от Алексея выплеска негодования по поводу ее невнимательности.

– Потеряли?.. Каким образом? – нахмурился мужчина, и девушка, вздохнув, честно рассказала, как потеряла девочку.

– Я даже, признаюсь, заглянула во все комнаты, какие могла. Простите мне такое своеволие, но, сами понимаете, что я в тот момент могла

чувствовать, – закончила она и замолчала, ожидая, что сейчас Алексей выскажет ей все, что думает и по поводу ее невнимательности, и по поводу своевольного «обыска» дома.

Однако Алексей махом допил остатки коньяка и, вертя в руках пустой стакан, задумчиво произнес:

– Значит, Лизка и с вами проделала тот же фокус, что и со мной. А я-то думал, что она так поступает, чтобы досадить мне.

– Не поняла? – нахмурилась девушка и требовательно уставилась на мужчину.

– Извините, Инга, мне надо было вам раньше сказать, но я не думал, что Лиза так сфокусничает и с вами. У Елизаветы есть какая-то странная игра, мне не понятная. Она периодически прячется в доме, да так, что я не могу ее найти. Можете представить мое состояние, когда я как угорелый бегаю по комнатам и всем подсобным помещениям в поисках моей принцессы, а ее нигде нет! И такое случается часто. Суть в том, что я до сих пор не понял, где Лизвета прячется... Знаю свой дом как свои пять пальцев, а дочка оказалась хитрее меня.

– И давно она играет в такие прятки? – серьезно спросила Инга.

Алексей пожал плечами и неуверенно ответил:

– Ну, в общем... Может, несколько месяцев...

– Уже так долго?! Это странно, мягко говоря... Алексей, в вашем доме, наверное, есть видеонаблюдение.

– Есть, – усмехнулся мужчина и плеснул себе в стакан еще немного коньяка. – Только Лиза умудряется как-то и от камер спрятаться. Думаете, я у охранников не интересовался? Разводят руками... Говорят, видели, как девочка шла по коридору – и все.

– Ничего не понимаю... – тихо пробормотала Инга, а Алексей, усмехнувшись, легонько похлопал ее по плечу:

– Могу представить себе, что вы испытали, обнаружив, что Лиза пропала. Я-то ведь к этим ее трюкам уже почти привык. Знаю, что она через какое-то время появится как ни в чем не бывало. Вы сказали, что видели, как Лиза входит в библиотеку, после чего потеряли ее? Со мной недавно практически то же самое произошло. Может, нам стоит прогуляться до библиотеки? Благо – соседняя комната...

Инга с готовностью поднялась из кресла.

Алексей вошел в библиотеку первым и зажег свет, за ним следом, с любопытством озираясь по сторонам, вошла Инга.

– Настоящая сокровищница. Шкатулка с драгоценностями, Алексей, а не библиотека.

– Любите книги? Кристина тоже любила. Эта библиотека была ее приданым. Ее еще ее прабабка начала собирать... Наверное, это наследственное в роду Кристины – любовь к книгам. Теперь вот Лизе страсть к чтению передалась. Как вы думаете, может, Лизка прячется в каком-нибудь книжном шкафу?

– Сомневаюсь.

– Значит, вы видели, как Лиза вошла сюда...

– Да. В этом конце коридора только две комнаты, как я заметила. Библиотека и кабинет. Кабинет был заперт, значит, остается библиотека. И свет здесь горел. Конечно, можно предположить, что Лиза мне померещилась...

– Тогда она не только вам померещилась. Не забывайте, что я тоже недавно видел, как моя дочь входит в библиотеку и... нет ее, – проворчал Алексей и, хмурясь, зачем-то постучал кулаком по стенке одного из стеллажей, словно надеясь, будто там сейчас откроется потайная дверь.

– Алексей, где здесь видеокамеры? – спросила девушка.

– Вон они... – Мужчина кивнул головой куда-то в угол. – Можете помахать охранникам ручкой и передать привет.

– М-м-м, серьезно у вас как все... Камеры даже в библиотеке. Надеюсь, в ванной и туалете их нет?

– Там – нет, – с усмешкой ответил он и твердым шагом подошел к столу. Заглянул под него, отодвинув тяжелый старинный стул, а затем, присев, попробовал руками пол на прочность.

– Ищете люк? – с иронией прокомментировала его действия Инга. – Сомневаюсь, что Лиза могла бы в нем спрятаться: здесь второй этаж, она обязательно провалилась бы на первый.

– Шутки шутим?.. – Алексей выпрямился и снова огляделся. – Не понимаю, где она здесь находит укрытие?

– А вы у нее самой спрашивали? Она могла бы написать вам ответ.

– Она и написала! – ухмыльнулся Алексей и поскреб бритый затылок. – Что ходит к маме. Вот что хочешь, то и думай...

– Может, Лиза имела в виду, что ходит в эту библиотеку, потому что она была маминой? – высказала предположение Инга и прошлась по помещению, с интересом рассматривая корешки книг.

– Кто его знает, что она имела в виду... Где она прячется здесь. И зачем?

– Вопросы без ответов, Алексей... – Инга, задумчиво поглаживая подбородок, еще раз внимательным взглядом обвела шкафы с книгами. – Наверное, только у Лизы можно узнать ответ, если она, конечно, захочет

его дать. Может, она и в самом деле прячется здесь где-то между шкафами? Ведь ребенок может пролезть в такую щель, о которой взрослый даже не помыслит.

– Ага, и сидит она себе в этой «щели» и втайне от папочки листает какой-нибудь порнографический журнал. – Алексей произнес эту фразу с таким смешным выражением лица, что Инга прыснула со смеху.

– Ну, Алексей, не надо о своей дочери думать так!

– А что еще остается думать? – Алексей наморщил лоб и развел руками. И был у него в этот момент такой незащитный вид, что Инга неожиданно для себя испытала прилив нежности к нему. Большой растерянный ребенок, столкнувшийся с неразрешимой задачей. Уравнение с двумя неизвестными...

– Черт... Пойдемте отсюда. Лизкину тайну вряд ли мы сможем разгадать самостоятельно, без нее. – Он повернулся, чтобы выйти из библиотеки.

Инга, выходя за ним следом, заметила:

– Обстановка вашей библиотеки очень не похожа на обстановку всего дома. Не современная. Под старину.

– Если вы имеете в виду мебель, то она и есть старинная. Я же говорил, что эта библиотека – Кристино приданое. Не только книги, но и мебель.

– И лампа, и зеркало, и картины?

– Да, и это тоже. Если вы еще не хотите спать, мы можем снова посидеть в моем кабинете.

– Нет, спать я совершенно не хочу.

Они вернулись в кабинет. Прежде чем снова сесть в кресло, Инга достала из заднего кармана джинсов зеркальце:

– Кстати, о зеркале... Вы не знаете, чье это?

Алексей взял у девушки зеркальце и, повертев его в руках, быстро сквозь зубы спросил:

– Откуда это у вас?

Инга рассказала.

– Это вещь Кристины. Только не понимаю, каким образом оно оказалось в гостевой комнате.

– Я бы его заметила, когда ложилась спать: оно лежало на видном месте.

– Бред какой-то... – Алексей, задумавшись, обхватил пальцами свой подбородок. Затем щедро налил себе коньяку и со стаканом в руках сделал круг по кабинету.

– Как вы думаете, с ума могут сходить коллективно? – Он остановился напротив Инги, молча за ним наблюдавшей. – Вы тоже потеряли Лизку в доме, и вам тоже, как и мне, «подсунули» одну из вещей Кристины... Два варианта: либо сумасшествие заразно, либо... Либо это не сумасшествие, а чей-то дурацкий розыгрыш!

– Простите?.. – непонимающе переспросила Инга и с подозрением покосилась на уже почти пустой стакан в руках Алексея.

– Нет, ничего. Ничего... Не берите в голову.

– И все же?..

– А если «и все же», Инга, то либо Алексей Чернов сходит с ума, либо кто-то очень умело делает все для того, чтобы он так думал... Хотя я в последнем уже сомневаюсь, раз и с вами подобный фокус провернули.

– Алексей, я ничего не поняла из того, что вы мне сейчас сказали. Если хотите что-то сказать, то рассказывайте. Если нет, то... не дразните меня подобными загадочными высказываниями. Женское любопытство, знаете, – штука ужасная, сна напрочь лишает.

Он засмеялся, а затем, глядя девушке в глаза, серьезно произнес:

– А знаете, вы мне нравитесь. Да, правда, нравитесь! С вами не соскучишься.

– И как это понимать?

– Да как хотите, так и понимайте! – махнул он рукой. – А по поводу моих подозрений, что я потихоньку «съезжаю с разума»... В этом доме творится странное: исчезает моя дочь, из ниоткуда появляются вещи, принадлежавшие Кристине... А кроме того, бывают необъяснимые ощущения. Иногда мне кажется, будто Кристина находится рядом. Чудится ее голос, запах духов, шаги... Бред, одним словом. Что вы, как психолог, скажите на этот счет? Впрочем, не надо. Ничего не говорите.

– Я не считаю, что это бред, – нахмурилась Инга и неожиданно попросила: – Налейте мне тоже коньяку.

– С радостью, – откликнулся Алексей и, подойдя к шкафу, достал еще стакан. – Одна из Кристининых подруг, Таисия, тоже сказала, что это не бред и не галлюцинации. Не знаю, почему она так думает. Вы знаете Таисию? Вы ведь, кажется, подружились с Марией, а они с Таей – закадычные подружки.

Инга молча кивнула и, морщась, отпила немного из своего стакана.

– Мне нужно было с кем-то поговорить, чтобы понять, схожу ли я на самом деле с ума. Просто услышать мнение знакомого человека, разумного человека, – продолжил Чернов.

Инга подумала, что за той нарочитой небрежностью, с какой он сейчас

говорил, Алексей старался скрыть свою боязнь быть высмеянным, непонятым. Так часто юноши, впервые влюбленные, рассказывают друзьям о своей страсти – небрежно, посмеиваясь, однако настороженно следя за ответной реакцией приятелей.

– Тайка выслушала мои рассказы с таким вот же серьезным выражением, какое сейчас в вас, – улыбнулся он, как будто обрадованный тем, что Инга не подняла его на смех. И снисходительно добавил: – Любите вы, женщины, всякие рассказы о таинственном и загадочном. Тайка мне сразу какую-то тетку-ворожейку посоветовала да баллон воды какой-то пообещала, чтобы я ею дом оросил.

– На вашем месте я не стала бы смеяться. Может, в этом и правда что-то есть... – осторожно заметила Инга.

На это мужчина ответил почти радостно:

– Ну вот, я же говорю, что вы, женщины, очень падки на истории с мистическим привкусом! Впрочем, недавно я читал в газете, что в одном областном городе бизнесмен заказал своего партнера по бизнесу местному колдуну. И, как написали, успешно...

– В Москве такое сплошь и рядом встречается, – проворчала Инга и снова осторожно глотнула коньяку. – Зря вы смеетесь.

– Да я уж и не смеюсь.

Он взял со стола зеркальце и повертел его со всех сторон.

– Треснуло... Жаль. Кристи очень это зеркальце любила, оно ей от матери досталось, а той – от бабки. Я очень ее любил, Кристину...

– Извините за нетактичный вопрос, Алексей, отчего она умерла?

– Да кто его знает... – пожал плечами мужчина и осторожно положил зеркальце на стол. – Врачи не смогли толком определить, что это за болезнь такая была. Рак не рак... Кристина не болезненной была, здоровой. Но так быстро сгорела... Может, мы поздно обратились к врачам? Ее болезнь слишком быстро набирала обороты, как, знаете, лавина, которая нарастает и все сметает на своем пути. Она очень красивая у меня была...

Алексей замолчал, вытащил дрожащими пальцами новую сигарету и, закурив, неожиданно предложил:

– Хотите, я покажу ее фотографию?

Когда Инга кивнула, он достал из ящичка стола небольшой снимок в рамке и протянул его девушке.

– Это Кристи. Красивая, правда?

Кристина и правда была очень красивой. Но поразило Ингу не это, а то, что девушка на фотографии и приснившаяся этой ночью молодая женщина, мечущаяся на костре, оказались одним лицом.

– Что с вами? Вам нехорошо? – встревожился Алексей, заметив, что Инга внезапно побледнела и прикрыла глаза.

– Нет, нет, ничего... Всё в порядке.

Она осторожно вернула фотографию и одним махом допила остатки коньяка в своем стакане.

Этого не может быть... Она ведь потеряла Силу и больше не может чувствовать знаки, как раньше. Но ощущения, которые Инга испытала, взглянув на фотографию Кристины, очень похожи были на те «уколы», которые она испытывала еще так недавно, сталкиваясь с чем-то тревожным. Сигналы, звоночки, знаки... Которые, к сожалению, всегда предупреждали о грозящей опасности, о чем-то дурном и неминуемом. И которые сейчас проявились неожиданно и так сильно, что Инга испытала короткий, но оглушающий приступ дурноты. И как в калейдоскопе, замелькали картинки, которые до этого казались ничемной разрозненной информацией: сны с бабушкой, карточный расклад... Но как такое может быть, чтобы она, лишенная Силы, почувствовала сейчас «звоночек»?

– И все же вам, похоже, нехорошо. – Алексей с беспокойством взглядывался в ее бледное лицо.

– Да, не очень... Я, пожалуй, пойду прилягу, – не стала спорить Инга и поднялась из кресла.

– Не заразились ли вы от Лизы?..

– Нет, Алексей, – попыталась успокоить она его, так забавно, так трогательно, так мило встревожившегося. Пожалуй, она испытывает к Чернову – этому большому «медведю» с грубыми манерам и неуклюжими проявлениями заботы неожиданную и малопонятную симпатию.

Уходя, она обернулась, и сказала:

– Утром я вернусь к себе, а потом, если вы не будете против, навещу Лизу.

– Я буду только рад, если вы придете к моей дочери. Да и она тоже. Спасибо вам.

XII

– Голубчик, кажется, я говорил уже, что ко мне в дом ходить не стоит! – недовольно проговорил мужчина, открыв дверь и увидев, кто пожаловал. Но, однако же, впустил гостя в дом. – У соседей могут возникнуть вопросы. Конечно, я могу выдать вас за своего племянника, но, знаете ли, некоторые могут вас и узнать...

– Я не мог дозвониться, – оправдываясь, пробормотал гость и прошел за хозяином в освещенную утренним светом комнату. Там, за столом, он с некоторым удивлением увидел молодую женщину и усмехнулся: – Вы тоже здесь.

Женщина сухо поздоровалась с пришедшим и недовольно поджала губы. Видимо, его визит ее также не обрадовал.

– Да, она тоже здесь. Превратили мой дом в штаб-квартиру, покоя от вас даже ранним утром нет! Не говоря уж о том, что о безопасности вы совершенно не думаете, – недовольно проворчал хозяин и со скрипом придвинул к себе стул. Гостю присесть он не предложил, а женщине кивнул и безжалостно заметил: – Вы свободны, милочка. Я понял, что вы хотели мне сказать. Только, боюсь, сейчас ничем не смогу помочь. Ситуацию лишь из-за ваших капризов я не изменю. И никакой самодеятельности! Ждать в сторонке, ждать! Вы меня поняли? Если я узнаю о каком-нибудь вашем своеволии, – а об этом я узнаю, не беспокойтесь, – сгною. Без всяких сантиментов. А будете умницей – это зачтется.

Мужчина медово улыбнулся вспыхнувшей недовольством девушке и, подождав, пока та выйдет из комнаты, обратился к гостю:

– Ну, и какие новости заставили тебя, милый мой, мчаться в мой дом ни свет ни заря?

Гость опасливо покосился на дверь, за которую вышла девушка, и хозяин, поняв его, громко произнес:

– Милая, ты захлопни за собой дверь! Я потом запру. Да особо там не светись, во дворе!

И почти сразу за этими словами последовал отчетливый звук закрывшейся входной двери.

– Неласковы вы с ней, – позволил себе высказаться гость.

– А будешь с вами ласков, вы вообще на шею усядетесь! Забываетесь, драгоценные мои. Эта вон – артистка – явилась ко мне с претензиями. Видите ли, я с ней несправедливо обхожусь... Распоясалась! Да она по

краю лезвия ходит и сама этого, дурочка, не понимает! И не столько ей меня надо бояться, сколько... Ладно, с чем ты пришел? Тоже жаловаться?

– Нет. Сказать, что *это* опять произошло. Я хотел позвонить и сказать, но ваш мобильный заблокирован.

– Разве? Ну что ж, спасибо что сказал, пополню сегодня счет.

– А... как насчет *нее*? – Гость был обескуражен тем фактом, что хозяин явно больше заинтересовался новостью о заблокированном телефоне, чем его известием.

– С ней все в порядке?

– Да. Как обычно. По времени – чуть больше четверти часа. А если быть точным, восемнадцать минут и тридцать шесть секунд.

– Дольше. Уже дольше... – Хозяин поднялся из-за стола и в задумчивости походил по комнате. – В опасные игры она играет...

– Боитесь, что однажды она не сможет вернуться?

– Конечно! Как бы случайно не оказалась *там* запертой! Коридор она почти профессионально сумела открыть. И, конечно, это нехорошо, что он до сих пор открыт... Но если нам приложить к этому руку и закрыть его, последствия могут оказаться непредсказуемыми. Во-первых, для этого нам надо будет какое-то время находиться там: это требует времени и значительных сил, а мы такую роскошь себе позволить не сможем. Во-вторых, вне коридора могут оказаться другие, скажем так, персонажи: из-за поспешности, с которой мы будем запечатывать коридор, можем кое-кого оставить здесь... Это тоже ни к чему. И в-третьих, *она* обязательно попытается вновь открыть коридор, но сделать это может очень неумело, последствия могут быть чудовищными. Так что пусть пока все идет так, как есть. Но ты, голубчик, уж следи за *ней* внимательно. Чтобы не случилось чего нехорошего. Для этого ты к ней и приставлен.

– Я стараюсь, – заискивающе улыбнулся гость и, решив, что время «аудиенции» истекло, повернулся к выходу. Но его остановил вопрос:

– Надеюсь, никто, кроме тебя, не видел произошедшего?

– Нет. Правда... девчонку это напугало.

– Стоп! А она там как оказалась? – недоуменно вскинул брови хозяин, и гость виновато, будто был причастен к этому, развел руками:

– Да вот...

– Вот что, милый, ты уж присматривай хорошенько за обеими. Как бы эта девчонка слишком любопытной не оказалась и не сунула нос туда, куда не следует. Она, конечно, может ничего не понять. Да все же не хотелось бы, чтобы из-за нее возникли какие-нибудь мелкие помехи. Но, надеюсь, она окажется умной и нелюбопытной девочкой, потому что иначе... –

Хозяин ласково улыбнулся и выразительно провел пальцем по своему горлу. Гость угодливо засмеялся.

Инга, как только вернулась к себе, сразу достала из чемодана карты. После бессонной ночи в доме Алексея Чернова ей очень хотелось спать, но первым делом она решила обратиться к картам. Она только сделает расклад, а думать и анализировать будет потом – когда выспится.

Медленно, с закрытыми глазами тасуя карты, Инга сосредоточилась на воспоминаниях своего сна и фотографии, которую ей показал Алексей. Расклад при таких условиях, конечно, выйдет очень приблизительным, но может дать какую-то зацепку. Зачем ей это надо – ворошить чьи-то чужие тайны, Инга не знала, видимо, поддалась своим охотничьим инстинктам, как пес, нашедший след дичи. Да и то, что она неожиданно вновь почувствовала знаки, вопреки своей уверенности, что уже ничего не может предчувствовать, сыграло немаловажную роль в разжигании охотничьего интереса. А атмосфера дома Алексея Чернова пахла тайнами. И этот запах дразнил ее, как запах добычи – голодного пса.

Ей хотелось с помощью карт проникнуть в недавнее прошлое. Обстоятельства, при которых умерла Кристина, слишком настораживали. Это для непосвященных людей смерть молодой женщины можно было объяснить неведомой болезнью, но у Инги на этот счет было свое мнение.

...Закончив расклад, она убрала карты и вышла во двор. И, сев прямо на пороге своего флигелька, закурила. Карты подтвердили ее догадку: Кристина умерла не своей смертью. Но кому нужна была ее смерть и зачем? На эти вопросы карты не могли дать ответа. Так же, как и не могли открыть убийцу.

«Ну и зачем тебе надо лезть во все это? Тебя об этом никто не просил, – попыталась осадить себя Инга, уже понимая, что с собственным интересом ей не справиться. – Мало тебе прошлого урока? Но тогда ты действовала ради спасения брата. Сейчас уже все случилось и осталось в прошлом. Не пойдешь же ты к Алексею с открытием, что его жене помогли умереть? Вряд ли ему станет легче от такой новости... Инга, не суйся туда, куда тебя не просят!»

Уж не об этом ли предупреждала ее бабушка через сновидения?

Ее брат Вадим, узнай он о том, что она попала в плен собственного интереса, посмеялся бы и дал ей прозвище вроде «следователя по особо важным магическим преступлениям». А может, не стал бы смеяться и разорался, чтобы она больше ни во что не ввязывалась.

...А мага-убийцу она все равно найдет. Интересно, а существуют ли

службы, занимающиеся расследованием преступлений магического характера? Что-то вроде «магического интерпола» или «магической полиции». И какие меры наказания существуют для преступников такого рода? Инга усмехнулась и дала себе слово разузнать об этом все, что можно, когда вернется в Москву. Если существуют такие организации, борющиеся с преступниками-магами, она обязательно вступит в одну из них.

Сон как рукой сняло. Инга затушила сигарету и, глянув на наручные часики, решила вместо отдыха прогуляться до магазина, в котором работала Мария.

Машка бодро отоваривала очередь из четырех человек. Очередь сплошь состояла из мужчин, поэтому Мария, отпуская пиво, сигареты и чипсы, кокетничала и шутила. Увидев Ингу, она сделала удивленно-обрадованное выражение лица и кивнула головой, подзывая ее к прилавку.

– Какими судьбами к нам на огонек? – беззаботно спросила Мария, когда очередь рассосалась.

– Да так, проходила мимо и решила заглянуть.

– Что-то, дорогая, пропала ты с горизонта, – с улыбкой попеняла ей Маша. – Вечером мы с девчонками опять на посиделки собираемся, присоединишься?

– Не знаю, Маш, – неопределенно пожала плечами Инга. Возможно, что вечер она проведет с больной Лизой, пока отец девочки не вернется с работы.

– Кавалера себе завела? – по-своему поняла ее ответ Мария и, заулыбавшись, с интересом придвинулась ближе, при этом ее полная грудь уже почти касалась прилавка.

– Да нет, ты не так поняла! Я этот вечер планировала провести с Лизой, дочерью Алексея Чернова. Девочка приболела, с ней некому вчера было остаться ночью...

– О-о, – Мария, не дослушав, сделала «понимающие» глаза и со значением протянула. – А он ведь ничего – Чернов, правда?

И усмехнулась, заметив, что Инга неожиданно смутилась.

– Да нет, Машка, ты все не так поняла! Между прочим, вчера он, прежде чем обратиться с просьбой ко мне, заезжал к тебе, но тебя не было дома...

– Было дело... – Мария задумчиво почесала подбородок. – Я у Аньки гостила.

– Что-то подобное он и сказал. Машка, я к тебе пришла с некоторой

просьбой. Ты ведь хорошо знала семью Алексея, дружила с Кристиной. Я бы хотела поговорить с тобой о них.

– Зачем тебе? – настороженно спросила Мария. Просьба Инги ей явно не понравилась.

– Мне как психологу нужна информация. Чтобы помочь Лизе, – отговорила Инга, стараясь справиться с некоторым стыдом за то, что ей вот так приходится «прикрываться» девочкой.

– Ну ладно, – сдалась Мария, но видно было, что ей неприятна просьба Инги. – Приходи сегодня вечером к нам на девичник, там и побеседуем.

– Нет, Маш. Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз, так, чтобы другие не знали, – торопливо проговорила Инга и оглянулась на вошедших в магазин женщину с мальчиком. Женщина с интересом оглядывала прилавки, выбирая, что купить.

– Ладненько. Давай завтра. Я к тебе забегу в обеденный перерыв, хочешь? Где-то в час. Но, между прочим, с Кристей больше дружила Тая. И Аннушка... Они бы смогли рассказать тебе о Кристине и Алексее больше меня.

– Я их потом тоже спрошу, – улыбнулась Инга.

Мальчик громко, на весь магазин, объявил маме, что хочет мороженое, а женщина строго возразила. Между мамой и сыном завязался короткий спор.

– Машка, только девчонкам о моей просьбе – молчок, поняла? Это такой особый психологический тест, – мысленно ужасаясь своим некорректным уловкам, с лучезарной улыбкой попросила Инга. – Это мне надо для работы.

– Ай ли, Дохновская?.. – Мария, однако, не поверила ей, выпрямилась и уперла руки в бока – как барыня-боярыня, выговаривающая дворовому мальчишке за шалость. – Причина твоих расспросов – Алексей, ведь так?

– Думай, что хочешь, – неожиданно для себя решила подыграть подруге Инга.

– Ладно уж, побеседуем о Чернове, раз тебе так хочется...

– Спасибо, – просияла Инга и, уступая место возле прилавка маме с мальчиком, послала Марии на прощание воздушный поцелуй. Уходя, она не слышала, как Машка пробормотала себе под нос недружелюбно: «Столичная „хищница“.» И не увидела, что Мария уже не была такой веселой и жизнерадостной, как до ее прихода.

Молодая женщина ворвалась в квартиру брата, едва тот успел ей

открыть.

– Хорошо, что ты дома! – не здороваясь, с раздражением обронила она, и, скинув туфли, бесцеремонно направилась в комнату.

– Э-э, сестренка... – Мужчина растерялся от такой ее «стремительности», но отправился следом. – А если бы тут у меня женщина была, а ты так ворвалась?

– У тебя тут должна быть лишь одна женщина, – резко ответила она и накинулась на опешившего брата с упреками: – Ну и как ты справляешься с заданием? А? Как я понимаю – никак. Никак!!! Неужели так сложно?!

Она обошла его кругом, рассматривая, словно оценивая. Под ее взглядом мужчине стало неловко, и он поежился, как от холода.

– Хороший ты мужик, братец! Красивый! Умный! Сексапильный! А с таким плевым заданием справиться не можешь!

– А кто тебе сказал, что не могу? С чего ты решила, что я не справляюсь? – Ее заявление задело его за живое. Чтобы не чувствовать себя будто на витрине и избежать оценивающих взглядов сестры, он сел в кресло и сложил на голой груди руки.

– Да вот решила! – с сарказмом провозгласила она и, тоже сложив руки на груди, встала напротив брата. – Я знаю, что этой ночью она была не с тобой. Она была с ним! С ним! Понимаешь?

– Да ну? – удивленно присвистнул мужчина и приподнялся в кресле. – Удивительно! А то я уж и правда стал думать... Впрочем, неважно. Откуда ты узнала, что она была с твоей пассией?

– Откуда – не твое дело! Сказали мне! – отрезала молодая женщина и, присев на край кровати, хмуро посмотрела на брата. – Она мне мешает. Как кость поперек горла!

– Может, все не так уж мрачно?

– Нет, мрачно! – Она не хотела слушать никаких уговоров. Вскочив с кровати, нервно заходила по комнате.

– Ну что за день? – воздев руки к потолку, с пафосным отчаянием произнесла девушка, обращаясь не столько к брату, с усмешкой наблюдающему за ней из кресла, сколько к небесам. – С утра ходила к Мастеру – высказывать претензии...

– Да-а? – мужчина заинтересованно заерзал в кресле. – Как ты отважилась на такое?

– Решила, что пора заявить о своем желании участвовать в деле активно, а не пассивно. – Девушка перестала ходить по комнате и присела на кровать. – Мастер, понятное дело, проявил ожидаемую реакцию: пообещал сгноить меня, если сделаю хоть один шаг не по его воле.

– Ну и чего ты к нему поперлась, а? С граблями – против танка. Ведь и правда «сгноит»! Пару раз пальцами пощелкает – и адъё-ёс.

– Мне не нравится, что меня отодвинули в сторону, как хлам!

– Ну понятно, кому понравится... – Теперь уже мужчина, встав, заходил по комнате. – Но в твоём положении и правда лучше немного подождать в стороне.

– В стороне?! – взвилась девушка. – И спокойно наблюдать, как *эта* отнимет у меня *мое*?

– Ну, вообще-то это ты сама решила, что – *твое*... – скептически усмехнулся ее брат.

– Я столько сил вложила, чтобы добиться!!!

– Знаю, знаю, – устало перебил он ее.

– Между прочим, ты вызвался помочь мне.

– Ну, знаешь! Между прочим, я делаю все возможное! А та травка, которую ты мне тогда дала, наверное, была просроченной – на нее не подействовала.

– А без травы будто не можешь... – криво усмехнулась девушка. – Выходишь в тираж, братец, раз бабе мозги запудрить не в состоянии.

Мужчина не ответил, но бросил на сестру красноречивый взгляд, говорящий о том, что она переходит допустимые границы.

– Ладно, я сама справлюсь...

– Что ты задумала? – встрепенулся мужчина. Ему не понравилась усмешка, заигравшая на губах его сестры.

– Ничего! Ничего такого... – скромно потупилась она – невинная овечка, да и только. – К *нему* я подступиться не могу, потому что Мастер строго за этим следит. Остается она, моя соперница...

– Стоп, родная! Надеюсь, ты не решилась идти на крайние меры? Не забывай, что о твоих новых «подвигах» Мастер рано или поздно узнает, и тогда...

– А мне плевать на него! Плевать! Потому что я устала жить, оглядываясь на него, устала ждать в стороне, наблюдая, как вокруг моего куска уже вьются другие хищницы, устала жить в страхе, что либо Мастер меня сгноит, либо эта соплюха обскачет... Если я буду и дальше отсиживаться в кустах и трястись от страха, так и произойдет! И я не намерена больше жить так, как хочется другим, а не мне! И если на моем пути возникнут препятствия, я буду их устранять – будь это хоть сам Мастер, хоть заезжая прошмандовка, хоть эта соплюшка, над которой так трясется Мастер! А если ты мне не хочешь помочь...

– Помогу, помогу, успокойся, – ласково улыбнулся мужчина сестре. И

чтобы у нее отпали все сомнения, добавил: – И предлагаю тебе сейчас сесть и вместе все спокойно обсудить.

XIII

От Марии Инга отправилась не в дом Чернова, а на кладбище. Сидя на лавочке возле могил родных, она пыталась в этой умиротворенной тишине разобраться с некоторыми неожиданными открытиями. Оказывается, у нее есть какие-то остатки Силы, раз она вновь стала чувствовать знаки. Или ее Сила возрождается – медленно, но верно? Но что могло произойти такое, что послужило толчком для ее возрождения? Эти вопросы волновали Ингу больше всего. И даже отступило беспокойство, вызванное тем, что «звоночки» всегда звучали накануне неприятных событий.

Чтобы лучше прислушаться к себе, Инга прикрыла глаза и сосредоточилась на внутренних ощущениях в надежде почувствовать хотя бы крупинку Силы. Карты говорили ей о возрождении. И бабушка во сне просила ее не пренебрегать полученными знаниями, сказав, что и засохшую розу можно возродить, если ее корни остались в земле...

«И если вода, которой ты будешь ее поливать, – любовь...»

Инга не заметила, как задремала, сморенная усталостью после бессонной ночи и полуденным солнцем. А может, просто впала в недолгий транс, в котором ей как наяву послышался бабушкин голос: «Родная, я же говорила тебе, что ты – сильная, справишься с тем, что недавно произошло с тобой. Вот видишь, все получается так, как я и говорила!» Инга бабушку не видела, только слышала, но почувствовала, что старушка улыбается, произнося эти слова. «У тебя доброе бескорыстное сердце. И любящее, Инночка. Сила не навсегда покинула тебя, она возвращается к тебе благодаря твоей доброте, любви и бескорыстию. Ты любишь, Инночка. Любишь, только пока этого не осознаешь. И твоими действиями руководит не столько интерес к загадкам, сколько твое доброе и любящее сердце. Но будь осторожна, милая. Открытия, которые ты можешь сделать, таят в себе большую опасность. Помни, что я просила тебя не идти на поле боя без щита и меча. Думай об осторожности... А сейчас, Инночка, тебе пора – маленькая девочка уже давно тебя ждет...»

Инга очнулась и с недоумением огляделась вокруг. Она уснула и бабушкин голос ей приснился? Инга посмотрела на наручные часики и убедилась, что находится на кладбище всего минут пятнадцать. Значит, если она и задремала, то лишь на какие-то считанные минуты. Но странно, она чувствовала себя отдохнувшей и выспавшейся, как после целой ночи отдыха.

– Спасибо, бабушка. – Инга улыбнулась фотографии на памятнике и поднялась. Мысленно поблагодарила и родителей и направилась к выходу.

Едва Инга вошла в дом Чернова, как встретившая ее Нина Павловна обрадованно воскликнула:

– Ох, Инга, как хорошо, что вы пришли! Лизочка неплохо себя чувствует, но все же Алексей Юрьевич наказал, чтобы она весь день провела в кровати. Лизавета, конечно, сильно воспротивилась постельному режиму, и я целое утро с ней воюю, слежу за тем, чтобы она не ослушалась и не убежала во двор играть. Сами понимаете, каково удержать подвижного ребенка целый день в постели! Я ни одного дела своего еще не сделала, только с Лизаветой сижу. Сейчас вот спустилась ей бульону погреть, да опасаюсь, не удрала ли она уже куда?

– Не беспокойтесь, Нина Павловна, можете сдать «вахту» мне и заниматься спокойно своими делами. – Инга улыбнулась рассыпавшейся в благодарностях домработнице и, взяв чашку с горячим бульоном, поднялась в комнату Лизы.

Девочка сидела в постели, своим надутым видом протестуя против постельного режима, но, увидев Ингу, заулыбалась. Правда, заметив чашку в руках девушки, тут же начала «торговаться», протягивая девушке книгу и жестами показывая, что согласится выпить «гадость» лишь в обмен на чтение.

– Лизка, ну ты и артистка! Шантажистка! И кто тебя этому научил? – вздохнула Инга, но согласилась почитать вслух, если Лиза послушно выпьет бульон.

Девочку удалось уговорить соблюдать в этот день постельный режим, соблазнив игрой в модельера. У Лизиных кукол было мало одежды, в основном это были платья, которые продавались вместе с куклами. И когда Инга предложила сшить много новых нарядов для двух Барби, Лиза от радости захлопала в ладоши. У Нины Павловны попросили иголки, нитки и ткани. И та, обрадованная тем, что ей развязали руки для домашних дел, сложив с нее полномочия няни, принесла целый ворох разноцветных тряпочек. Работа закипела... Инга исполняла роль и кукольного модельера, и швеи, а Лиза, играя за двух кукол, изображала то капризных клиенток, придирчиво выбирающих наряды, то моделей на подиуме, демонстрирующих новые платья.

Инга и сама увлеклась игрой. В детстве она очень любила шить и мастерила куклам довольно красивые наряды. И сейчас получала не меньше удовольствия от шитья, чем Лиза – от каждой кукольной обновки.

За шитьем и примерками время пролетело незаметно. Пару раз сделали перерыв: когда Нина Павловна принесла лекарство для Лизы, а потом – ужин для них обеих. И когда в комнату постучали в третий раз, Инга снова решила, что это домработница. Но на этот раз в детскую вошел Алексей.

– Добрый вечер! – поздоровался он с обеими «дамами». Лиза обрадованно кивнула, а Инга, отрывая зубами нитку, прошепелявила:

– Ждравштуйте!

И, рассмеявшись, отложила шитье и поправилась:

– Добрый вечер, Алексей!

– Вижу, работа у вас тут кипит! – Он цепким взглядом оценил обстановку и поинтересовался: – Как себя чувствует моя принцесса?

Лиза показала большой палец, а Инга пояснила:

– Соблюдала постельный режим, принимала лекарства и была послушной!

– Удивительно, – недоверчиво приподнял брови Алексей и оглянулся на стук в дверь. Это Нина Павловна принесла чай с малиной для Лизы и лекарство.

– Елизавета, как выпьешь чай, чистить зубы – и спать. Уже пол-одиннадцатого.

– Сколько?! – удивленно ахнула Инга. Увлеченная шитьем, она ни разу не посмотрела на свои наручные часы.

– Пол-одиннадцатого, – усмехнулся Алексей и предложил: – Оставайтесь ночевать уж здесь, Инга.

– Нет-нет, – заторопилась она, и Лиза недовольно нахмурила лоб. – Лиза, тебе и в самом деле пора ложиться спать. Папочка с тобой немного посидит... Правда, Алексей? А с тобой мы увидимся завтра, обещаю.

Инга попрощалась с девочкой и «сдала вахту» ее отцу. Когда она вышла из комнаты, Алексей выскочил за ней следом:

– Инга, вы не хотите остаться на ужин? Я вас потом отвезу.

– Нина Павловна уже накормила нас великолепным ужином, – улыбнулась она, но про себя подумала, что, пожалуй, задержалась бы здесь немного по просьбе Алексея. Дом манил загадками, как сыр – мышь.

– А как насчет чая? – Ему, видимо, не хотелось так быстро отпускать ее. Он улыбнулся, и его улыбка и просящее выражение в зеленых глазах сделали его лицо удивительно привлекательным.

– Идите укладывайте Лизу спать, – сказала Инга и усмехнулась, догадываясь, что Чернов сейчас выскажет претензии к тому, что она в очередной раз указывает ему, что следует делать. – Я подожду вас. Либо в

столовой, либо, если бы вы позволили, в библиотеке.

– Можете в библиотеке, – обрадовавшись, великодушно разрешил Алексей и, уже повернувшись, чтобы вернуться в комнату дочери, оглянулся и с некоторым удивлением произнес: – Инга, вам не кажется странным, что мы до сих пор обращаемся друг к другу на «вы»?

– Да как-то не задумывалась об этом... Врожденная вежливость.

Инга вошла в библиотеку с благоговейным замиранием в душе, словно вошла в храм. Почти на цыпочках, словно боясь растревожить священных книжных духов, она прошлась вдоль книжных шкафов, легонько касаясь пальцами разноцветных корешков. Сколько же здесь книг... Была бы ее воля, она бы поселилась здесь на веки вечные и вместо пищи и воды «глотала» бы одну за другой книги. Может, попроситься к Алексею в «служительницы» этого книжного храма? Сметать перьевой щеткой невидимую пыль с переплетов, а вместо оплаты за труд получить право читать?

Наряду с книгами современных авторов Инга увидела и книги классиков в прижизненных изданиях. Поистине клад. Забывшись, она по очереди снимала книги с полок, со священной осторожностью перелистывала страницы и так же аккуратно возвращала книги на место. Может, правда стоило принять предложение Чернова провести и эту ночь в его доме? Только вместо гостевой комнаты остаться до утра здесь, среди книг, среди этой странной мебели, в этом приглушенном свете настольной лампы. Отчасти Инга понимала Лизу, почему та периодически убегает в библиотеку и скрывается здесь ото всех. Скрывается... Где Лизка может здесь прятаться? Спрашивая у хозяина дома разрешения подождать его в библиотеке, Инга преследовала и другую цель – попробовать раскрыть Елизаветину тайну.

Спохватившись, она торопливо поставила книгу, которую держала в руках, обратно на полку и, задумчиво похлопывая указательным пальцем по губам, огляделась. Так, здесь должны быть зрачки камер видеонаблюдения... Инга еле сдержала озорное желание помахать охранникам ручкой. Не стоит этого делать. Лучше вообще оглядываться незаметно, чтобы не вызвать потом лишних вопросов у службы безопасности. И все же странно, что охранники не видят, где прячется девочка. В поле зрения видеокамеры должно попадать все небольшое помещение библиотеки. И уж кто-нибудь из охранников точно бы заметил, как маленькая девочка лезет прятаться, например, под стол или забивается куда-нибудь между шкафами. А что, с Лизкиной худенькой комплекцией вполне можно уместиться между вон теми двумя стеллажами... Инга

подошла к облюбованным стеллажам и в порядке эксперимента попыталась влезть в нишу между ними. Нет, хоть она и довольно стройная, это задание – не для нее. Охранники, если видят ее сейчас, наверняка веселятся от души. Инга не сдержала улыбки и, обойдя громоздкий стол, присела на стул. Взяв из сложенной на столе стопки бумаги для записей один листок и карандаш, она, размышляя, принялась чертить различные черточки и геометрические фигуры.

Что ее привлекает здесь? Какая-то тайна. Тайна, связанная со смертью молодой хозяйки дома. А в том, что практически здоровой Кристине «помогли» умереть от какой-то не определенной врачами болезни, Инга почти не сомневалась. Она *почувствовала* следы черных дел, когда находилась в комнате Кристины. И были в ее недавней практике гадалки случаи, когда в срочном порядке приходилось снимать с человека порчу на смерть, сделанную недоброжелателями. Врачи руками разводят: по всем результатам обследований человек здоров, но однако же... Недоброжелателей у Кристины могло бы и не быть, а вот у ее влиятельного и успешного мужа-бизнесмена – вполне. Кому-то могло прийти в голову отомстить Чернову подобным образом... Инга, размышляя, почти весь листочек исчеркала загогулинами и цветочками.

Еще ей хотелось узнать, куда периодически пропадает Лизавета. И пусть Алексей уже почти привык к исчезновениям дочери, Инге этот секрет не давал покоя. Конечно, в то, что девочка делается невидимой или растворяется в пространстве, Инга не верила. Лизины исчезновения беспокоили ее с точки зрения безопасности: вдруг в этой библиотеке за каким-нибудь шкафом и в самом деле имеется тайная дверь и Лиза разгуливает по ночам в подвале или вообще на улице.

Инга бросила исчерканный листок в корзину для бумаг и поднялась из-за стола. Неужели она и в самом деле так привязалась к девочке, что испытывает чуть ли не материнское беспокойство из-за ее странных «прогулок»? Невероятно! Брат бы сказал, что ей уже давно пора завести собственных детей... Инга вздохнула и неторопливо сделала круг по библиотеке. Вспомнив, что скоро сюда придет Чернов, она остановилась перед зеркалом, чтобы поправить прическу, и... сдавленно вскрикнула от испуга и зажмурилась. Из зеркала на нее смотрела не она, а... ее дядя. Дядя, умерший два с половиной месяца назад!

– Божечки... – Инга открыла глаза и с опаской посмотрела в зеркало. Но на этот раз она уже увидела себя – с испуганным выражением лица, приоткрытым ртом и круглыми глазами.

Словно желая убедиться в том, что дядино отражение ей всего лишь

померещилось, девушка тронула зеркальную поверхность рукой. Ее собственное отражение протянуло навстречу ладонь с растопыренными пальцами, в точности повторяя ее действия.

– С ума сойти можно... – Девушка перевела дух и, приложив руку к груди, где учащенно билось сердце, быстро оглянулась на звук открывающейся двери.

– Извините, Инга, что заставил вас... Простите, может, все же на «ты»? – Алексей смешно наморщил лоб.

Инга, все еще не пришедшая в себя после «видения», вместо ответа кивнула.

– В общем, извини за то, что я заставил тебя так долго ждать: Лизка никак не хотела засыпать. Требовала, чтобы я почитал ей на ночь.

Руки Алексея были заняты подносом, на котором стоял чайник, сахарница и две чашки. Он составил чашки на стол.

– Не возражаешь против чая?

Инга все так же молча покачала головой и, украдкой оглянувшись, покосилась на зеркало, почти ожидая увидеть в нем не себя, а дядю. «Показалось...» – с облегчением мысленно выдохнула она, увидев собственное отражение.

– Алексей, давайте я вам помогу, – спохватившись, предложила она.

– Да что тут помогать? – удивился он и почти с обидой произнес: – Инга, мы, кажется, договорились обращаться друг к другу на «ты».

– Извини. Забылась.

– Бывает, – пожал он плечами и разлил по чашкам заваренный в чайнике чай. – Нина Павловна очень хотела накормить меня ужином, но я отказался. Нет аппетита. Я отпустил ее домой, но она, прежде чем уйти, заварила для нас чай.

– Спасибо, – Инга с благодарностью приняла одну из чашек и с осторожностью сделала небольшой глоток.

– Елизавета, кажется, уснула. Она, похоже, уже здорова, только немного покашливает. Пожалуй, завтра можно будет разрешить ей погулять, как вы... ты считаешь?

– Если гулять без мороженого, то можно. Я зайду за ней после обеда.

– Ты очень привязалась к моей дочери. Да и она к тебе. Это немного странно, Инга, потому что Лизавета на пушечный выстрел к себе не подпускает чужих «тетей». И хоть она в этом еще мало что понимает, но, видимо, боится, что я приведу в дом чужую женщину – вместо ее матери.

– Я бы не подумала, что ты так уж стремишься найти Кристине замену. – Инга постаралась улыбкой сгладить свое замечание, которое

могло показаться Алексею нетактичным. – Работа, работа, работа...

– И еще раз работа, – усмехнулся он и долил в свою чашку чая.

– Как, кстати, решился вопрос с вчерашним несчастным случаем?

– Как-как... – вздохнул Алексей. – Мужика жаль. Я распорядился выплатить его семье материальную компенсацию, да только человека уже не вернешь. Давай сейчас не будем об этом. Налить тебе еще? – кивнул он в сторону чайника.

Инга покачала головой и поднялась:

– Нет, спасибо. Поздно уже, пойду. – И тихо засмеялась: – Кто-то, помнится, обещал меня проводить.

Алексей отставил свою чашку с недопитым чаем и с готовностью вскочил.

Уходя из библиотеки, Инга не удержалась и вновь оглянулась на зеркало. Дяди там не было. Но и своего отражения девушка не увидела: зеркальную поверхность будто подернула молочная дымка. Подивившись про себя, Инга дала себе слово подумать потом и над этим загадочным явлением.

...Они неторопливо шли по плохо освещенной тусклыми фонарями улице. Ветер доносил с набережной обрывки смеха, музыки, выкрики подгулявших курортников, а черное, усыпанное крупными звездами небо прорезали цветные лучи огней прибрежных дискотек. Город гостеприимно распахнул свои объятия для отдыхающих.

– Инга, расскажи о себе. Что-нибудь, все, что хочешь...

Просьба Алексея не удивила, наоборот, была ожидаемой. И все же ответить на вопрос с такими широкими рамками – «что-нибудь... все, что хочешь» – оказалось не так просто.

– Что именно? Например? – спросила Инга без тени кокетства – почти по-деловому, чтобы сузить рамки слишком неопределенных вопросов. В это «что-нибудь» можно уложить целую биографию, можно ограничиться смешным детсадовским случаем, а можно интимно поведать обо всех или некоторых любовниках...

– Ну... Например, расскажи о своей работе...

– Я сейчас на каникулах... – тихо рассмеялась она, и ее грудной смех вызвал у него волну мурашек по коже. Ветер затеял флирт, с каждым дуновением подбрасывая, как приманку, еле уловимый запах духов Инги. Алексей, шедший рядом с девушкой, непроизвольно сократил расстояние между ними – настолько, что его рука иногда случайно касалась ее руки, и тогда в руку его в местах соприкосновений вонзались миллионы, миллиарды наэлектризованных иголочек – не больно, но сладко и

мучительно. Так же сладко-мучительно, как желание быть с этой девушкой, удивляющее своей остротой и разрывающее запретностью.

Он шел с ней рядом, но словно находился далеко, на другой планете, ничего не слыша из того, что она ему рассказывала. Он просто слушал ее голос, наслаждаясь его звучанием. Бросая на девушку короткие взгляды, он украдкой любовался ее точеным профилем – в свете фонарей, на фоне черного, сливающегося с темнотой неба, Инга казалась ему особо красивой. Рассказывая, она иногда поправляла выбившуюся из завязанных в «хвост» волос прядь, и Алексей каждый раз, когда Инга машинально касалась своего лица, боролся с желанием самому убрать с него непослушную прядку.

– ...А ты как думаешь? – Инга неожиданно развернулась к Алексею, и он, застигнутый врасплох ее вопросом, в растерянности приостановился, не зная, что ответить и стесняясь переспросить.

Она тоже остановилась, удивленная взглядом Алексея, сосредоточенным на ней. Если бы взгляд этот можно было разбить через призму, он разделился бы на цветные спектры-чувства, более различимые и понятные, но настораживающие и пугающие своей доходчивостью. Взгляд-коктейль, смесь восхищения, нежности и теплоты. Может быть, немного решимости, растворенной в противоречивых колебаниях. Немного счастья и радости, утонувших в недоумении и растерянности. И чуть-чуть ликования от возможности украдкой любоваться, размешанного в осознании запретности и недоступности.

– Почему ты так на меня смотришь? – растерялась она от его взгляда и неожиданно, как девчонка, покраснела.

– Так... – пожал он плечами и смущенно улыбнулся. – Ты очень красивая...

Почему-то боясь встретиться с Алексеем взглядом, Инга опустила глаза. Мысли ее рассыпались и раскатились горохом. На мгновение показалось, что она уже знает, что сейчас скажет Алексей, но эта мысль была настолько робкой, что уже через мгновение затерялась в миллионе других мыслей-горошин, а вернее, в пустоте, оставшейся в голове, когда мысли раздробились даже не на горошины, не на молекулы, а на атомы.

– Прости... – извинилась она, не найдя никакого другого выхода из затянувшейся, вводящей в неловкость паузы. И машинально подняла руку, чтобы убрать с лица волосы. Но Алексей, опередив ее, сам убрал с ее лба непослушную прядку.

– Прости... это ты меня прости... – поддавшись искушению, он с нежностью коснулся ее щеки. Его пальцы робко, еле касаясь, скользнули по

ее щеке, но, не встретив отпора, уже чуть смелее и увереннее обрисовали тонкую линию подбородка, вновь вернулись к щеке, на мгновение, словно прислушиваясь к своим ощущениям, замерли на скуле. Инга, полностью отдавшись этим легким прикосновениям, прикрыла глаза и тут же почувствовала, как к другой скуле с той же робостью прикоснулись пальцы его другой руки. Отдав дьяволу и душу, и разум, и волю за эти неторопливые изучающие прикосновения, Инга умирала и вновь возрождалась. Пальцы Алексея, как пальцы слепого, медленно и внимательно скользили по ее лицу, изучая, читая, запоминая его. Они ласкали, гладили, баюкали ее кожу, они трепетали от любви, прикасаясь к ее закрытым глазам и дугам бровей, они желали и целовали ее приоткрытые чувственные губы, они восхищались четкой линией ее подбородка и, изменяя ей, вновь и вновь возвращались к желанным губам. «Как же ты мне нравишься...» – Он не произнес эти слова вслух, но кончики его пальцев кричали об этом. «Ты мне тоже...» – ответила она мысленно, утыкаясь носом в его ладонь и замирая. «Я знаю...» – ответили его пальцы, скользнувшие по ее шее. «Знаю...» – повторили его губы, накрывающие ее губы, приоткрытые навстречу ему.

Она целовала его с робостью и неумелостью девственницы. Для нее этот поцелуй и был первым – первым в ее *новой* жизни. Она успела забыть вкус мужских губ и сейчас с радостью и удивлением заново открывала для себя волнение, которое могут вызывать поцелуи, наполненные нежностью, утонувшей в еле сдерживаемой страсти. Она целовала его и поцелуем говорила все то, что не смогла бы сказать словами. «Ты мне нравишься, ты мне нужен. Я... влюблена в тебя».

...Оставшуюся часть дороги до ее дома они шли молча, переглядываясь и смущенно улыбаясь друг другу, как школьники, стесняясь даже случайно соприкоснуться голыми локтями. И попрощались торопливо, скомканно, неловко, но понимая, что теперь их старые – «деловые» – отношения сломаны во имя рождения новых.

Подойдя к своему флигельку, Инга заметила белеющий в темноте лист бумаги, воткнутый в щель между дверью и косяком. Она торопливо открыла дверь и, включив свет, развернула сложенный вчетверо лист. «Приезжал, как договаривались. Увы, не застал... Огорчен, скучаю, надеюсь на новую встречу. Целую, Макс. PS: если Королева будет милостива, найду за ней (тобой) завтра в 22.00».

– Ч-черт... – Инга с запиской в руках села на кровать и нахмурилась. Неудобно как получилось. Она совершенно забыла о том, что вчера сама

назначила Максу свидание и согласилась ехать с ним на маяк. Это было всего сутки назад, но за это время столько всего произошло, что она напрочь забыла о своем обещании.

Но это все было еще до... До поцелуя, терпкого и пьянящего, как южное вино, пахнувшего соленым морем и вольными ветрами. По ту сторону грани. В другой жизни.

И что же теперь делать с этим Максом, приятным, в общем-то, человеком, с его безупречными ухаживаниями и внешней привлекательностью, но не вызвавшим, однако, сладкого томления сердца? Малодушно сбежать, оставив его и на следующий вечер в недоуменном разочаровании? Или дать отставку, не вдаваясь в подробности? Инга, задумчиво глядя на подпортившую настроение записку, лихорадочно прикидывала возможные способы избежать дальнейших свиданий с Максом.

Из раздумий ее вывел писк мобильника, забытого утром на тумбочке. Инга взяла телефон, чтобы прочитать сообщение, и, увидев количество пропущенных звонков – восемь, – не на шутку встревожилась. Все звонки были от брата. Сообщения, в количестве четырех штук, тоже были от него. «Инга, перезвони срочно!» «Инга, позвони!» «Позвони». «Инга, где ты?! Срочно позвони!»

Дрожащими руками – нервные, кричащие отчаянием сообщения не сулили ничего хорошего – она набрала номер брата. Вадим ответил сразу, будто держал телефон в руках в ожидании ее звонков.

– Инга, где тебя носит?! – не поздоровавшись, набросился он на нее с упреками. Голос его был непривычно высоким, истеричным и незнакомым.

– Что случилось, Вадька? – в свою очередь, проигнорировав и приветствие, и вопрос брата, встревоженно спросила она.

– Ларка в больнице. Все очень плохо, Инга!

Он сделал паузу – то ли собирался с духом, то ли справлялся с одолевающими его эмоциями. Эта пауза была короткая, но Инге она показалась бесконечной. Не беспокоясь о том, что будет услышана во дворе, девушка нервно заорала:

– Говори! Говори, не молчи, черт тебя побери! Что случилось?!

– Роды. Преждевременные. Ребенок неправильно идет. Лариса не может разродиться. Очень плохо – и с ней, и с ребенком. Врачи поставили меня перед выбором, кого спасти! Идиоты! Идиоты! Как они могут у меня спрашивать такое?!

Инга отчетливо представила его себе – взъерошенного, нервно мечущегося в клетке больничного коридора в ожидании вердикта. А

вердикт уже вынесли: или жена, или ребенок.

– Инга, помоги! Умоляю, сделай что-нибудь! Ты же ведь можешь, можешь! – кажется, Вадим кричал так, что его голос из телефонной трубки мог быть услышан даже за стенами флигелька.

– Что я могу сделать?! Что?! Я – ничто теперь, ничто!!! – Инга кричала не тише. Ее крик, возможно, уже разбудил хозяйку. Ей было плевать на это.

– На тебя вся надежда, Инга! Только на тебя! Сделай что-нибудь! Ну хоть что-нибудь!!! Я прошу тебя, я умоляю тебя, Инга, пожалуйста... Пожалуйста... – Вадим перешел на шепот – хриплый, прерывистый. Агония отчаяния. – Меня без нее не будет, ты же знаешь. Не будет... Прошу тебя, родная моя, прошу. Ну хоть что-нибудь сделай, хотя бы словом помоги, пожалуйста. Я не умею молиться, не знаю ни одной молитвы, но если мы вместе с тобой... Ты – там, я – здесь. Мы вместе – за нее, за моего сына. Пожалуйста, сестренка...

– Все, хватит! Хватит!!! – заорала она, не в силах больше слушать его горячий, полубезумный от отчаяния шепот, и ладонью вытерла мокрое от слез лицо. – Я... попробую. Я буду делать все, что могу и не могу. Прямо сейчас, хорошо? Только ты там держись, ладно?

– Спасибо, родная, – поблагодарил он и отключил вызов.

Инга заметалась по тесной клетке, в которую превратился ее флигелек. Что она может сделать, что?! Раньше, когда у нее была Сила, она смогла бы помочь, но не сейчас. Она не чувствовала себя способной провести обряд. И нет у нее ничего здесь: ни свечей, ни воды, ни книг, ни ткани. Ничего!

– Спокойно, спокойно... – приложив пальцы к вискам, тихо, но уверенно проговорила она, пытаясь успокоиться. В таком взвинченном состоянии, даже обладая огромной Силой и всем необходимым, ничего не сделать. Схватив чашку со стола, Инга выскочила во двор и набрала воды из умывальника. Не святая, но тоже вода.

Вернувшись в комнату, она поставила чашку на стул и, встав перед ним на колени, принялась тихо читать заговор на успокоение: *«Вода ты вода, моешь ты и смываешь... Вода, везде ты бываешь... Уйми ты рабу божью Ингу... От крика и гнева, от грубого слова... От напрасных слез... От тысячи дум тревожных... Не страдала бы она, не кричала бы она... Тревогу остуди, с ее буйной головы смой, слей, сплочи... Спокойствием напои...»*

Закончив шептать, Инга обмакнула пальцы в чашку и торопливо умыла заговоренной водой лицо, а остатки выпила. Сделав глубокий вздох, она посидела немного с закрытыми глазами, успокаиваясь и настраиваясь на помощь роженице. И, почувствовав себя уверенней, мысленно

прочитала молитву на начало важного дела.

Для проведения ритуалов – сложных или простых – у нее ничего нет. Ей остается рассчитывать только на свое горячее желание помочь Ларисе и на то, что отчаянные молитвы будут услышаны. «Инночка, даже простое слово обладает силой. А слово, посланное из сердца – многократной...» – бабушкина мудрость, как всегда, оказывала ей бесценную поддержку.

Инга шептала сначала робко, неуверенно. Так неуверенно делает первые шаги человек после тяжелой продолжительной болезни. Она словно пробовала каждое слово на вкус, взвешивала, прислушивалась к собственным ощущениям. Ей еще не доводилось применять заговоры на помощь роженице, и сейчас она, лихорадочно вспоминая их, чувствовала себя вдвойне неуверенней из-за страха не вспомнить, забыть нужные слова, перепутать, запнуться. Страх первоклассницы-отличницы, которая вышла читать стихотворение на торжественном школьном вечере перед многочисленной публикой. «Инночка, за тебя не память говорит, а сердце... Не бойся, оно найдет нужные слова...» Инга словно слышала бабушкин голос. «Бабушка, что же делать?!» – мысленно прокричала она, нуждаясь в помощи. «Молиться, милая, молиться...»

«Плакала Магдалена, Мать Мария рыдала, радовался бес, а Иисус воскрес... Господи, помоги рабе Божией Ларисе...»

Она горячим шепотом посылала молитвы небу, всем сердцем, душой желая, чтобы они были услышаны. Она будто впала в некое подобие транса, словно раздвоилась: читала молитвы и заговоры в тесном флигельке в приморском городе и одновременно находилась в Москве, в роддоме, где мучалась обессиленная невестка. Инга смотрела на крашеную стену домика, но видела родильный зал, врачей, столпившихся около стола, измученную, невменяемую роженицу.

«Обвенчаю я тебя, рабу Божию Ларису, с жизнью и здоровьем, с двенадцатью радостями, с двенадцатью надеждами, с двенадцатью часами и двенадцатью днями, с Христовыми учениками, с их силой и подмогой...»

Она шептала все увереннее и увереннее, ощущая, что каждое произносимое ею слово обретает вес, и с радостью и удивлением чувствуя, что в груди – в области сердца – зарождается тепло, которое постепенно растекается по всему телу. Сила.

«Ангел-Спаситель с тобой, Ангел-Хранитель перед тобой... Богородица позади. Господь впереди... Сохрани тело, сохрани живот, сохрани чрева плод...»

Инга уже явственно ощущала покалывающую пульсацию в кончиках

пальцев, говорящую о концентрирующей в них Силе. Боясь потерять хоть каплю, она бережно старалась донести ее всю до обессиленной, умирающей в родах невестки. Протягивая к Ларе руки, Инга по каплям, как живительную воду, постепенно сцеживала Силу, желая напитать ею и роженицу, и плод.

«Поверю я тебя на руки Господа и его Матери, Пресвятой, Пречистой Богородицы... Исцелит тебя сам Господь... Слово мое не перебить и не истребить...»

Последняя капля, упавшая с ее пальцев, совпала с детским криком, раздавшимся громко, с претензией на жизнь. Мальчик... Инга еще увидела слабую, но счастливую улыбку Ларисы, прежде чем обессиленная и измученная опустилась на пол рядом со стулом. Положив руки на сиденье, она уткнулась в них взмокшим лбом и часто задышала. У нее не было сил даже дойти до кровати, но она чувствовала себя счастливой как никогда в жизни. «Сын... У Вадьки – сын... Мой племянник». Инга улыбнулась и на какое-то время отключилась – не уснула, не потеряла сознание, а словно застыла, забылась.

Привел ее в чувство звонок мобильного: Вадим, обезумевший теперь уже от радости, торопился сообщить, что у него родился сын.

– Я знаю... – еле слышно прошептала Инга, с трудом удерживая в руках телефон.

– Откуда? – удивился брат, но тут же понимающе рассмеялся: – Глупый вопрос, сам знаю! Ты у меня все-все умеешь, все-все можешь! Спасибо тебе, родная, до конца жизни у тебя в долгу буду.

– Такими словами не бросаются, – еще сумела пошутить она и спросила о Ларисе.

– Измучена... Но она – молодец! И ты у меня – молодец! Если бы не ты...

– Это не я, Вадим. Это все молитвы. Вадим, у меня сил нет разговаривать. Завтра, хорошо? Завтра...

– Да-да, конечно! – поспешно свернул разговор брат. И еще раз выразил благодарность за помощь.

Инга запоздало поздравила его с рождением сына и на прощание несерьезно попросила:

– Сильно не напивайся от радости.

– Я не пьющий, ты же знаешь, – рассмеялся он и лукаво добавил: – Но, впрочем, если есть повод...

После разговора с братом Инга дошла до кровати и, не раздеваясь, в чем была, легла. От усталости она заснула почти сразу. Но, погружаясь в

сон, внезапно осознала, что все те заговоры, которые она с жаром читала, имели различные предназначения, но отнюдь не предназначались для помощи роженицам. На излечение от болезней, на защиту, на охрану беременным – она читала все, что ей приходило в тот момент на ум. А заговор для помощи роженицам она так и не вспомнила. «Во дела!» – мысленно подивилась Инга и уже во сне услышала голос бабушки, напомнившей ей о том, что «сердце само найдет нужные слова».

XIV

Несмотря на то что Инга была измотана и уснула, едва коснувшись щекой подушки, спалось ей тревожно. Слишком эмоциональные события, случившиеся накануне, вылились в мельтешащие, сменяющие друг друга с частотой слайдов короткие сновидения. Брат просит о помощи. Лариса, улыбаясь, показывает новорожденного. Бабушка протягивает ей книгу заговоров. Алексей, взяв ее за руку, подводит к зеркалу, откуда, улыбаясь, смотрит на нее дядя. Зеркало неожиданно превращается в живой портрет Кристины. «Она и тебя погубит...» Кристина смотрит из позолоченной рамы печальными большими глазами. Инга хочет что-то спросить у Кристины, но ее отвлекает стук в дверь библиотеки. Она оглядывается, а когда поворачивается обратно, видит уже не портрет, а дверь. «Я туда хожу гулять», – Лиза с куклой Барби под мышкой важно указывает на дверь. Инга хочет пойти следом за девочкой, хочет позвать Алексея, но видит вместо него улыбающегося Макса. «Я приду за тобой. Обязательно приду!» На этом Инга и проснулась.

– Господи, ну и приснится же... – Она уткнулась лицом в подушку и закрыла глаза. Вставать не хотелось, она все еще чувствовала себя разбитой. Лежа в постели, Инга позвонила брату спросить о состоянии Ларисы и малыша. Вадим успокоил, сказав, что с его женой и ребенком все хорошо. Инга еще раз поздравила брата с пополнением в семье, потом подумала, что надо бы поставить охранку на Ларису и малыша. Возможно, ей уже под силу справиться с таким обрядом, только нужно будет запастись всеми необходимыми атрибутами.

И все же, как бы ей ни хотелось провести этот день в постели, пришлось встать: скоро должна была прийти Мария. Взяв полотенце и зубную пасту, Инга открыла дверь и с удивлением обнаружила приставленный к двери букет белых роз. «Самой красивой», – гласила вложенная в цветы открытка. Инга недоверчиво взяла букет. Зажмурившись, понюхала бутоны с капельками влаги на плотных лепестках. Когда ей в последний раз дарили цветы мужчины, желающие выразить свои чувства? Очень давно, еще в позапрошлой жизни... Кто-то приходил, пока она спала. Чернов, Макс? Хотелось думать, что букет – от Алексея. Инга рассеянно повертела открытку, безрезультатно пытаясь найти хоть какую-то подпись, и отнесла букет в дом.

Разговор с Марией пошел совершенно не так, как хотелось бы Инге,

оставил странный и неприятный осадок.

Подруга пришла, как и обещала вчера, около часу. Видимо, на работе у нее произошло что-то не очень приятное, потому что пребывала Мария в скверном настроении. Апогея ее дурное настроение достигло, когда она заметила букет.

– От Чернова, – не спросила, а утвердила Мария, и насупилась.

Когда Инга осторожно спросила у подруги, чем она, собственно говоря, недовольна, та неожиданно взорвалась:

– Чем, спрашиваешь?! А вот этим, – Маша ткнула пальцем в невинные цветы. – И еще тем, что ты дочку Чернова используешь в личных целях! И тем, что для тебя Алексей – очередной каприз, забава! Вы ведь, московские, ни в чем не привыкли знать отказа! Всё для вас! Всё! Хоть звезды с неба!

– Маша, я тебя не понимаю... – растерявшись, Инга попыталась остановить разошедшуюся подругу, но это было сродни попытке остановить лавину.

– Да все ты понимаешь! Ты далеко не глупа, чтобы не понимать. Хорошую лазейку ты нашла, чтобы подобраться к Чернову! Через его дочку! А о том, что будет *потом*, ты подумала?! Что будет после того, как ты уедешь? Ведь для вас, курортников, такие романчики – отдых, развлечение, способ снять стресс, на который вы так любите жаловаться! Уезжаете довольные, а мы тут остаемся. Со своими смешными – по-вашему – проблемами, со своими стрессами! Да вам-то что! Вы уехали, как песок с себя стряхнули!

– Мария, ты все неправильно понимаешь!

– Неправильно? Да все правильно! Ты – столичная хищница, приехала развлекаться. Алексей Чернов – замечательный трофей! Галочка в твоей яркой биографии. А его дочка – это так, ступенька, трамплинчик, чтобы получить желаемое.

– Хватит! Я не собираюсь слушать *это*! – Инга хлопнула ладонью по столу и резко встала. – Ты просто... бред какой-то несешь.

– Это не бред! Ты же ведь хотела поговорить о Чернове? Вот мы о нем и говорим!

– Мы не говорим! Ты на меня нападаешь! А я почему-то тебя все еще слушаю!

– И замечательно, что слушаешь! – Мария тоже вскочила и уперла руки в бока. Сейчас, в раздражении, она не казалась привлекательной, а напоминала бабу с рынка, ругающуюся с соседкой по прилавку из-за пучка петрушки. – Просто замечательно! Вот что, милая, раз уж ты слушаешь, оставь Чернова и его дочку в покое!

– Это угроза? – усмехнулась Инга.

Мария отчеканила:

– Нет, это пока предупреждение. Помимо тебя, дорогая, найдутся и другие желающие завладеть расположением Чернова.

– Например, ты? – понимающе хмыкнула Инга.

– Меня на этот раз оставим в покое. В общем, считай, что я тебя предупредила, – припечатала Мария и гордо развернулась, чтобы уйти, но на пороге оглянулась: – И вообще... Не лезь, куда тебя не просят. Если не хочешь, чтобы тебе прищемили нос. Лучше уезжай. Возвращайся в свою Москву.

На этом сюрпризы дня не закончились. Почти сразу после ухода Марии к Инге пожаловали Таисия с Анной. Увидев их, Инга первым делом подумала, что они тоже явились «обрабатывать» ее, и внутренне приготовилась к сражению. Однако подруги зашли, чтобы позвать ее на пляж.

– Ты совсем пропала, мы тебя уже и не видим, – с застенчивой улыбкой попеняла ей Анна, а Тая пояснила:

– И у меня, и у Ани сегодня свободный день, мы вместе сходили на рынок и подумали, что неплохо было бы взять моих ребятишек и отправиться на пляж. Решили и тебя позвать. Пока мои сыновья будут плескаться в море и собирать камешки, мы поболтаем. Идешь?

В другое время предложение выглядело бы заманчивым, но сейчас Инге больше хотелось уединения, чем общения. Она бы с удовольствием повалялась на пляже, но только не в компании приятельниц.

– М-м-м, не знаю... Я к Лизе собиралась идти.

– Как твои успехи с Лизаветой? – живо поинтересовалась Анечка.

Инга не стала вдаваться в подробности, отделалась уклончивым «нормально».

– А как там Алексей? – спросила Таисия.

Инга ощутила внутри неприятный укол: после сцены, которую устроила Машка, любой вопрос о Чернове казался с подвохом. И тут же одернула себя: Анна и Таисия вроде как не должны быть в курсе ее «не совсем деловых» отношений с Алексеем. Разве что додумали про них с подачи Марии. Или вчера подглядели, как она с ним целовалась. При воспоминании о поцелуе в груди поднялась жаркая волна, и щеки уже готовы были предательским образом зарумяниться.

– Чернов?.. – Инга безразлично – слишком безразлично – пожала плечами. – Нормально, наверно... Я ведь практически его не вижу.

Анна неожиданно метнула на нее насмешливый и недоверчивый

взгляд, словно сильно усомнилась в том, что Инга не видится с Черновым. И Инга уже почти всерьез забеспокоилась: такое ощущение, что скоро полгорода окажется в курсе ее отношений с Алексеем. Впрочем, Чернов – слишком известная и яркая фигура в этих краях, а городок – маленький, так что вряд ли полгорода. Эта новость в мгновение ока станет известна всем.

– В общем, бери Лизавету и топай к нам, – уверенно завершила разговор Таисия. – Мы будем на песчаном пляже, это который чуть дальше лодочной станции.

– Ладно, – неуверенно согласилась Инга. – Но не обещаю. Лиза приболела, так что, возможно, она и этот день проведет дома, не на пляже.

– Ну, как знаешь, – развела руками Таисия.

А Анна, уходя, оглянулась и бросила через плечо:

– Увидишь Чернова, передавай ему привет!

После ухода приятельниц Инга первым делом отправилась в местный универмаг, чтобы купить атрибуты для ритуалов: еще слишком остры были воспоминания о вчерашней растерянности и бессилии перед отчаянной просьбой брата о помощи. Остаться «безоружной» и дальше Инга не желала.

К ее радости, в этот маленький городок цивилизация в виде новомодных бутиков и салонов еще не докатилась и не истребила старые добрые «совковые» универмаги с вызывающим ностальгию отделом «Галантерея». В Москве можно купить практически все, да только таких мелочей, как булавки, пуговицы и шпильки днем с огнем не сыщешь. И словосочетание «галантерейный магазин» уже, наверное, скоро совершенно исчезнет из столичного лексикона, проиграв «бутикам», «маркетам» и «шопам».

Инга купила лишь малую часть того, что ей могло бы понадобиться: нитки, набор иголок, булавки и несколько белых свечей. В посудном отделе она приобрела пару мисок. Возвращаясь домой, Инга сделала крюк и в церковной лавке возле входа на кладбище прикупила пакетик ладана, церковные свечи и икону Пресвятой Богородицы.

Дома Инга прочитала молитвы и заговор на оберег младенца и роженицы. Если бы она находилась в Москве, то смогла бы провести обряд и сделать хорошую защиту и Ларе, и ее сыну, но здесь – на расстоянии – она могла рассчитывать лишь на силу слова.

Даже монотонное расслабляющее нашептывание приборя не могло успокоить мысли Инги. Словно в броуновском движении, они сталкивались, разлетались, снова сталкивались и никак не хотели

выстраиваться в одну упорядоченную линию. С одной стороны, Инга была рада тому, что Лиза, пристроившаяся с ней рядом на огромном пляжном полотенце, занята книжкой и не докучает желанием пообщаться, но с другой – сосредоточенное Лизкино молчание потворствовало мысленной суматохе.

Инга перевернулась со спины на живот и уткнулась подбородком в сложенные перед собой руки. Лиза никак не отреагировала на ее движение, только с увлечением перевернула страницу в книге. Инга, бросив короткий взгляд на девочку, пожалела о том, что не взяла с собой какой-нибудь легкий детективчик. Может, увлекшись чтением, она бы на время избавилась от хаоса в голове.

Каждая мысль была подобна отдельной единице бескультурной толпы: расталкивая остальные мысли в стремлении пролезть вперед и выделиться, она назойливо требовала к себе внимания, но тут же оказывалась смещенной другой такой же настырной мыслью-единицей. «Куда Лизка периодически пропадает?.. Спросить или нет?..» «Крестину-то за что? И кто, кто?..» «Алексей признался, что ему часто мерещится присутствие жены». «Зеркальце Кристины. Откуда оно взялось? И приснившийся кошмар с Кристиной...» «Мой дядя в зеркале... Померещилось?» «Бабушка о чем-то ведь хотела меня предупредить!» «Вадиду позвонить вечером, спросить про Лару и малыша». «Алексей... Черт возьми, да я ведь в него... Нет, нет...»

Думая об Алексее, она непроизвольно улыбнулась. Мысли о вчерашнем вечере, о поцелуе вызвали сладкое томление под ложечкой. Сердце на мгновение замирало, чтобы потом, спохватившись, застучать сильнее, ритмичнее, с напором прогоняя по сосудам горячую кровь.

«Машка-то что за номер выкинула? Неужели имеет виды на Чернова, а я, того не зная, перешла ей дорогу? Я и подумать об этом не могла. Но она права, я не задумываюсь о том, что будет *после* того, как я вернусь в Москву...»

Инга бросила виноватый взгляд на Лизу и обнаружила, что та не читает, а, заложив пальчиком страницы в книге, внимательно наблюдает за ней.

– Что, Лиза? – Инга невинно подняла брови, стараясь скрыть свое смущение тем, что весь спектр ее чувств наверняка красноречиво отразился на ее лице. Лиза-то, может, и не поняла ничего (и в силу возраста, и в силу того, что не умеет читать мысли), но девушка под ее цепким взглядом все равно ощутила себя обнаженной.

Девочка покачала головой и, усмехнувшись совсем по-взрослому, с

невинным видом опять погрузилась в чтение. «А ты не так уж и проста. И выросла не по годам», – Инга мысленно восхитилась пронизательностью девочки. И, украдкой улыбнувшись, уткнулась лицом в сложенные руки. Еще она подумала о том, что могла бы попытаться избавить Лизу от немоты с помощью обрядов. От чего отказываются врачи, можно вылечить с помощью заговоров. Только вот без разрешения Алексея она действовать не может. Но как ему сказать об этом?.. Ладно, она подумает над этим немного позже.

Ближе к вечеру она отвела Елизавету домой, поддавшись на уговоры Нины Павловны, выпила вместе с девочкой чаю и затем, не дождавшись возвращения Алексея, ушла. Сбежала – от себя и своих всколыхнувшихся чувств к угловатому и порой грубому «медведю», который очень не любит, когда ему указывают, что следует делать. И чей поцелуй – соленый, пахнущий морем и вольными ветрами – нарушил затянувшийся штиль ее чувств. Чувств к мужчине. Желанному мужчине.

Почему не утонченный красавец Макс? Почему именно этот неуклюжий, грубый, огромный человек, внешностью напоминающий анекдотичного «братка»? Может, потому, что в Максе все было предсказуемо, а его красота казалась ей слишком порочной, глянцевой, искусственной.

Инга до глубокой ночи одна бродила по набережной. Ей не было страшно гулять без сопровождения. Вчерашний поцелуй и мысли об Алексее хранили ее лучше всякого оберега и талисмана. Может, зря она сбежала, не дождавшись его? До вчерашнего вечера ей просто не приходило в голову, что Алексей может подумать, что она... специально дожидается его. Сегодня же мысль эта прочно засела в ее голове. Страхи школьницы, впервые влюбленной. Инга улыбнулась своим мыслям и зашла в попавшееся на пути кафе. Ей не хотелось сейчас возвращаться домой. Возле дома ее, наверное, ждет настойчивый в своих ухаживаниях Макс, с которым не хочется ни видаться, ни объясняться.

Она неторопливо поужинала, неторопливо выкурила несколько сигарет, слушая певицу, выступающую на маленькой площадке. Здесь, на юге, в каждом уважающем себя кафе обязательно есть концертная площадка, на которой каждый вечер выступает местная музыкальная группа. Вокальные данные исполнителей в расчет не берутся, главное, чтобы репертуар был – «свежачок-с», не слишком запылившийся на полках отечественной эстрады.

Певичка исполняла песенки из своего репертуара (в основном хиты «звезднофабричного» производства) вполне сносно и даже вполне могла бы

претендовать на одно из мест в очередной «Звездной фабрике».

Инге повезло: во время ужина к ней никто не пристал с назойливым желанием завязать знакомство, как это обычно водится на курортах. Она спокойно поужинала, размышляя под незатейливую музыку о том, так ли уж ей надо браться за разгадывание тайны, связанной со смертью Кристины. Никто ведь ее об этом не просит. Для Алексея и Лизы, и тем более для всех остальных, Кристина умерла от скоротечной болезни. Врачи так постановили, близкие с этим смирились. «Не вороши это, не вороши!» – разум настоятельно требовал оставить смерть Кристины в покое. Инга, припомнив бабушкину просьбу из сна не соваться куда не просят, решила уступить разуму.

Ушла она из кафе около полуночи.

Приблизившись к двери своего флигелька, Инга неожиданно почувствовала предостерегающий укол «шестого чувства». Она резко опустила руку с уже поднесенным, было, к замку ключом и отступила назад. Хмурясь и задумчиво покусывая губы, украдкой огляделась, словно ожидала, что в темноте может прятаться недоброжелатель. Затем присела.

Интуиция не обманула: Инга почувствовала слабый, еле уловимый след чужого негативного присутствия и запах свежего колдовства. Перешагни она через порожек – и порча ей была бы обеспечена.

Порча может пахнуть по-разному. В своей практике Инга часто встречалась с различными видами порч и каждую относила к определенной категории запахов. Порча может пахнуть смертью – сырой могильной землей и тленом. Разить болезнью – иметь удушающий запах прокисшей мочи, смешавшийся с запахом лекарств. Смердеть едким потом, гарью, кровью или иметь свежий запах сосновых чурок. Может пахнуть ладаном и свечным воском. А может иметь запах ржавчины или вонять болотной гнилью. Или иметь привлекательный, манящий аромат. Однажды Инге встретилась порча, которая пахла весенним талым снегом, а в другой раз – лавандовым маслом. Эта же порча, разлитая на пороге ее флигелька, смердела нечистотами.

– Нехорошие дела... – сокрушенно пробормотала девушка и достала из сумочки мобильный телефон. При свете мобильника она внимательно оглядела порог и землю перед ним, даже не надеясь, что ей удастся обнаружить предмет, с помощью которого наводили порчу. Ведь порог могли и просто заговорить.

Поиски результатов не дали. Но Инга на всякий случай оглядела дверной косяк и притолоку: нет ли воткнутых булавок, иголок или следов от свечей или мела. Нет, не считая «грязного» порога, все остальное было

«чисто». Инга оглянулась, чтобы быть уверенной, что за ней никто не наблюдает. Убедившись, что во дворе никого нет, повернулась к двери; прикрыв глаза, она постаралась представить себя внутри сферы, наполненной серебристым дымом. Это была простая защита, самая первая, которой ее обучила бабушка. Эта защита была удобна тем, что не требовала никаких атрибутов, только лишь внутреннего сосредоточения. Конечно, была она очень недолгой и легко пробиваемой, но в экстренных случаях, подобных этому, выручала.

Когда Инга уже явственно ощутила, будто ее тело окутано прохладным плотным коконом, она открыла дверь и шагнула в темное нутро домика. Перешагивая через порог, непроизвольно поморщилась от слишком резкого «запаха» нечистот, ударившего по защитному «кокону» удушливой волной. Порча была свежей, напористой и, как показалось, не слишком сильной. Однако же ей удалось немного пробить защиту, просочиться внутрь энергетической сферы и смешаться с серебристым «дымом». Инга мысленно ругнулась и тут же ощутила скулящую тоску по дому. У Лары и Вадьки ребенок родился... Она стала теткой. Что она еще делает здесь, в провинциальном городишке, когда ей надо домой, в Москву, к родным? Завтра же, завтра... Утром.

Понятненько. Ее решили просто деликатно прогнать. Заставить уехать и немедленно.

Инга зажгла свет и представила, что ее созданная в воображении сфера тает на свету. Защита разрушилась, но неуловимый носом запах как будто приклеился к коже. Отмыться, очиститься – только уже после этого думать, кому и зачем понадобилось устранять ее. Впрочем, найти ответ на этот вопрос не так уж и сложно: кому-то она перешла дорожку.

«Вот бабушкины предупреждения и пророчество карт, кажется, и стали сбываться», – вяло подумала Инга и ощутила еще один острый приступ тоски по дому.

– Фиг вам! Не дождетесь, – ругнулась она в адрес неизвестной вражины и торопливо развернула пакет с утренними покупками. Вот уж не думала, что они могут пригодиться так скоро.

Порча была еще свежей, да и не сильной. Тот, кто ее навел, проявил неслыханную гуманность и просто решил заставить Ингу вернуться домой – по собственному желанию. Если бы она не определила эту порчу сразу, уже паковала бы чемодан, готовясь к утреннему отъезду. И причина отъезда казалась бы весомой: рождение ребенка в семье родного брата. Но Инга, подготавливаясь к обряду на очищение, твердо решила, что не доставит «вражине» удовольствия своим отъездом. И пусть это опасно (бабушка

вряд ли похвалила бы ее за подобную «жажду приключений»), она останется, хотя бы из упрямства.

Свеча, которой Инга, читая молитвы и заговоры, выкатывала порчу, ожидаемо затрещала возле порожка, что указывало на скопление черной энергетики. Обряд пришлось повторить трижды, прежде чем свеча перестала потрескивать и ее пламя стало гореть ровно и одинаково во всех углах флигелька. Инга закончила обряд чтением благодарственной молитвы и завернула огарок с образовавшимся наростом в бумагу, чтобы сжечь завтра где-нибудь в нелюдном месте.

Все, путь расчищен – в прямом смысле слова. Осталось дело за собственным очищением от налипшей «грязи». Инга схватила со стола новокупленную миску и быстро сбегала к ручкомойнику за водой. Опять же не святая, но другой нет.

«Вода чистая, ключи твои быстрые. От глаза серого, от глаза белого, от глаза карего, от глаза черного, от мужика-колдуна и от бабки-колдуньи, от девки-простоволоски, от нечистого духа, от вихря сильного, от банного, от водяного, от лесного огради рабу Божью Ингу. Ключ и замок словам моим...»

Прошептав заговор, девушка отпила воды, умыла ею лицо и руки, а затем, быстро раздевшись, растерла остатки по всему телу. И под конец сделала на себя небольшую защиту. Все. Она скользнула в постель и забылась светлым и крепким сном.

Тая сидела за кухонным столом, сложив на столешнице руки и невидяще глядя на белеющую в темноте кафельную плитку. Покинув постель с уютно посапывающим во сне мужем, она сидела так уже довольно долго и даже успела немного замерзнуть в тонкой ночной рубашке.

Ей приснилась Кристина. Подруга плакала и протягивала к ней руки, а Тая в ужасе отшатывалась. Никакого диалога между ними так и не состоялось, но видение было столь ярким, что Тая, проснувшись посреди ночи, уже не смогла заснуть. Она ворочалась на смятой, липнущей к жаркому телу простыне, пока в голову не пришла здравая мысль, что так она может разбудить мужа. Тогда Тая тихо встала и на цыпочках прокралась в кухню.

Сон и недавний разговор с Алексеем, когда тот доверительно поведал ей о своих «галлюцинациях», вернули мысли, о которых она старалась забыть.

Незадолго до разговора с Черновым Таисия ходила к знакомой гадалке.

Впервые на прием к этой немолодой ясновидящей Тая попала по рекомендации приятельницы еще года три назад, когда сильно болел старший сын. Таисия считала, что ясновидящая Магда очень помогла ей в тот сложный период, и взяла за правило раз в полгода обязательно ходить к этой женщине и делать карточный расклад на себя и близких.

«Мается твоя подруга, та, которая умерла, – Магда горько качала головой, выкладывая карты. – Не может ее душа успокоиться, вырвали ее из жизни, от людей любимых насильно, по злему умыслу. Вот и мучается она, бедная». Тогда Таисия не обратила особенного внимания на эти слова ясновидящей. Просто сходила в церковь и поставила свечку за упокой Кристининой души. И лишь позднее, когда Алексей рассказал ей о своих «видениях», Тая вновь мысленно вернулась к недавнему сеансу гадания.

«Бродит ее душа среди нас как неприкаянная... Не может расстаться с любимыми людьми. Дочь, говоришь, у нее осталась? Вот по дочке и по мужу любимому тоскует... Да еще не может простить вероломства близкого человека, который и свел ее в могилку». Магда небрежным движением собрала карты и убрала в ящик. Таисия, расплачиваясь с ней, спросила, как можно помочь Кристининой душе обрести покой. «Не так просто... Много черных дел с ее смертью связано. Не может она успокоиться, пока не получит отпущения. Да за близких своих волнуется. Здесь помощь сильного мага нужна. И пусть муж молится, свечи ставит, ведь он этого не делает, да? Передай ему, чтобы молился и поминал свою жену».

«Чтобы молился...» – горько усмехнулась Тая. Как заставить Чернова сходить в церковь, чтобы хоть свечку поставить, не говоря уж о том, чтобы отстоять службу? Воду она ему еще не отнесла, хоть и обещала. Тая вздохнула и решила, что днем, благо он у нее выходной, обязательно сходит в дом к Чернову и отнесет бутылку святой воды. А также напишет подробную инструкцию, что следует сделать: Чернова не так просто застать дома, но охрана у него исполнительная, посылку ему обязательно передадут.

Приняв решение, Тая немного успокоилась и вернулась в постель.

«Как же тебе помочь, Кристиночка? И Лешке твоему?» Обратиться бы к Магде за советом, да она из города на неопределенный срок уехала.

«Молиться... Молиться». С этой умиротворенной мыслью Таисия и уснула.

Похоже, утренние букеты стали превращаться в приятную традицию. Выйдя утром во двор и вновь обнаружив возле своей двери завернутые в шуршащий целлофан цветы, Инга почувствовала прилив нежности и радости. И неприятные воспоминания о накануне разлитой на ее порог порче тут же уступили место хорошему настроению. Открытка, приложенная к букету, опять оказалась без подписи, но Инга не сомневалась, что цветы – от Алексея. От таких мыслей настроение становилось все лучше и лучше. А эта робкая игра в «избегание встреч» и «анонимные презенты» превращала их с Алексеем отношения в отношения двух робких влюбленных школьников – острые, чувственные и невинные, как первая любовь.

Инга поставила цветы в стеклянную банку, позаимствованную на летней кухне, и собралась на рынок за фруктами.

Выйдя за калитку, она увидела Макса. Парень, небрежно облокотившись о свой мотоцикл, со скучающим видом поджидал ее.

– Привет, – без эмоций поздоровалась Инга.

Визит Макса так не вписывался в ее утреннее настроение! Он был чем-то чужеродным, словно футболка с аляповатым рисунком, надетая к деловому костюму, и своей неуместностью вызвал лишь раздражение.

– Привет, – с легким намеком на упрек поздоровался Макс.

– Ты меня караулил? – Чувство вины перед Максом соединилось с раздражением и вылилось в вызывающую интонацию, с какой был задан этот вопрос.

И теперь уже Макс, словно оправдываясь, развел руками.

– Караулил. Я тебя два вечера подряд не мог застать, хотя мы с тобой договаривались увидеться. Я и записку тебе писал... Ты прочитала ее?

Был велик соблазн удивленно наморщить лоб и сказать, что никакой записки она не видела. И повиниться, что она – такая-сякая – так хотела с ним увидеться, да вот приключились ну очень важные и очень срочные дела, а предупредить оказалось невозможно. Инга, поддавшись мимолетной слабости произнести всю эту чушь с невинным видом девочки-ромашки, открыла рот, но сказала совсем другое:

– Да, прочитала.

– Ясно, – усмехнулся он и нервно провел пятерней по волосам, убирая падающую на глаза челку. Этот жест получился у Макса слишком

артистичным, словно он долго и тщательно репетировал «страдания» и вот сейчас настал час отыграть сцену на публике. – А я уж даже подумал, что ты уехала домой.

– Нет. И пока не собираюсь.

– Но и встречаться со мной тоже больше не хочешь, – подвел он итог.

Макс был необыкновенно хорош в обтягивающей торс синей футболке и ладно сидящих на бедрах джинсах. И ему очень шло это состояние – «находиться в грусти», так же, как и играть роль рокового красавца, пылко влюбленного. Он сжился с ролью романтического героя как со второй кожей, и весь спектр чувств, присущий герою этого амплуа, отыгрывал без запинки. Ему можно было бы верить и сочувствовать, если бы не занудная мыслишка, что отношения для Макса подобны театру и каждый раз он выходит на сцену и отыгрывает свою роль блестяще, только публика, состоящая сплошь из настроенных на романы курортниц, каждый раз иная.

– Макс, ты слишком хорош... Слишком хорош для того, чтобы быть настоящим, – глядя ему прямо в глаза, серьезным тоном произнесла Инга.

Макс, не поняв ее, нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– Именно это и имею в виду, – обезоруживающе улыбнулась она.

Парень в недоумении похлопал ресницами, но после мимолетного сбоя в сценарии спохватился и вернулся к хорошо знакомой роли, рассмеявшись:

– Загадочная женщина! Боже мой, как же ты мне нравишься... – И тут же с нужной долей грусти признался: – А я ведь, знаешь... Влюбился в тебя.

– Макс, давай обойдемся без... подобных слов, – досадливо поморщилась Инга и бросила короткий, но красноречивый взгляд на часики.

Макс ее понял:

– Торопишься?

– Да.

– Я могу тебя подвезти, – кивнул он на мотоцикл, но, увидев, что Инга покачала головой, поправился: – Да, ты же ведь боишься мотоциклов.

– Не в этом дело. Я тебе ничего не обещала, помнишь? Сразу сказала, чтобы ты не рассчитывал на роман со мной.

Инге стало неприятно, что она оправдывается перед ним, и, резко сменив тему, она спросила:

– Это ты носишь мне цветы?

– Какие цветы? – непонимающе наморщил лоб Макс, но через секунду ядовито заметил: – Это, наверное, был другой твой поклонник. Утешает лишь то, что ему, как и мне, ничего не обломится.

Резко переменившись в настроении, раздраженный и мрачный, Макс сел на мотоцикл и завел двигатель. Прежде чем тронуться с места, он тихо, но внятно процедил:

– Наверное, тебя и в самом деле интересуют не мужчины, а бабы.

Он уехал, а Инга осталась с ощущением, будто ей только что плюнули в лицо. От хорошего утреннего настроения не осталось и следа. Она вытащила из сумочки пачку сигарет и закурила. И сейчас ей было все равно, что Лизка потом, учуяв запах сигаретного дыма, недовольно сморщит носик. Ей хочется курить, и она будет курить.

По дороге к Лизе, в довесок к и так уже подпорченному настроению, некстати возникли думы на тему, кто и зачем вчера пытался выжить ее из города посредством колдовства. На ум приходил лишь один кандидат: Маша, которая, похоже, имеет виды на Чернова, – и от этой догадки настроение испортилось еще больше, сделалось противно почти до тошноты: о Машке хотелось думать как о приятельнице, подруге детства, а не подозревать ее в скверных помыслах. И все же Инге хорошо было известно, что многие дамочки, не задумываясь о последствиях, прибегают к услугам «магов, ведьм, ясновидящих» и просто деревенских бабок, чтобы устранить соперницу с помощью ворожбы. Ей самой в своей практике великое множество раз приходилось с этим сталкиваться, спасая своих клиенток от последствий таких вот вмешательств.

– Ох, Машка, если это делаешь ты... Дура ты! К тебе же злом и вернется!

Как ни странно, Инга почувствовала жалость к приятельнице. Но, закуривая вторую сигарету, подумала, что ей самой следует быть начеку. Вчерашний наговор – лишь детская шалость, невинная шутка по сравнению с тем, каких страшных дел можно наворотить с помощью магии.

Молодая женщина открыла брату дверь с недовольным выражением на лице, всем своим видом давая понять, что сейчас она очень занята.

– Сестричка, ты просто источаешь радушие! – усмехнулся парень и в шутку щелкнул девушку по носу.

Та фыркнула и поджала губы, однако молча посторонилась, пропуская мужчину в дом. И уже когда он разувался, запоздало спросила:

– Ты по делу? Или так просто?..

– А что, родственник к тебе может приходиться только по делу, а так просто уже нельзя? – спросил парень, кладя на тумбочку в прихожей журнал, который до этого держал в руке.

Подняв на сестру глаза, он напомнил:

– Тебе-то самой ничто не мешает врываться ко мне по ночам лишь потому, что у тебя кризис в личной жизни.

– Я занималась делом! – Она сложила руки на груди, словно пытаясь таким образом защититься от его упреков, и снова поджала тонкие губы.

– А я думал, что ведьмы лишь по ночам ворожат, – лучезарно улыбнулся парень и бесцеремонно прошел в комнату, где увидел разложенный на журнальном столике незаконченный карточный расклад. Сестра, вошедшая за братом, поспешно собрала карты и спрятала их в специальный ящичек.

– Ну и что твои карты говорят?

– Все то же, – ответила девушка таким тоном, что сразу стало ясно, что причиной ее недовольства послужил не неожиданный визит брата, а неприятные предсказания. – Правда, я не закончила. Ты мне помешал.

– Ну, может, это и к лучшему – не знать, чем дело окончится, – лениво растягивая слова, небрежно заметил он, чем вызвал у сестры взрыв негодования:

– Да я ради того, чтобы узнать, чем это дело кончится, и гадала!

– Тш-ш, тш-ш, дорогая, – зашикал он, взял раздраженную девушку за запястья и усадил рядом с собой на диван. Небрежность в его голосе сменилась заботой. – Ты стала слишком нервная.

– Да как тут не нервничать? Все не так идет, не так... Я к Чернову даже подступить не могу! Если снова применить магию, Мастер это обнаружит и по головке меня не погладит. И еще эта девица около Чернова вьется. Карты говорят, что у них – роман, любовь, черт побери! Не буду я ее жалеть! Выкурю отсюда, да еще «подарочек» прощальный та-акой навешу, что до конца жизни будет расхлебывать последствия своего увлечения! Ты узнал, когда она уезжает? – с надеждой поинтересовалась девушка, мысленно прикидывая, какую гадость сделать своей сопернице напоследок.

– А она и не уезжает, – усмехнулся парень. – Даже не собирается!

– Что? – девушка резко отпрянула от брата. – Как это «не собирается»? Я же ведь вчера...

– Не действует твоя магия! И порошок твой, который я ей в вино сыпал, не подействовал, – помнишь? – и вчерашние твои пассы результата не дали. Не теми способами воюешь, сестричка!

– Как умею, так и воюю! – с вызовом ответила она и, резко вскочив,

забегала по комнате. – Почему мои заговоры не подействовали? Это ты что-то не так сделал!

– А я тут при чем? – возмутился парень. – Говорю же тебе, не те методы ты выбрала!

– Ну так подскажи другие, раз такой умный!

– А ты успокойся, тогда и подскажу.

Девушка недовольно нахмурилась и снова села на диван. Насупленная, она больше напоминала нахотленного воробушка или обиженного ребенка, чем молодую женщину. Брат не спешил делиться с ней информацией, и она сердито поторопила:

– Ну!

– Не понукай, не лошадь, – тут же осадил он ее. – Забудь на время о своей магии, это не самый эффективный способ, как ты уже убедилась. Тем более что сейчас тебе магию использовать просто нельзя, чтобы не засек Мастер. А простыми женскими способами ты не пробовала воздействовать на своего обожаемого, а? Черт возьми, сестра, посмотри на себя! На кого ты похожа! Ты ведь довольно недурная собой девушка, только иногда так выглядишь, уж прости меня, что ни один мужик на тебя не посмотрит.

– Ты пришел мне лекцию читать о том, как надо одеваться? – с вызовом произнесла она, бросая на него исподлобья хмурый взгляд.

– Нет, вообще-то я пришел к тебе кое с чем другим. Хочу показать тебе одну забавную вещицу. Уверяю, тебе она понравится и поможет избавиться от некоторых страхов. Врут твои карты, не может быть любви между Черновым и этой красавицей. Сейчас поймешь почему.

Парень встал и вышел в коридор. Вернулся он с журналом, который принес с собой.

– На, любуйся.

Он почти насильно всунул глянцевый журнал сестре в руки. Та с недоумением уставилась на обложку. Журнал был довольно известный, сыскавший себе скандальную славу тем, что на его страницах со вкусом перетирались интимные подробности из жизни знаменитостей, при этом часто на всеобщее обозрение выкладывалось весьма «грязное белье», но на скандалах рейтинг журнала рос, как на благодатной почве.

– Ну и зачем ты мне это принес? – Девушка оторвала взгляд от обложки, на которой была изображена недавно взошедшая на музыкальный небосклон молодая рок-звездочка, и с недоумением посмотрела на брата.

– Видишь вот эту барышню? – парень ткнул пальцем в фотографию девушки на обложке. – Я купил этот журнал, потому что мне нравится эта певица. Песни у нее классные, не то что занюханная попса. Ее сценический

псевдоним – Лёка. Ну, это тебе ни о чем не говорит, вряд ли ты слушаешь подобную музыку.

– Нет, почему же, что-то слышала... Не надо меня совсем уж деревней считать! – возмутилась девушка и открыла журнал. Без интереса перелистывая страницы, она так же без интереса вполуха слушала брата.

– Открой статью про Лёку – и все поймешь, – в нетерпении поторопил парень. – В середине смотри, там целый разворот этой певице посвящен.

Девушка нашла нужную статью, которая называлась «Рок-звезда предпочитает однополую любовь?..», и бегло пробежала ее глазами. Автор статьи, некий мистер Папарацци, известный своими громкими скандальными публикациями не только в этом журнале, с маниакальным наслаждением муссировал интимные подробности личной жизни молодой рок-звездочки. С притворным пуританским ужасом, так не вяжущимся с его славой скандального хроникера, господин Папарацци восклицал: куда катится мир, если практически вся эстрада «раскрашена» в «голубые» и «розовые» тона. Вот, мол, и новая «звездочка» не стала исключением и явила ошарашенной публике свою близкую подругу. Свои слова Мистер Папарацци подкреплял двумя фотографиями. Плохое качество фотографий журналист объяснял тем, что их снял на любительскую камеру один из поклонников певицы. Снимки были сделаны в ночном клубе, где Лёка давала концерт. На первом снимке певица, сидя за столиком в клубе, целовалась с какой-то девушкой. На втором – спутница Лёки повернулась к объективу.

– Да ведь это же... – девушка, удивленно ахнув, ткнула пальцем в фото.

Брат довольно улыбнулся:

– Правильно, наша московская девочка.

Поднеся журнал ближе к глазам, молодая женщина вполголоса торопливо прочитала: «О девушке, сопровождающей певицу Лёку, удалось узнать немного: лишь то, что зовут ее Ингой и она приходится родной племянницей руководителю одного из крупных московских банков. Не исключено, что эта состоятельная девушка является так же и спонсором молодой рок-звезды».

– Не может у нее быть романа с твоим Черновым! – торжествующе произнес парень. – Не той сексуальной ориентации эта красавица.

– Но мне карты сказали...

– Да что твои карты, – досадливо поморщившись, перебил он ее. И ткнул пальцем в фотографию в журнале. – Вот тебе доказательство! Да она сама мне еще при знакомстве на нечто подобное намекнула: мол, не

надейся на роман со мной. Только я тогда эту ее болтовню всерьез не принял. Впрочем, потом уж убедился, что ее на самом деле мужчины мало волнуют. Не проявляет она ко мне никаких чувств! Даже твоя приворотная травка не помогла. Жаль, впрочем... Баба-то красивая.

Он закончил с горьким вздохом, и девушка покосилась на брата с усмешкой:

– Запал на нее, что ли?

– Есть немного. Другая она, другая! Заинтриговала меня страшно. А вот разгадка ее «кошек-мышек» оказалась такой простой. Сегодня купил этот журнал. Когда увидел – обалдел, даже испытал маленький шок. Лесбиянка! Черт возьми... Красивая сучка, да еще богатая. Округлить бы ее, да вот...

– Споткнулся о ее ориентацию, братик?

– Споткнулся, но не сдался! Уломать ее теперь еще интересней. Но это уже моя проблема. Ты вон утешайся тем, что Чернов не должен ее интересоваться.

– Ее-то он, может, и не интересуется, а вот она его... – пощипывая пальцами подбородок, задумчиво пробормотала девушка. – Алексей ведь не знает об этом.

– А ты сделай так, чтобы узнал! Что тут сложного? Журналы подобные он, конечно, вряд ли покупает, потому что его интересуют лишь кораблики, рыбешки да денежки, но иногда ведь он может почитать что-нибудь другое... отвлекающее... А тебе, сестричка, пора выбраться из своей норы и подкатить к Чернову под предлогом устройства на работу, например няней к его дочке. Что тебе мешает? Ты ему не чужой человек.

– Да ты что!!!! – девушка аж захлебнулась от возмущения. – Ты же ведь знаешь, почему я не могу устроиться к нему няней!! Да Мастер...

– Забудь ты о своем Мастере, – серьезно посоветовал парень. – Скоро ты уже забора пугаться начнешь, а не только Мастера. Видно, что совесть нечиста. Слушай меня, и все получится. Оставь в покое магию, все и так сложится как надо. Только слушай меня, слушай!

Таисия, как и хотела, написала Алексею Чернову небольшое письмо с подробными инструкциями, что и как надо сделать, и припасла бутылку со святой водой. Однако так закрутилась с домашними делами, что не успела днем сходить к нему домой. А вечером, когда она, немного освободившись, уже собиралась к Алексею, позвонил муж и тоном заговорщика сообщил, что приглашает жену в ресторан. На удивленный вопрос Таи, по какому поводу ресторан, не менее удивленно муж ответил:

– Тайка, у нас же годовщина свадьбы!

– Ох, я и забыла!

О годовщине свадьбы до сих пор она не забывала ни разу, такое с ней случилось впервые.

– Быстренько собирайся, минут через тридцать я за тобой зайду. Ребят по пути отведем к моей матери и проведем этот вечер вдвоем.

Таисия положила трубку на рычаг и с сожалением посмотрела на пакет, приготовленный для Чернова. Опять не получается занести. Нехорошо-то как... Алексей, может, уже и забыл о том, что Тая пообещала принести ему святую воду, да только вот она хорошо об этом помнит. Чтобы облегчить страдания Кристиночкиной души... Воспоминания о кошмарном сновидении и последовавшей за ним бессонной ночи вызвали неприятный холодок вдоль позвоночника. Тая поежилась и со вздохом поставила пакет на тумбочку рядом с телефоном. Может, попросить мужа по дороге в ресторан сделать небольшой крюк, чтобы передать Алексею через охрану этот пакет?..

Когда Тая уже почти собралась и красила перед большим зеркалом в коридоре губы, в дверь позвонили. Решив, что это муж, молодая женщина торопливо завершила свой макияж и после этого открыла дверь. На пороге стояла Машка.

– Привет! – Подруга, сияя улыбкой, переступила порог, но тут же нахмурилась: – Ты куда-то уходишь?

– Да. Серега в ресторан пригласил. Годовщина у нас. Свадьбы... – Таисия смущенно улыбнулась, а Маша с легкой завистью выдохнула:

– Везет же! Вечно все хорошие мужики другим бабам достаются. – И с видом учительницы, поучающей первоклассницу, пояснила: – Хорошие мужики – это те, которые жену даже после почти десятка лет совместной жизни продолжают приглашать в ресторан. Такие, как твой Серега. Или Чернов.

– Чернов – вечно занятая персона, не думаю, что ему бывает дело до ресторанов, – возразила Тая, но, секунду подумав, согласилась: – А вообще он да, хороший мужик.

– А я вот, Тайка, тоже хотела тебя в ресторан пригласить, – хихикнула Мария и, подойдя к зеркалу, кокетливо перед ним повертелась. – Как обычно – на наши бабские посиделки. Ну ладно, раз муж твой меня опередил, вычеркиваю тебя из списка. Остались мы вдвоем с Анькой.

– А Инга?

– Инга... – Мария поморщилась и отвернулась от зеркала. – А у Инги другие заботы, не до посиделок ей с нами. У нее другой интерес.

– Лиза? – понимающе кивнула Тая.

Мария, усмехнувшись ее наивности, медовым голосом пропела:

– Не-а... Чернов!

И снова отвернулась к зеркалу, рассматривая свою новую прическу. Она наклоняла голову и так, и этак, любуясь аккуратно уложенными волосами и про себя досадуя, что Тайка все никак не обратит внимания на изменения в ее внешности и не сделает комплимент. Но Таисию, похоже, гораздо больше заинтересовала сплетня о Чернове и Инге, чем Машина прическа.

– С чего ты решила?

– Да так и решила! Эта московская штучка не так уж и проста.

– Она ж твоя приятельница.

– Ну... Была в детстве подругой, была сейчас приятельницей. Только вот ей гораздо интересней Чернов, чем мы все, вместе взятые. Приходила ко мне на днях в магазин, пыталась выспросить все об Алексее и его семье. Прикрывалась тем, что собирает информацию для работы с Лизой. Типа, психолог она! – возмущенно фыркнула Маша.

– Может, ей на самом деле это надо, чтобы с девочкой заниматься. Психологи ведь обычно в душе так ковыряются, что мало не покажется.

– Да прикрывается она Лизкой, а сама на Алексея глаз положила! Сразу видно! Я, Тайка, как ты знаешь, в людях хорошо разбираюсь, вижу их истинные помыслы!

Тая не выдержала и рассмеялась, категорически не соглашаясь с Машиным «я в людях хорошо разбираюсь...». У Марии на этот счет интуиция, как у валенка, сколько раз попадала в неприятные приключения именно из-за своей неразборчивости в людях.

– Чего ржешь! – Машка обиженно дернула плечом и поправилась: – Может, и не всегда я... вижу эти, как их... помыслы. Но то, что Инга имеет виды на Чернова, – факт!

– Ну а тебе-то какое до этого дело, – укорила ее подруга и бросила беглый взгляд на часики: с минуту на минуту придет муж.

– Да никакого, в общем. Только возмущают меня эти «московские»! Им плевать на нашу жизнь, на наши интересы, на то, что они потом уедут, а мы тут...

– Машка, я тебя не понимаю. Если ты пришла ко мне, чтобы пожаловаться на свою нескладывающуюся жизнь и поделиться завистью к «московским», то выбери другое время. За мной муж вот-вот зайдет.

– Ладно, ладно... Ухожу, – покорно вздохнула Мария. – Я приходила к тебе не жаловаться, а пригласить на наш бабишник. Пойду к Аньке. Она

согласится.

– Вот-вот, нечего нашей ученой даме по углам отсиживаться, надо ее «в свет» периодически выводить, – с энтузиазмом поддержала Тая и наконец-то отвесила Маше долгожданный комплимент: – Тебе очень идет новая прическа!

– А то! – Мария обрадованно вздернула подбородок и снова кокетливо покосилась на свое отражение в зеркале. – Сегодня подстриглась! Такую сумму в салоне за эту прическу отвалила, скажу – не поверишь...

– И решила «выгулять» новую прическу в ресторане, – улыбнулась Тая, понимая мотив, по которому Мария решила собрать незапланированный девичник. – Кстати, и макияж тебе этот гораздо больше идет. Не такой яркий. Благородный. Что с тобой, Маш? Влюбилась?

– Нет, просто решила сменить имидж! – небрежно заметила Мария и сообщила: – Я одно важное дело задумала... Тайка, посоветуй, как лучше сделать, а? Ты у нас такая умная-разумная... В общем, я хочу к Чернову на работу устроиться. Надоело мне за прилавком плясать!

– И кем же ты хочешь устроиться? – Тая сложила руки на груди и с интересом посмотрела на подругу.

– Алексей недавно обмолвился, что его бухгалтерше помощница требуется... А я ведь торговое закончила, ты знаешь, с математикой у меня хорошо было! Что-что, но циферки складывать и денежки считать – это я люблю!

– Так ты для этого и решила сменить имидж, чтобы посолидней выглядеть?

– Ну... А если не получится бухгалтером, попрошусь к Алексею в эти... гувернантки для Лизы. Инга все равно скоро в свою Москву срулит, а Лизой ведь заниматься надо.

– А как же твой сын? У тебя даже на него времени не хватает?

– Тайка, ой, не читай мне морали, – Маша с досадой поморщилась. – Лучше совет дай, как с Алексеем поговорить. Я вот к нему сейчас собралась...

– Ты идешь к Чернову? – обрадовалась Тая.

– Сначала забегу к Аньке, скажу ей про ресторан. Пока она будет собираться, сбегаю к Чернову и договорюсь с ним о деловой встрече, – последние слова Маша сказала с трогательной важностью, чем вызвала у Таи улыбку. – Или, если Чернова не будет дома, просто передам ему через охрану записку. А тебе тоже что-то надо?

– Да, пожалуйста, передай этот пакет для Алексея.

– А что там? – простая Маша тут же сунула в пакет свой любопытный

нос.

– Крысиный яд! Если вздумаешь попробовать, отравишься, – съехидничала Таисия и отправилась открывать дверь, в которую позвонили.

– Ничего я не собираюсь пробовать, – обиженно пробормотала подруга и поздоровалась с вошедшим мужем Таи – Сергеем.

Алексей в этот вечер вернулся домой раньше. Конечно, не так рано, как хотелось, но еще до того, как Инга привела Лизу с пляжа. Ему хотелось застать девушку и пригласить ее на прогулку или в ресторан. Он очень жалел, что вчера вернулся с работы слишком поздно и Лиза уже была одна, читала у себя в комнате. Признаться, Алексей лелеял тайную надежду, что Инга... вдруг задержится. Приведет Лизу и задержится – под каким-нибудь невинным предлогом, например затеянной с его дочерью игры или приглашения Нины Павловны поужинать... Ему очень хотелось, чтобы Инга пошла на такую невинную уловку, чтобы встретиться с ним. Но вчера его надежды не оправдались. А сегодня он уже сам постарался закончить свои дела так, чтобы вернуться домой пораньше. И он пригласит ее на свидание и подарит букет роз, уже не тайно.

Улыбаясь своим мыслям, Алексей взбежал по ступеням на крыльцо, но тут его окликнул охранник. Алексей все еще находился во власти своих радужных грез и поэтому, оглянувшись, одарил охранника такой светлой и жизнерадостной, практически голливудской улыбкой, что парень из службы безопасности растерялся.

– Алексей Юрьевич, вам тут передали, – после недолгой заминки бодро отрапортовал охранник и протянул принявшему обычный серьезный вид Чернову пакет и бумажный листок. – Мы тут все проверили, опасности нет.

Алексей мысленно усмехнулся той важности, с какой парень сообщил о безопасности пакета, и поинтересовался, от кого он.

– Да девушка одна приходила. Представилась Марией Пустоваловой. Просила сказать, что вот эта записка, – парень кивнул на сложенный вдвое листок в руках Алексея, – от нее. А пакет – от Таисии.

– Спасибо, – коротко поблагодарил Чернов и вошел в дом.

Лиза еще не вернулась, и это обстоятельство его обрадовало: значит, сегодня он непременно увидит Ингу. На ходу читая записку от Марии, Алексей открыл ключом кабинет и вошел. Маша в записке выразила желание поговорить с ним по «рабочему делу» и внизу листа, возле своей подписи, приписала номер телефона с просьбой позвонить.

– Ладно, Пустовалова... – проговорил Алексей и с любопытством

заглянул в пакет.

Вначале он не сразу понял, для чего там бутылка с водой. Он вытащил ее и повертел в руках – бутылка как бутылка, из-под газированной воды на полтора литра. Отвинтил крышечку и осторожно понюхал. А потом вспомнил свой недавний разговор с Таей и рассмеялся. Ну, Тайка! Не забыла о своем обещании. Только вот что ему с этой водой делать... Нина Павловна, наверное, знает.

Алексей вытащил из пакета еще журнал и конверт. Первым делом распечатал письмо и пробежал глазами строчки, написанные аккуратным разборчивым почерком. Тая напоминала ему о недавнем разговоре и давала указания, что сделать с водой, а также просила Алексея сходить в церковь и поставить свечки за упокой Кристининой души.

– О'кей, Тайка, сделаю, – вслух пообещал он и взялся за журнал, который тут же раскрылся на предусмотрительно загнутых кем-то страницах. Алексей вначале бегло, а потом уже внимательней, сев за стол, прочитал статью. Закончив читать, он вытащил из кармана пачку сигарет и прямо в кабинете закурил, стряхивая пепел на раскрытые глянцевые страницы.

Инга с Лизой вошли во двор и тут же увидели Алексея, расхаживающего взад-вперед возле крыльца.

– О, папочка твой сегодня как рано вернулся, – обращаясь к Лизе, весело воскликнула Инга, стараясь за нарочитой веселостью в голосе скрыть внезапно охватившее ее волнение. Это волнение мгновенно выплеснулось на щеки нежным румянцем и отозвалось учащенной «барабанной дробью» в сердце. Инга нервным движением поправила волосы и с опаской покосилась на Лизу: проникательная девочка могла догадаться, что ее старшая подруга разволновалась не на шутку. Но Лиза, забыв об Инге, уже бросилась к отцу в объятия. Девушка не сдержала улыбки: Лизка в последнее время стала менее замкнутая, похоже, она уже не обижается на своего папочку за то, что тот уделяет ей мало времени, и не стесняется открыто выражать свою радость.

– Добрый вечер, Алексей! – Инга подошла к Чернову, обнявшему дочь, и с застенчивой улыбкой поздоровалась.

– Добрый, – хмуро кивнул он и, отстранившись от обнявшей его за талию Лизы, присел перед дочерью на корточки. Глядя дочке в глаза, он, морща лоб, с просящей интонацией в голосе (слава богу, сменил свой приказной тон в отношении дочери) попросил: – Лиза, иди сейчас в дом, папочка придет позже. Ему очень надо поговорить с Ингой с глазу на глаз.

Лиза оглянулась на старшую подругу, посмотрела снова на отца и, поджав недовольно губы, все же кивнула.

– Вот и хорошо, принцесса... – Алексей выпрямился и легонько подтолкнул дочь ладонью по направлению к двери: – Иди. Я скоро приду.

Как только дочь скрылась в доме, он наклонился и поднял со ступенек какой-то журнал.

– Читайте! – Алексей почти насильно сунул новый, но весьма помятый глянец Инге в руки.

Девушка растерянно подняла глаза на мужчину, удивленная и обеспокоенная его непонятным раздражением и тем, что он обратился к ней на «вы».

– Читайте, читайте! – нетерпеливо поторопил ее Алексей и сунул в рот сигарету.

Инга, еще не понимая причины его злости, но уже почему-то чувствуя себя виноватой перед ним, перевела взгляд на журнал. При первых же прочитанных строчках она заметно переменилась в лице. Алексей, наблюдавший за ней исподлобья, громко хмыкнул и чиркнул зажигалкой.

Инга прочитала статью, почти не улавливая смысла. Кажется, что-то пишут про Лёку и ее саму... Потом перечитала текст – медленно, внимательно, шевеля губами, проговаривая про себя каждое слово. Алексей все то время, что она читала статью и рассматривала фотографии, нервно ходил взад-вперед, стряхивая пепел с сигареты после каждой затяжки.

Когда Инга, дочитав, подняла глаза, Алексей стоял уже прямо перед ней.

– Ну? Как тебе нравится?

Она не нашла, что ответить, и положила журнал на ступеньку крыльца.

– Это правда? Правда – что там написано? – тихо, но слишком внятно спросил мужчина и сунул в рот новую сигарету.

Девушка снова не ответила, неопределенно пожала плечами и отвела взгляд.

– Значит, правда! – Алексей неожиданно схватил Ингу за подбородок и приподнял ее лицо так, что теперь Инга смотрела ему в глаза – потемневшие от гнева, ставшие зелеными, как неспелый крыжовник. Но как ни велико было ее желание спрятаться или хотя бы закрыть глаза, она выдержала его тяжелый взгляд.

– Ты меня обманула... – так же тихо, страшно тихо и спокойно, проговорил он и сильнее сжал ее подбородок. Но, опомнившись, разжал пальцы и опустил руку. Его надежда, нелепая надежда на то, что статья окажется «уткой», а фотографии – коллажем, не оправдалась. Эта девица

хоть бы что-то попыталась сказать в свое оправдание, сделала бы недоуменное лицо, попробовала отрицать. Он, конечно, ей не поверил бы, но все равно это было бы лучше, чем холодное молчание, с которым она смотрела на него.

Инга потеряла ноющий подбородок и так же тихо и внятно, как Алексей, сказала:

– В этой статье перетряхнули то, что сейчас уже неактуально...

– Черт возьми! Какая разница – актуально или неактуально! Актуально, раз это напечатали! – Его тщательно сдерживаемое раздражение, накопившись, снесло плотину, хлынув неуправляемым потоком. Алексей выплюнул так и не зажженную сигарету и в сердцах затоптал ее. – Ты! Меня! Обманула! Об-ма-ну-ла.

Внятно, по слогам, он попытался донести до Инги смысл своего негодования. Никто не смеет обманывать Чернова! Никто! Тем более эта девица, которая в очередной раз выставила его дураком перед самим собой. Он отдал ей свои чувства, он влил их в нее по каплям, как спасительную влагу. Он доверчиво поделился с нею своими эмоциями. А теперь выяснилось, что упали зерна не на плодородную почву, а на бесплодный песок пустыни.

– Я! Тебя! Не об-ма-ну-ла! – так же четко, по слогам, возразила она ему. Ее чувства к нему – не обман. Это – настоящее. Это – ростки, которые неожиданно проросли на мертвой, как она думала раньше, почве.

– А это что?! – он указал пальцем на валяющийся на ступеньках журнал. – Ты... имела связь с этой девушкой? Зачем я тебе, скажи? Ты ведь...

Он не произнес вслух слово «лесбиянка», хотя оно уже готово было сорваться с его губ.

– Ты – спишь с бабами! Тебе интересны подобные проститутки! Шлюхи, которые спят с тобой ради твоих денег.

– Не смей ее называть так! – взорвалась Инга.

Приблизившись к Алексею, она, шипя, как кошка, и тыча пальцем ему в грудь, повторила:

– Не смей ее *так* называть. Ты ничего не знаешь об этой девушке, и у тебя нет никаких прав называть такими словами ее или меня. Ты вообще мало что обо мне знаешь, поэтому...

– Вот именно! Ты верно сказала: я мало о тебе знаю!

– А как же твоя служба безопасности? – скептически скривила рот Инга. – Неужели ты, прежде чем допустить меня к своей дочери, не навел обо мне справок? Как это Чернов поступил так опрометчиво? А вдруг я –

террористка, наемная убийца или шпионка?

– Ты – богатенькая дамочка, тусовщица, пресытившаяся столичными развлечениями и приехавшая сюда в поиске новых приключений, вот кто ты! – Алексей забыл о своем основном правиле – в спорах не переходить на личности, но сейчас обида заслоняла ему глаза, он не хотел и не мог видеть ничего другого. Ему хотелось сказать Инге что-нибудь обидное, чтобы увидеть в ее серых глазах не холодный вызов, а слабость, страх... Слезы, черт возьми, обычные женские слезы. Ему хотелось причинить ей такую же боль, какая сейчас терзала его.

– Интересная характеристика, возьму ее себе на заметку, когда в следующий раз буду кому-либо представляться! Служба безопасности составила или ты сам проявил чудеса психологии? – ядовито выплюнула Инга и высокомерно вздернула подбородок. – Странно только, что с такой характеристикой ты допустил меня к Лизе!

– Вот именно! Допустил тебя к Лизе! Слишком опрометчиво я поступил, ты верно сказала. Ну что ж, я исправляю свою... оплошность, – проговорил Алексей вкрадчивым тоном, старательно сдерживая эмоции. И, вздернув, как и она, подбородок, отчеканил: – Чтобы я больше не видел тебя рядом с моей дочерью!

– Чернов, ты серьезно?.. – Инга не была готова к такому решению и в первое мгновение опешила.

Алексей с удовлетворением отметил в ее глазах растерянность, сменившую вызов, и еле сдержал торжествующую улыбку.

– Да, я серьезно. Чтобы ты больше не смела подходить к моей дочери!

– Чернов, ты поступаешь глупо...

Вот этого он уже не мог снести и перешел с шепота на крик:

– Никто не смеет говорить Чернову, что он поступает глупо! Тем более ты! Я тебе ясно сказал?!

– Яснее и быть не может! Разбирайся сам со своими проблемами! – не сдержавшись, в запальчивости выкрикнула Инга. – А я больше ни к тебе, ни к дочери твоей не подойду ни на шаг, раз ты чураешься меня как прокаженной! Всего доброго, Чернов! Желаю счастья в работе и личной жизни!

И в этот момент Инга заметила Лизу, которая высунула любопытную и одновременно растерянную мордочку в проем приоткрытой двери. На секунду взгляды Инги и Лизы встретились. Инга первая опустила глаза.

– Своей дочери сам все объяснишь, – сказала она, указав Алексею на дверь, за которой тут же спряталась Лиза. И ушла.

Инга бродила вдоль линии прибоя до тех пор, пока чернильная темнота полностью не поглотила очертания предметов. На юге темнеет рано и стремительно, будто ночь одним движением набрасывает черное покрывало на город.

Разувшись и закатав штанины летних брючек, девушка осторожно ступала по мокрой гальке, и набегающие на берег ленивые волны утихомиреного, почти уснувшего моря, ласково трогали ее оголенные ноги. «Не переживай... Не переживай...» – слышалось ей в сочувственном и успокаивающем шепоте ночного прибоя.

Инга немного поднялась вверх по берегу – туда, где уже не доставали волны, – и села на еще не остывшую от дневного солнца гальку. Обхватив руками колени, она обреченно уткнулась в них подбородком. Думать ни о чем не хотелось. Если думать – возникнет слишком много мыслей, которые разбередят душу до ненужных слез, раздуют обиду до невероятных размеров. И хуже всего будет, если она начнет жалеть себя. Она не любила, когда ее жалели другие, и уж совсем скверно становилось, если начинала жалеть себя сама.

Слишком, слишком сильно она привязалась и к Лизавете, и к Алексею. И совсем забыла о том, что ее отпуск рано или поздно закончится и ей надо будет возвращаться в Москву, оставляя здесь свои привязанности. Не от этого ли хотела уберечь ее бабушка в символических снах, когда просила «не лезть в чужой сад»? Чего уж теперь гадать... Да и Маша была в чем-то права, когда заявила, что она – «московская» – вскоре уедет, а прикипевшие к ней люди останутся здесь, в своей обычной провинциальной жизни.

Инга выбрала камешек и с силой метнула его в море, вложив в этот бросок все свои эмоции. Лизка тоже так метала камешки, когда обижалась на папочку. Эх, Чернов, если ты так и дальше будешь обижать барышень, на этом пляже не останется гальки, она вся окажется в море... Эта мысль вызвала легкую улыбку. Инга взяла еще один камешек, но в этот момент в ее сумочке затренькал мобильный.

– Алло? – сказала она, не глянув на экранчик, но, услышав голос брата, радостно улыбнулась: – Привет, Вадим! Как дела?

– Да нормально, – отделался брат расплывчатым ответом, но в его голосе проскользнула взволнованная интонация, выдавшая, что он чем-то встревожен.

– Вадим, что случилось? – спросила Инга в лоб. Лучше уж прямые ответы, пусть и неприятные, чем долгое хождение вокруг да около.

– Да ничего особого... Ты как? Как тебе отдыхается? – Брат, видимо, придерживался иного мнения: лучше начинать издалека, чем сразу же

огорошивать неприятными новостями.

– Вадим, отдышается мне... неплохо. Говори сразу, что случилось!

– Понимаешь, тут один журнал вышел...

– Видела я его уже, – вздохнула Инга, с облегчением переводя дыхание. Если все неприятности, о которых ей хотел сообщить брат, ограничиваются этой публикацией, то это хорошо. Лишь бы с ним, Лариской и ребенком все было в порядке.

– Видела? – Вадим тоже облегченно вздохнул: отпала необходимость долго, смущаясь и запинаясь, объяснять сестре суть своего беспокойства. – Там о тебе и Лёке написано. Я сегодня купил этот журнал, увидев Лёкин портрет на обложке, думал, будет тебе сюрприз. Но когда прочитал... В общем, первым делом я журнал выбросил. И решил тебе ничего не говорить. Но потом подумал, что вдруг кто-то чужой тебе это покажет... Я хотел, чтобы ты была подготовленная.

– Спасибо, родной. Этот журнал мне уже показали... другие люди.

– Что случилось? – забеспокоился он, уловив в ее тоне грусть.

– Ничего! Ничего! – бодро ответила Инга и неожиданно разревелась. Она долго сдерживала готовые прорваться слезы, бродила по берегу, швыряла в море гальку и чувствовала себя такой «железной кнопкой», которая не станет плакать из-за каких-то дурацких обид. Но вот сейчас сломалась, услышав родной и заботливый голос брата. Звонок от Вадима одним махом разрушил клетку, в которую она так старательно упрятала свои чувства, и вот сейчас она, сжимая в руке телефон, плакала, как маленькая девочка, и мечтала только об одном: сию же минуту оказаться дома. Она бы уткнулась Вадьке в плечо и от души бы, всласть поревела.

– Инга, тебя так сильно расстроила эта статья?

– Нет. – Она вытерла кулаком слезы и улыбнулась. – Неважно, Вадька. Не бери в голову. Наверное, небольшая ностальгия... Вспомнила, как мы в тот день ходили на концерт Лёки все вместе. Помнишь? Эти фотографии уже потом кто-то сделал... После концерта, тайно. Ладно, не хочу больше об этом. Все в прошлом. Как Лариса?

– Да ничего, – Вадим тоже был рад сменить тему. – Еще пока не выписали, но на днях, возможно... А малыша еще какое-то время подержат в больнице, сама понимаешь... Ты когда приедешь?

– Скоро, Вадька, скоро.

Она и в самом деле решила, что задерживаться в этом городе больше не станет.

В самый разгар романтического ужина раздался звонок мобильного.

Тая решила проигнорировать его, но, бросив взгляд на экранчик и увидев высветившуюся фамилию «Чернов», ответила.

– Тайка, какого хрена, какого хрена, спрашивается, ты мне это приволокла?!

Тая, не ожидавшая нападения, побледнела и не сразу нашлась, что ответить. Муж бросил на нее обеспокоенный взгляд и нахмурился. Ему был слышен доносившийся из трубки голос Чернова, и тон, каким тот сейчас разговаривал с его женой, ему не понравился.

– Ну... Мы с тобой об этом разговаривали... Помнишь? – растерянно пробормотала Таисия.

– С водой все понятно. Ну а журнал какого лешего ты мне сунула? Что ты этим хотела сказать?! Мол, Чернов, ты – дурак, смотри, с кем связался? Я не ожидал от тебя подобных сюрпризов! Не понимаю тебя.

– Я тебя тоже, – бледное лицо Таи теперь уже заливала краска.

Сергей, не сводивший с нее обеспокоенного взгляда, сделал предупреждающий жест, желая взять трубку и самому поговорить с Черновым. Но Тая покачала головой.

– О каком журнале, Алексей, ты спрашиваешь? Вместо того чтобы с ходу-разбегу звонить и орать, портя людям настроение, лучше объясни.

– Я говорю о том журнале, который ты подложила мне в пакет вместе с бутылкой и конвертом.

– Я никакого журнала тебе не подкладывала! Я передавала тебе только воду и письмо. Спроси у Пустоваловой, что там за журнал оказался. Она тебе этот пакет относил, – твердо отчеканила Тая, понемногу приходя в себя.

Алексей, стусевавшись, недоверчиво переспросил:

– Так это не ты?

– Не я уж точно. А что тебя в нем так обеспокоило?

– Неважно. Ерунда всякая. Извини. Правда, извини.

– Извиняю, Чернов, – вздохнула Тая и хотела поинтересоваться, все ли Алексей понял в ее письме, но ее опередил муж, выхвативший-таки у нее трубку:

– Здорово, Чернов! У нас с супругой тут ужин романтический, а ты своим неромантическим звонком все портишь! – Сергей засмеялся, смехом сглаживая некоторую грубость своей реплики.

– Здорово. Извини, я не прав. День, понимаешь, не сложился. Правда, извини, – рассыпался в извинениях не на шутку сконфуженный Алексей. – Прошу прощения и у тебя, и у Таисии, я, не разобравшись, наорал на нее.

– Этике телефонных разговоров тебе надо учиться, Чернов! – Сергей

мог позволить себе подобную вольность. С Алексеем у него были хорошие отношения, тем более что тот иногда обращался к нему как к «своему» стоматологу и водил к нему и Лизу.

– Ладно, поищу курсы, – отшутился Алексей и попросил передать Тае благодарность за воду.

Билетов не оказалось. Инга, расстроившись, отошла от кассы, сжимая в руке непригодившийся паспорт. Вот уже второй день подряд она пытается купить билет до Москвы, и безуспешно. «На завтра или послезавтра – нет», – сказала девушка-кассирша с хмурым недовольным лицом – сказала как отрезала и потеряла к курортнице интерес.

Растерявшись, не зная, как поступить, Инга еще покрутилась в душном зале билетных касс, а затем снова метнулась к окошку:

– Девушка, а на какой ближайший день есть? Мне все равно – плацкарт, купе, верхняя, нижняя полка... Только бы как можно раньше.

Кассирша, поджав полные губы, бросила на Ингу как на нарушительницу спокойствия еще один недовольный взгляд и нехотя, словно делая великое одолжение, уткнулась в выдавший виды компьютер. Она мучительно долго искала информацию, неторопливо щелкая по клавиатуре пальцами с облупившимся на коротких ногтях лаком, и Инга, вскипая от раздражения, еле сдерживалась, чтобы не поторопить эту ленивую, как утомленная солнцем Буренка, девицу. Наконец кассирша подняла тяжелые веки, покрытые густым слоем синих теней, и с еще большим недовольством нехотя провозгласила:

– На семнадцатое число.

И выжидаяще уставилась на покупательницу.

– Давайте, – Инга протянула паспорт в окошко. Семнадцатое – это еще целых четыре дня. Уехать хотелось прямо сейчас, но что поделать.

Пока кассирша оформляла билет, Инга успела не спеша составить мысленный план развлечений на сегодняшний день. Впрочем, этот план не отличался оригинальностью и полностью копировал план вчерашнего дня: кафе-мороженое, где она без особого аппетита в полном одиночестве поковыряет ложкой ставшим безвкусным без Лизиного общества крем-брюле; потом – пара часов на надоевшем пляже, а перед сном – долгое чтение специально купленных вчера детективов. Город повернулся к ней спиной, отказался от нее, как от чужой. Он тоже, наверное, осудил ее за нелепую статью в журнале и наказал одиночеством, заточив в своем плену еще на четыре дня. Видимо, этот провинциальный город, в котором она родилась, все-таки не простил ей измены с блестящей высокомерной столицей и изощренно отомстил, подарив чувства, а затем с веселой удалью их растоптав.

Лизку только жалко... Она-то ни в чем не виновата. Увидеться бы с ней перед отъездом. Втайне от Чернова.

Если бы Инга на отдыхе вела плановик, то сейчас с чувством выполненного долга поставила бы галочку в графе «исполнено» напротив записи «съесть крем-брюле»; она даже перевыполнила задание, умяв две порции мороженого (вторую – за Лизу). А еще – «галочку» напротив записи «повалиться на пляже». Кто бы мог подумать, что она станет заставлять себя отдыхать так, словно выполняет рутинную работу... Инга сняла солнцезащитные очки и, перевернувшись на живот, уткнулась лицом в сложенные перед собой руки. И, разморенная солнцем, не заметила, как уснула.

Ей снился странный сон. Она вновь видела себя десятилетней, только на этот раз «встретилась» не с бабушкой, а с мамой. Они втроем – она, мама и Вадим, тоже в десятилетнем возрасте, – прогуливались по парку с аттракционами. И в тот момент, когда брат, заметив павильон с детским авторалли, помчался занимать очередь, Инга увидела шатер наподобие циркового. Как завороченная, остановилась она напротив мигавшей разноцветными огнями вывески, сулившей незабываемое путешествие в Королевство Кривых Зеркал.

– Мама, пойдем? – оглянулась она на чуть приотставшую мать.

– Но вы же с Вадимом собирались покататься на машинках, – удивилась мама и вытянула шею, выглядывая в толпе возле павильона с авторалли сына. Вадим уже махал им рукой из очереди, нетерпеливо подзывая.

– Я не хочу на машинках, я хочу в Королевство Кривых Зеркал, – упрямо повторила Инга. И умоляюще добавила: – Пожалуйста.

И мама, сдавшись, наказала Инге после посещения Королевства никуда не отходить от шатра, и поспешила к Вадиму в очередь.

Инга, сгорая от нетерпения и неожиданного волнения, так как если бы она разворачивала новогодний подарок, направилась к шатру. И с удивлением обнаружила на месте билетерши свою бабушку.

– Здравствуй, Инночка, – ласково улыбнулась пожилая женщина внучке и произнесла загадочную фразу: – Тебя там уже ждут.

– У меня нет билета, – спохватилась Инга, но бабушка все с той же ласковой улыбкой покачала головой:

– А и не нужно билета! Здесь другое требуется. Повторяй за мной и запоминай.

И бабушка стала медленно произносить какой-то непонятный стишок,

наподобие детской считалочки, с бессмысленными словами, состоявшими в основном из шипящих букв. Вначале Инга недоуменно слушала эту околесицу, а затем осторожно, словно пробуя на вкус слова, звучание которых напоминало сухой шепот листьев или шум разбивающихся о берег волн, стала повторять «считалочку» за бабушкой.

– Запомнила? – спросила ее бабуля, и когда Инга уверенно кивнула, с улыбкой сказала: – Ну, теперь можешь идти! И не забудь каждому зеркалу повторять то, что ты сейчас выучила. Это и есть твой проходной билет в Королевство.

Инга долго бродила между овальных, квадратных, прямоугольных и бесформенных зеркал и, как наказывала бабушка, каждому зеркалу в качестве приветствия декламировала шипящий стишок. Зеркала в ответ приветствовали ее улыбающимися отражениями – не ее собственными, а чужими, но это не казалось ей странным...

Ее разбудило легкое похлопывание по плечу.

– Не спи! Сгоришь! – раздался над ухом знакомый голос.

Инга открыла глаза и, подняв голову, увидела присевшего на корточки рядом с ней Макса.

– Привет, – вежливо поздоровалась она и села, обхватив колени руками.

Макс, улыбаясь не менее яркой, чем солнце, улыбкой, сощурившись, рассматривал ее. И Инга почувствовала себя довольно неловко, когда он скользнул взглядом по ее голым ногам. На самом Максе были только пляжные шорты, и девушка не могла не признать, что торс парня был достоин глянцевых обложек журналов. Не одна скучающая курортница облизнулась бы, как голодная кошка, при виде соленых бусинок морской влаги, переливающихся на бронзовой коже, покрывающей упругие мышцы, и с легкостью отдалась бы греховным фантазиям, если и не наяву, то в мечтах. Макс об этом хорошо знал.

– Я мешаю? – поинтересовался он невинным шепотом, который мог вызвать волну мурашек по выгнутому в томительном ожидании спином кошек-курортниц.

– Нет, – вполне дружелюбно ответила Инга, неожиданно обрадовавшись Максиму как спасителю от одиночества.

– Еще не уехала?

– Через четыре дня, сегодня билет купила.

Лучше болтать с Максом – о чем угодно, хоть о птичках, хоть о погоде, – лишь бы не думать о Чернове.

– Ясно... – Макс задумчиво сощурился на безупречное в своей синеве

небо. – Я извиниться хотел. Кажется, я тебя немного обидел.

– Ну что ты. Я уже забыла.

Он не знает, что его резкая фраза на прощание – совсем ничто по сравнению с «сольным выступлением» Чернова позавчера.

– Но все равно прости. Ты мне и правда очень нравишься. Не хотелось бы, чтобы ты уехала, запомнив меня как неуравновешенного типа. – У Макса даже не вызывал сомнения тот факт, что курортницы, покидая приморский город, будут еще долго хранить в памяти острые, как чилийский перец, воспоминания о нем.

Инга молча улыбнулась, исчерпывая этим свой ответ.

Максим, воодушевившись, предложил:

– Может, сходим сегодня вечером куда-нибудь? Посидим в хорошем ресторанчике. Обещаю, приставать не буду. – Он усмехнулся, сам мало веря собственным обещаниям, и после секундной паузы добавил: – Если у тебя нет других планов на вечер...

План у Инги был только один: читать перед сном дешевые детективы. И она, чуть поколебавшись, приняла приглашение Макса.

Маленький город не изобиловал количеством и разнообразием хороших ресторанов. Если говорить прямо, в городе было их всего-то два: «Морской» (бывший «Советский»), в котором любили собираться Ингины приятельницы на девичьи посиделки, и другой, более солидный и дорогой, «птица высокого полета», облюбованный в основном местными бизнесменами средней руки и столичной публикой, носивший гордое название «Москва». Максим решил не мелочиться и пригласил на сей раз Ингу в это понтовое место с вышколенными официантами в накрахмаленных сорочках и швейцаром при входе (местный колорит, обязанности «швейцара» успешно сочетались с ролью зазывалы).

– Тебе здесь нравится? – с беспокойством спросил Максим, проводивший свою спутницу к самому дальнему столику.

– Нравится, – просто улыбнулась она, присаживаясь.

Официант отрепетированным жестом положил на стол две карты меню.

– Заказывай, не стесняйся.

– Гулять так гулять? – усмехнулась она, и он улыбнулся в ответ:

– Гулять так гулять!

Инга не пожалела, что приняла предложение Макса. Он был мил и обходителен и из шкуры вон лез ради того, чтобы развеселить Ингу. Блюда, которые подавали в этом ресторане, тоже оказались на редкость вкусными

и оправдывали свою довольно высокую, по местным меркам, стоимость. Руководство ресторана, видимо, ревностно блюло честь и престиж заведения.

– ...Я в этом городе поселился недавно, – разоткровенничался Максим, разомлевший от хорошей еды, терпкого вина и внимания, с которым девушка слушала его.

– Даже так? – приподняла брови Инга и вытащила из пачки тонкую дамскую сигарету. Для выхода в ресторан она надела любимое открытое платье, которое до сих пор «не выгуляла», собрала волосы в высокую прическу и сделала макияж. Светлое платье выгодно оттеняло новоприобретенный загар, и настроение Инги, когда она увидела свое отражение в огромном зеркале в ресторанном холле, заметно улучшилось.

– А ты думала, что я – местный? Нет, я приехал сюда недавно. У меня в этом городе живет сестра. У нас довольно теплые отношения, хотя это может показаться странным постороннему человеку. Моя младшая сестренка – плод «командировочной» страсти моего отца и женщины, у которой он снимал комнату. Отец признал свою дочь и помогал ей всячески, но из семьи не ушел, прожил с моей матерью до конца жизни. Это долгая история... Отец не раз ездил «в командировку» в соседнюю область, и только спустя три года моя мать узнала, что у него есть вторая семья и другая женщина родила ему ребенка. Такая банальная история... – Максим сделал паузу и одним махом допил остатки вина из своего бокала. – Отец потом познакомил меня с сестрой, только общаться мы с ней стали гораздо позже, когда повзрослели. Сестра переехала в этот город несколько лет назад. Звала и меня, но я приехал только месяц назад.

– Ты у сестры живешь? – Инга взяла вилку и попробовала принесенный официантом салат. Вкусно!

– Нет, квартиру снял. Должна же у нас с сестрой быть собственная личная жизнь, так чтобы мы не смущали друг друга? – ухмыльнулся он, останавливая взгляд на четко очерченных губах девушки, соблазнительных, как спелая ароматная малина.

– Значит, ты тоже – курортник, – сделала вывод Инга, проигнорировав его взгляд, так явно выдавший его желания.

– Да, в общем... До конца лета точно здесь останусь. Жаль, что ты уже собираешься возвращаться домой.

– Мой отпуск закончился, – лаконично пояснила она. Ее взгляд, до этого адресованный внимательному Максиму, вежливо соскользнул на официанта, подошедшего сменить пепельницу, затем немного скучающе обвел помещение ресторана, вскользь задел столик, за который

усаживалась только что пришедшая пара, по инерции пропутешествовал дальше, но спустя мгновение вернулся назад, растерянно и недоверчиво зацепившись за парочку. Чернов и Мария. Инга мысленно чертыхнулась и поспешно отвернулась, испугавшись, что ее заметят.

– Ты их знаешь? – От наблюдательного и проницательного Макса, оказывается, не скрылся взгляд, который она украдкой вновь бросила на соседний столик.

– Да, – ответила она с деланным безразличием и вяло перемешала вилкой свой салат. – Мужчина – Чернов, известный в этих краях бизнесмен. А его спутница – моя приятельница.

– Так если это твоя приятельница, можешь подойти и поздороваться! – весело улыбнулся Макс, но в его взгляде проскользнула цепкая настороженность.

– Потом. Не хочу отвлекать людей от их... романтического ужина, – натянуто улыбнулась она, сама с трудом веря собственным словам: «романтический ужин»? Ужин Чернова и Марии? Что ж, Маше удалось выиграть хотя бы этот вечер со своей желанной «звездой».

– Макс, давай выпьем, а?

Мужчина наполнил бокалы вином, она взяла свой и, одарив Макса ослепительной улыбкой, немного отпила. Хоть она и постаралась собраться и взять себя в руки, неожиданная «встреча» выбила ее из колеи. Инга скосила глаза в сторону Чернова и Машки. Официант расставлял на их столе тарелки и разливал по бокалам шампанское. Интересно, заметят ли они ее? Наверное, рано или поздно это произойдет, стоит им чуть повернуть голову. Интересно, как отреагирует Алексей? Сделает вид, что не знаком с ней (да, скорее всего, так и будет – наипростейший из вариантов), или отчужденно поздоровается? А что, если, следуя совету Макса, самой подойти к ним и поздороваться? Шальная мысль, навеянная вином и непонятным веселым отчаянием.

– Инга?

Макс, оказывается, отставив свой бокал, уже долгое время с беспокойством всматривался в ее побледневшее (или покрасневшее? Наверное, все же покрасневшее, судя по жгучему ощущению) лицо.

– Да?

– Ты меня не слушаешь, – мягко упрекнул он ее.

– Нет, слушаю, – возразила она (надо же, не смутилась, не стусевалась, а именно возразила – с претензией, вызовом, скрывающим фальшь).

Макс не стал уличать ее в этой невинной лжи и сделал вид, что

поверил, тем более что Инга, собравшись, изобразила на лице предельное внимание.

И все же она нервничает... Незаметно, неявно, но нервничает. Просто от ее неестественно выпрямленной спины, от тонких пальцев, цепко ухвативших вилку, от старательно опущенного в тарелку взгляда, от предельно-внимательного выражения лица, с которым она, явно вполуха, слушала Макса, веяло напряжением.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Ты почему-то нервничаешь. Я прав?

– Нет, – вновь отказалась она с натянутой улыбкой и бросила короткий взгляд на соседний столик.

Алексей, как Инга и предполагала, заметил ее. Он не стал делать вид, что они не знакомы, коротко и растерянно кивнул в знак приветствия, но тут же отвернулся – слишком поспешно. Секундный перехлест взглядов, моментальное узнавание, короткая вспышка сходных воспоминаний. Вот так встреча... Она – с другим кавалером, он – с другой дамой. Сюжетец, всю используемый режиссерами в дешевых мелодрамах и таких же дешевых музыкальных клипах с претензией на шедевр и хит. Затасканный, замусоленный, затертый до дыр сюжетец, настолько «кинематографический», что кажется уже неуместным в обыденной жизни... но все же взятый из жизни...

– И все-таки ты нервничаешь. Из-за них? – Макс, кивнув в сторону соседнего столика. Не спросил, а уверенно припечатал.

Инга вздрогнула и выронила вилку. Вилка упала ей на колени, испачкав платье салатной заправкой.

– Гадство, – тихо выругалась она и потянулась за салфеткой, чтобы промокнуть подол. – Макс, я отойду в уборную, замою пятно.

Алексей, не обращая внимания на Машу, недовольно поджавшую губы при виде приятельницы, смотрел на Ингу во все глаза. Она прошла по проходу между столиками, старательно не глядя в его сторону. Он проводил взглядом ее прямую, звенящую от напряжения, как натянутая струна, спину и, немного поколебавшись, извинился перед Марией и тоже направился в сторону уборной.

Когда Инга вышла из дамской комнаты, то нос к носу столкнулась с Черновым. От неожиданности девушка ойкнула и выронила платок, которым только что оттирала испачканный подол платья.

– Держи, – Алексей опередил ее и сам поднял платочек.

– Спасибо.

В тесном предбаннике разойтись, не задев друг друга, было сложно. Высокий и крупный Алексей загоразивал Инге проход, мешая ей пройти в зал ресторана.

– Ты меня что, специально караулил?

– И не надейся, – усмехнулся он и по-свойски приподнял пальцами ее подбородок. – Пописать, как и ты, вышел.

– Не трогай! – Она раздраженно дернула головой, скидывая его пальцы.

Алексей опустил руку.

– Ну да, конечно, ты же ведь такая нежная мимоза. Не нравятся прикосновения мужчин. Интересно, а ему ты сказала? – Он кивнул в сторону зала, в котором Инга оставила своего кавалера.

– Не твое дело. Маша уже наверняка волнуется, почему ты так долго ходишь... писать.

– А это тоже не твое дело.

– Алексей, скажи, ты специально караулил меня, чтобы еще раз обидеть, оскорбить? – она сменила взвинченный тон на более спокойный, что далось ей нелегко. – Тебе хочется испортить вечер и себе, и другим людям? Мало того, что ты себя заводишь, споря со мной и стараясь вновь оскорбить, ты обидишь и Машу, которая наверняка ждет от этого вечера романтики. Цель-то ведь такая ничтожная – испортить настроение одной скучающей столичной дамочке, а затрачена на нее вся тяжелая артиллерия.

– Умная, ничего не скажешь, – буркнул Алексей и снова кивнул в сторону зала: – У тебя с этим... свидание?

– Если ты внимательно читал статью в журнале, должен понимать, что у меня не может быть с ним свидания, – невинно проговорила Инга и попробовала протиснуться между стеной и Алексеем.

Тот мгновенно загородил ей проход рукой.

– Алексей,пусти! Как дети, ей-богу... Машка тебя заждалась, не хватало, чтобы она сюда пришла и...

– С Машей у нас деловое свидание. Если она хочет получить у меня работу, должна быть терпеливой. Или ты беспокоишься, что заждались тебя? Так у тебя тоже не свидание... – злорадно улыбнулся Алексей, но руку все же опустил, давая Инге возможность пройти.

– Знаешь, по крайней мере, он, в отличие от некоторых, не упал бы в обморок и не закатил скандал, увидев грязную статейку в желтой прессе. Материал в журнальчике мог бы оказаться и старым, и сфальсифицированным. Видно сразу, Чернов, что ты не читаешь газет и журналов, а только просматриваешь свои рыбные хроники. Если бы ты

иногда пролистывал прессу, то не стал бы принимать все там написанное за чистую монету! Там вполне могли бы написать, что я и террористка, и инопланетянка и что у меня три ноги, и ты бы все это безоговорочно проглотил? И я не верю, Чернов, что ты не «пробил» меня через свою службу безопасности, прежде чем отпустить со мной свою дочь! И то, что ты запретил мне видеться с Лизой – это проявление задетого мужского самолюбия! Ну как же, про девушку, к которой у тебя возник сексуальный интерес, написали, что она – лесбиянка! Ты, Чернов, поступил, как глупый мужик с комплексами, а не как хороший и рассудительный отец. И странно то, что ты поверил больше статье, а не... мне. И не своим собственным ощущениям.

Не дожидаясь ответа Чернова и воспользовалась его замешательством, Инга поспешно протиснулась между ним и стеной и быстрым шагом направилась в зал.

– Инга, подожди! – спохватился Алексей.

Девушка не оглянулась – не услышала или просто сделала вид. Быстро подошла к своему столику, что-то сказала своему спутнику и, не дожидаясь его, направилась к выходу. Парень засуетился, махнул рукой официанту, торопливо расплатился за заказ и выбежал следом за Ингой.

– Чернов, ты что, влюбился? – Мария недоверчиво хмыкнула, когда он вернулся к ней за столик. Алексей, особо и не вслушиваясь в ее вопрос, рассеянно кивнул.

XVII

При первом взгляде на мужчину, неподвижно замершего на ковре в позе «лотоса», можно было подумать, что он неживой. Он уже долгое время сидел без малейшего движения, устремив остекленевший взгляд на зажженные на импровизированном алтаре свечи. Казалось, он даже не дышал. Его дух витал за пределами сознания, а здесь, в этой комнате-храме, находилась лишь физическая оболочка.

Прошло достаточно времени до того момента, когда веки мужчины с редкими ресницами дрогнули – это было его первое движение. И следом послышался тихий вдох: мужчина словно осторожно пробовал дышать. Приходя в себя, он еще какое-то время оставался в прежней позе, медленно вдыхая и выдыхая воздух, и затем наконец поднялся и накинул на обнаженное тело халат. Бесшумно ступая босыми ступнями по ковру с густым ворсом, он, шатаясь, сделал круг по этой странной комнате без окон и снова сел. Поджав под себя ноги и обхватив ладонями голову, мужчина закрыл глаза и тихо застонал. Ему было плохо. Ритуал почти полностью обессилил его. И теперь тело, эта разрушаемая со временем оболочка, в которую заключен дух, отказывалось повиноваться.

Ему очень хотелось выпить крепкого кофе, но он еще несколько лет назад отказался от него в пользу травяного чая. Но полюбить полезный заменитель ему так и не удалось, и сейчас одна только мысль о травяном чае вызывала тошноту.

...Нет, силы у него уже не те, совершенно не те... Для любого, даже самого простого ритуала ему придется долго копить энергию, а потом долго ее восстанавливать. И он не мог не заметить, что с каждым разом собирать силы становится все сложнее, а промежутки между ритуалами, необходимые для восстановления, становятся все длиннее и длиннее. Если так пойдет дальше, однажды он не сможет собрать даже по крупицам Силу для простейшего ритуала. Или, что еще хуже, во время одного из них его душа откажется возвращаться в обессиленное тело. И тогда наступит неминуемое, то, чего он страшится, и то, с чем пытается бороться – вечность, зеркально противоположная вечности жизни, которой он поклоняется и на алтарь которой приносит последние силы. Вечность смерти.

Подобно алхимикам Средневековья, он добрую часть жизни отдал на поиски формулы бессмертия. По молодости, подхлестываемый амбициями

и непоколебимой уверенностью в собственной уникальности, он не допускал и тени сомнения, что рано или поздно ему удастся найти эту священную формулу. Ведь в его руках были куда более выигрышные козыри, чем у древних ученых: накопленные веками знания мудрецов, собираемые по зернышку по всему миру, и Сила. Ради знаний он исколесил полмира, собрав опыт мудрецов, как нужные ингредиенты, на смешении которых намеревался вывести формулу. Он копил и возвращал данную ему Силу – без нее знания не ожили бы. Он много экспериментировал, и иногда эти эксперименты, как и эксперименты древних ученых мужей, чуть не заканчивались трагедией. Но методом проб и ошибок ему почти удалось найти те аргументы, с помощью которых он сумел бы договориться со Смертью. Его открытие, стань оно известно массам, взбудоражило бы мир, взорвав прежние устои, перечеркнуло бы Библию, превратило многовековые Храмы в песок. Даже лишь за намеки о подобном открытии его прокляли бы консервативные предки, а любознательные потомки растерзали бы его Знания на составляющие. Его пытались бы соблазнить, как продажной девкой, Нобелевской премией и тому подобной чепухой. Но ему не нужны были премии: выведенная им формула предназначалась лишь для него одного. Возможность договариваться со Смертью, иметь над ней власть – это гораздо выше материальных благ. Ему бы пообещали вписать его имя в историю, но и этот соблазн показался бы ему детской забавой: зачем ему памятники, когда он собирался увековечить себя. Человек, сумевший приручить смерть, как ласкового котенка, – это бог. Властелин.

Ему не хватало лишь капли знаний, еще немного Силы – как щепотки соли для того, чтобы «блюдо» было доведено до готовности. Он объездил полмира, собирая базовые «ингредиенты» для выведения своей формулы, а за заключительной «щепоткой» приехал в этот город – семнадцать лет назад. Он нашел ту женщину, о которой ходила людская молва. Ему нужно было совсем немного – часть ее Силы, часть ее знаний, и дело его жизни было бы завершено. И вот уже на финишной прямой, почти возле самой ленточки, его поджидала крупная неудача. «Ты – не Бог. Ты – простой смертный, хоть и не причисляешь себя к таковым. Твоя Формула не будет работать, как не будет работать вечно перпетум мобиле. Это противоестественно, противно природе и всем ее законам». Ему не нужны были ее отповеди, ему нужна была ее Сила и знания. Но ведьма отказалась делиться с ним, несмотря ни на его уговоры, ни на мольбы. Такое было сложно вынести: возле финишной ленточки потерпеть поражение. Великие мудрецы делились с ним своими знаниями, а тут какая-то... простушка...

отказала ему в милости с гордостью королевы. Отчаявшись, он пригрозил, поклявшись уничтожить ее. Она усмехнулась и объявила, что потеряла Силу. Вначале он не поверил, но это было действительно так: Силы у нее больше не было. Ложь заключалась в том, что она не могла потерять Силу, она лишь могла ее передать.

Следующий удар подстерегал его в виде неизлечимой болезни. Вернее, эта болезнь была неизлечима лишь врачами – простыми смертными, посредниками между Богом и Смертью. Но он бы сумел справиться с ней. Но то ли он в чем-то все же просчитался, когда выводил свою Формулу, то ли сказались последствия некоторых неудачных экспериментов, то ли ведьма сделала прощальный «привет», наслав на него «фирменное» проклятие, но только из-за болезни вся Сила, скапливаемая годами, стала утекать, как сквозь прореху. Ему удалось приостановить болезнь, уменьшить тот аппетит, с которым она пожирала его: он прожил с болезнью уже пятнадцать лет, тогда как простой смертный сгорел бы за год. Но, однако, ему не удалось избавиться от болезни полностью и, главное, не удалось остановить утечку Силы.

Ученики-желторотики, вьющиеся около него, наивно полагают, что могущество их Мастера почти равняется могуществу самого Господа Бога. Им и не следует знать, что даже при всем своем огромном желании он и воробья уничтожить уже не сможет. За эти пятнадцать лет болезнь практически опустошила его. О том, чтобы привести Формулу в действие, уже не может быть и речи, его Силы хватает лишь на то, чтобы сопротивляться болезни, разъедающей изнутри его тело – эту оболочку, которую он уже ненавидит, – да иногда, как сейчас, провести ритуал общения с Духами. Он мог бы обессилить этих двух «желторотиков», чтобы забрать их Силу себе, но пользы от этого было бы мало. Парень был предан ему почти до слепого поклонения и не отказался бы принести себя в жертву Великому Мастеру, да только слабоват он, его Сила – лишь мелкая рябь на поверхности городского пруда. А девушка-ученица хоть и сильна, да только Сила ее очернена тяжелыми грехами и подобна тухлому яйцу, которое безнадежно испортит все тесто. Мастеру нужна была другая энергия – светлая, чистая, невинная. Нежная, как материнский поцелуй. Непорочная, как святая Дева. Изысканная, как деликатес. Ему нужно было много этой энергии, очень много. Она вся ушла бы на то, чтобы излечить его от болезни, залатать «дыры», проеденные недугом. И только лишь последняя капля Силы – этот сладкий нектар, эта нежная амброзия – послужила бы завершающей составляющей его Формулы. Эта капля была бы точкой в конце долгого предложения, вишенкой на кремовой верхушке

именинного торта, финальной нотой в майской трели соловья. Ему нужно было найти подходящего Донора, и тогда он смог бы привести в действие свое великое открытие. Он стал бы Бессмертным. Сила, взятая у Донора, вдохнула бы в него Вечную Жизнь. Он долго искал такого Донора – на протяжении всех этих пятнадцати лет. И чем дольше он искал, тем выше становились требования: чем меньше оставалось в нем собственной энергии, тем большей Силой должен был обладать Донор.

Он уже почти смирился с крахом своей жизни, когда неожиданно нашел ее. Его надежду, его спасение. Недавно, совершенно случайно, с помощью своей ученицы, и в этом городе. В девочке, которая так случайно и неожиданно открылась ему, оказалось столько нужной ему энергии, что ему даже и не снилось! И именно такой – чистой и непорочной, о какой он мечтал. Обнаружив ее, он испытал чувство, подобное тому, как если бы случайно нашел чистойшей воды алмаз в не одну сотню карат. Ему только нужно забрать эту девочку, чтобы потом, как в резервуаре, вырастить нужную ему Силу. Конечно, девчонкой придется пожертвовать: она, отдав ему свою последнюю каплю Нектара, не сможет больше существовать. Но подобной жертвы требует его Формула.

Он наблюдал за ней, чтобы убедиться, что не ошибся, что это – именно она, его Донор. И теперь, когда все сомнения отпали, провел ритуал общения с Духами, чтобы выбрать правильный момент, когда этот самородок можно забрать.

Сейчас, пообщавшись с Духами, он убедился, что нельзя больше тянуть с тем, чтобы забрать девочку. Пора браться за то, чтобы «очистить» найденный самородок от препятствий, помех, мешающих людей, как от примесей, и завладеть этим сокровищем всецело.

Мужчина отнял ладони от висков и, сделав глубокий вдох, поднялся на ноги. Стоя перед алтарем, он мысленно прочитал благодарение Духам, загасил свечи и покинул тайную комнату, надежно скрытую в его доме.

Ему нужно все хорошо обдумать. У него есть три возможных варианта, как завладеть желанным сокровищем. Можно просто похитить девчонку, но тогда придется действовать быстро, потому что крутолобый папаша камня на камне не оставит от города в поисках своей дочери, и в подобной спешке придется довольствоваться не отшлифованной Силой, не бриллиантом чистой воды, а самородком, не отделенным от примесей. Мастеру хотелось бы использовать для своей Формулы Силу очищенную и прирученную, но, чтобы превратить ее в чистый Нектар, требуется время. Можно пойти по другому пути: избавиться от папаши и похитить девочку в суматохе. Есть и третий вариант – более долгий, с кучей бюрократических

препятствий, но суливший в качестве бонуса еще и солидное приданое в виде богатства девчонкиного папаши. Этот, последний вариант казался более сладким... Он позволял, не торопясь, вырастить в девочке нужную Силу, да еще сулил, в качестве довеска, материальные блага. Избавиться от папаши и оформить опеку над девочкой... Благо, для этого у него есть достаточно связей в администрации города. И в этом деле ему поможет его ученица, имеющая не последнее отношение к девочке. Правда, глупая влюбленная дурочка-ученица в последнее время бунтует, как норовистая лошадка. Ну ничего, он усмирит ее, обласкает обещаниями. Он заключит с ней фиктивный брак, чтобы получить опеку. Он поднимет все свои связи в администрации города. Этот путь хоть и гораздо дольше прочих, но игра стоит свеч.

Мужчина выпил полчашки травяного чая и потянулся к телефону. Набрав номер своей строптивой ученицы, поднес трубку к уху и, услышав голос девушки, с приторной сладостью в голосе произнес:

– Ну, здравствуй, милая! Не ожидала? Как же так... Неужели всерьез решила, что твой Мастер отодвинул тебя в тень? Ты хотела действий, оказать мне помощь, ну что ж, моя девочка, настал твой звездный час. Приходи сейчас ко мне. У меня к тебе есть предложение. Какое? – Услышав ее вопрос, он ласково засмеялся. – Да прямое предложение, моя девочка! Руки и сердца! Я жду тебя.

Не дожидаясь ее ответа, он отключил вызов и снова взялся за чашку. Потихоньку допивая травяной чай, он подумал, что надо быть готовым к скандалу, который девица закатит, когда узнает о его истинных планах. Наивная дуреха до сих пор мечтает стать супругой великого и ужасного Чернова, но ей уготовлена совершенно другая роль. Она – пешка в этой сложной игре, и совершенно необходимая пешка. Без нее не получится оформить опеку над дочкой Чернова. Конечно, нельзя ей раскрывать все карты, иначе она, потеряв голову, наворотит ненужных дел. Возможно, она будет возмущаться и упираться на то, что это с ее помощью Мастер обнаружил свое бесценное сокровище... Ну да пусть вопит, главное, чтобы в результате все вышло так, как надо.

XVIII

На следующий день Инга снова приняла приглашение Максима прогуляться вечером. Парень просто зашел за ней как ни в чем не бывало и предложил недолгую прогулку по набережной.

– А ты – упорный, – то ли похвалила, то ли осудила Инга и, с некоторым сожалением отложив недочитанную книгу, согласилась пройтись.

Гуляли они недолго. Инге, чьи мысли все время были заняты Черновым, общество Максима надоело быстро, и она даже пожалела, что приняла его приглашение. Лучше бы провела вечер дома с книгой или просто лежала бы на кровати, уткнувшись лицом в подушку: зато не пришлось бы изображать заинтересованность, слушая рассказы Максима, улыбаться и придумывать ответы на вопросы, которые Макс ей периодически задавал, надеясь наладить оживленную беседу. Вскоре она сослалась на усталость и попросила Максима проводить ее домой.

Парень проводил ее до калитки и, когда Инга, попрощавшись с ним, собралась войти во двор, схватил ее за локоть и развернул к себе:

– Неужели мы даже не поцелуемся на прощание?

– Макс...

– Да хватит ломаться! Сколько я уже тебя обхаживаю, а ты все недотрогу из себя строишь, – разозлился он и, притянув девушку к себе, насильно ее поцеловал.

– Ты... слишком много себе позволяешь! – Инга отпрянула и демонстративно вытерла губы. – Пусти меня!

Она попыталась вырваться из крепких объятий парня, но тот с такой силой удерживал ее, что она почти не могла пошевелиться.

– Послушай, девочка... – приблизившись к Инге, интимно зашептал ей на ухо Макс. – Ты слишком заигралась в недотрогу. А я привык получать то, что мне нравится. В том числе и красивых женщин.

– Пусти, ты мне неприятен. – Инга предприняла еще одну попытку вырваться, но Максим только крепче сжал ее локти.

– Неприятен? – тихо засмеялся он и, почти касаясь губами ее уха, вкрадчиво проговорил: – Однополая любовь тебя прельщает куда больше, чем любовь мужчин? Знаю, ты намекала на это. Да и журнальчики раструбили на весь свет о любовных предпочтениях богатенькой племянницы известного банкира. Читал, читал, знаю... Только я не

настолько доверяю желтой прессе, как, например, полюбившийся тебе Чернов. Удивлена? Я и об этом знаю. Только, в отличие от него, я не верю тем байкам, что о тебе написали. А верю своим наблюдениям.

– Пусти меня! – Инга снова дернулась и с силой наступила Максиму на ногу. Он поморщился, однако не разжал рук.

– Я вчера достаточно долго за тобой наблюдал и знаю: тебе далеко не безразличен Чернов. И ты была очень расстроена тем, что небольшая статейка разрушила твои намечающиеся амуры...

– Это ты подложил Алексею журнал!

– Да зачем мне этим заниматься? – Макс с безразличием пожал плечами. – Интриги – это женский удел. Я и другими способами могу добиться своего. А вот сестренке моей ты очень здорово перешла дорогу. Говорю же, этот Чернов – феномен какой-то. И почему он так нравится женщинам? Наверное, состоянием своим привлекает, да только вот тебе-то, далеко не бедной девочке, зачем он нужен? В общем, милая, надо было тебе сразу открытым текстом сказать, что ты здесь лишняя, да мы всё надеялись, что ты поймешь тонкие намеки и сама уберешься из города. Не лезь, куда тебя не просят! Поняла? Сколько тебе еще тут осталось? Три дня? Два? Так вот, советую быть тише воды ниже травы, если не хочешь заработать крупных неприятностей на свою голову. Сестренка моя гадость тебе сделает, как пить дать, это не журналом перед носом Чернова помахать. Она на тебя очень сердится! Очень. Не нарывайся, мой тебе совет.

– Она и Кристину убила, да? Потому что хотела к Алексею подобраться! Машка?

Спохватившись, Инга прикусила язык, да было уже поздно. Максим так сжал ее локти, что она охнула от боли, и с силой встряхнул ее, как тряпичную куклу.

– А вот это тебя совершенно не касается. Один неверный шаг и... пойдешь вслед за супругой Чернова. Моя сестра тебе это обеспечит и сделает все так, что не подкопаешься! Не уголовное дело, не убийство. Просто был человек – здоровый, бодрый, да вот незадача – заболел и умер. Очень, очень быстро. Пожалей себя, мой тебе совет. И чтобы духу твоего рядом с Черновым не было!

– Это чтобы твоего духу рядом с ней не было!

Неожиданно вынырнувший из темноты Чернов схватил Максима, как нагадившего котенка, за шкирку, и с легкостью оторвал его от Инги.

– Увижу тебя рядом с ней – убью.

Алексей, как всегда, был прост и лаконичен в выражении своих мыслей. Он пару раз хорошенько встряхнул невысокого Максима и

отшвырнул его в сторону, затем брезгливо вытер руки о штаны и, не дав Инге опомниться, взял ее за локоть и без объяснений куда-то поволок.

– Чернов, ты куда меня?..

– Вопросы – потом.

– Да черт возьми, Чернов! – Инга попыталась вырвать руку из цепких пальцев Алексея, однако тот, дабы пресечь ее упирательства, с легкостью перекинул девушку через плечо. Инга, протестуя против такого обращения, замолотила кулаками по его спине, но он, не обращая на нее внимания, спокойно направился к своей машине.

Когда он бесцеремонно, словно куль с мукой, сгрузил ее на переднее сиденье машины и для надежности заботливо пристегнул ремнем безопасности, Инга обрушила на него поток своего негодования. Потирая локоть, который с силой сдавливал сначала Макс, потом – Чернов, она сердито зыркнула на Алексея, усевшегося за руль, и, не дождавшись от него объяснений, рассердилась по-настоящему:

– Чернов, да что за дела такие?! Ну?! Отвечать собираешься?

Алексей завел двигатель и рванул с места с такой скоростью, словно участвовал в «Формуле-1».

– Опять этот жиголо около тебя вьется? Свиданничаешь с кем попало, разборчивостью, видимо, не отличаешься.

– «С кем попало...» – это ведь и с тобой тоже, да? – Она насмешливо покосилась на Чернова, тот лишь крикнул от неудовольствия и после недолгой паузы спросил:

– Что это за странные обвинения в убийстве Кристины?..

– А подслушивать нехорошо, Чернов.

– Пришлось поневоле, ты ведь вопила на всю улицу. Ну? Я тебя слушаю?

Инга задохнулась от возмущения: он слушает! А сам-то собирается объяснить, зачем схватил ее и куда везет?

– Куда мы едем? – проигнорировала она его вопрос.

– Ко мне домой. Ты мне не ответила.

– Ты мне тоже мало что объяснил! – взорвалась девушка и, отвернувшись от Алексея, упрямо уткнулась в окно.

– Ладно, не хочешь отвечать сейчас, поговорим потом. Но к разговору о Кристине мы обязательно вернемся. Хочу знать, что за странные обвинения ты выдвинула своему кавалеру. Странно у тебя тут проходят свидания, – усмехнулся он и, не снижая скорости, повернул на центральную дорогу.

– Это было не свидание! У меня репутация для свиданий

неподходящая, забыл разве? – Инга насмешливо покосилась на Алексея, и тот скептически хмыкнул.

– Об этом тоже потом поговорим. Сейчас мне нужна твоя помощь.

– А сразу об этом сказать нельзя было? Надо было хватать без всяких объяснений?

– Если начнешь с тобой вести долгие беседы, время уйдет. Да еще ты ведь такая гордая, могла бы и не согласиться ехать со мной!

Встревожившаяся Инга проигнорировала его колкость.

– Что случилось, Алексей?

– Лиза пропала. Так, как раньше, только не совсем так...

– А подробней? Без загадок?

– Без загадок не могу, потому что сам ничего не понимаю. – Он бросил на переменяющуюся в лице девушку короткий взгляд и быстро добавил: – Я сам ни черта не понимаю, что происходит в моем доме! Либо я действительно схожу с ума, либо... Неважно. Для меня сейчас самое главное – найти Лизку. Чувствую, что случилось что-то плохое.

– Ты можешь мне все рассказать? Кратко, но подробно? Давай же, Алексей! Все, что даже покажется тебе ерундой или дикостью! Ну? С самого начала!

Он с удивлением покосился на нее, подобрившуюся, как охотничий пес, учуявший след добычи.

– Я вечером отправил Лизу спать, проследил еще сам, чтобы она легла в постель. А потом спустился во двор, потому что пришла Анна – Кристинина дальняя родственница. Ты ведь ее знаешь, Анну... Это было что-то вроде деловой встречи, как вчера с Марией. Девчонки обе неожиданно выразили желание устроиться ко мне на работу: Машка – помощником бухгалтера, Анька – гувернанткой к Лизе. Ничего в этом странного нет, мне как раз нужны люди на эти должности, но это к делу не относится. В общем, я встретил Анну и проводил ее к себе в кабинет. Мы немного побеседовали, ни к чему определенному пока не пришли. Потом я попросил одного из своих охранников отвезти девушку домой, так как уже было поздно. У охранников как раз смена менялась, и один из парней уезжал домой на собственной машине. С Аней мы беседовали не так уж долго, проводы тоже не заняли много времени, поэтому я, в полной уверенности, что Лизавета моя спит, отправился к себе в комнату и лег в кровать. Я заснул довольно быстро, но спал тревожно. Мне приснился странный сон, такой четкий, будто все происходило наяву. Во сне меня будто бы будит встревоженная Кристина. Она будит меня очень долго, а я все не желаю просыпаться. Кристи нервничает и кричит, что случилась

беда, Лизу надо спасать и чтобы я немедленно отправлялся за девушкой, с которой дочь в последнее время подружилась. Мол, без помощи этой девушки не обойтись... Я проснулся, Кристины в комнате, естественно, не было, только я все равно ощущал ее прикосновения к своему плечу, будто она на самом деле будила меня. Не знаю, как тебе это объяснить...

– Не надо объяснять, я и так верю. Значит, ты проснулся...

– ...и первым делом помчался в детскую. Лизы там не было. Я обегал весь дом, выскочил во двор, искал дочку и там. Ее нигде нет.

– Сколько времени ты ее так искал?

– Минут двадцать где-то... Лизка раньше примерно на такое время и пряталась.

– Но в этот раз ты встревожился гораздо сильнее. Даже отправился за мной, поверив сну! – Инга недоверчиво покачала головой, а Алексей, метнув на нее быстрый, подобный выстрелу взгляд, вытащил из кармана мятый обрывок тетрадного листа и протянул его девушке:

– А ты бы не встревожилась, обнаружив это? Небось тоже забегала бы!

Инга развернула листок и увидела крупно написанное слово «ЗЕРКАЛО». Недоумевая, она повернулась к Алексею, и тот, пожав плечами, пояснил:

– Это – почерк Кристины. Только она писала букву «р» с таким росчерком... Ну и что ты на это скажешь? Что-нибудь понимаешь?

– Кое-что... Кое-что становится мне понятно. Алексей, прибавь скорости. Быстрее!

Он молча на нее покосился и, ничего не ответив, безропотно подчинился. Машина на скорости влетела в переулок и остановилась перед воротами.

– Не понял... Это же машина Пашки – моего охранника. – Алексей недоуменным взглядом проводил машину, которая как раз въезжала во двор, и громко посигналил, чтобы ворота не закрывали. – У Пашки же смена еще не закончилась, кто дал ему право отлучаться?

– Алексей, с охранниками потом разберешься, это сейчас не столь важно.

Инга нетерпеливо заерзала на сиденье и, едва машина Алексея остановилась, распахнула дверцу и выскочила на улицу. Перед крыльцом их поджидал смущенный Павел, который уже понял, что самовольная отлучка грозит ему крупными неприятностями:

– Алексей Юрьевич...

– Павел, потом поговорим, – резко оборвав виноватый бубнеж охранника, Алексей кивнул на свою машину: – Поставь в гараж и

возвращайся на рабочее место.

Павел коротко кивнул и нырнул в салон хозяйской машины.

– Ты мне объяснишь, какие догадки пришли тебе в голову? Где может быть Лиза? И что это за записка?

– Позже, Алексей, позже... Времени мало. Я тебе потом все объясню, когда девочку найдем. Объяснений слишком много потребуется.

– Думаю, следует проверить, может, Лиза уже нашлась, сидит себе спокойно в своей комнате...

– Посмотри, Алексей. Посмотри во всех комнатах. А я сразу побегу в библиотеку. Господи, ну почему я сразу не догадалась?! Ведь столько уже подсказок мне было... – причитая на ходу, она впереди Алексея пулей взлетела по лестнице на второй этаж и почти бегом направилась в библиотеку. Алексей бросился в противоположную сторону – к Лизиной комнате.

Перед дверью библиотеки Инга приостановилась и, приложив ладонь к груди, постаралась унять волнение и тревогу. В таком взвинченном состоянии нечего и думать о магии. Она перевела дыхание и толкнула дверь.

На столе горела лампа, и в желтых неровных бликах света обстановка библиотеки в этот раз показалась Инге зловещей.

– Лиза?

Она услышала за спиной шорох, будто в легком движении колыхнулась с тихим шелестом юбка, и быстро оглянулась. Никого. Возможно, просто разыгралось воображение, щедро питаемое нервозностью, вызванной и переживаниями за девочку, и страхом перед неясными событиями, которые еще могут произойти.

– Лиза, ребенок, ты здесь? – Инга в призрачной надежде, что Лиза все же спрячется где-то между шкафами, обошла помещение, настороженно озираясь по сторонам. Ее не покидало стойкое ощущение, будто она находится в библиотеке не одна: тихий шелест повторился, будто кто-то невидимый следовал за ней по пятам. Инга еще раз настороженно оглянулась и остановилась перед большим старинным зеркалом. Она робко потрогала ладонями прохладную зеркальную гладь, и ее отражение сделало то же самое.

– Как же ты, ребенок, это делаешь?..

Испуганно оглянувшись на шум приоткрывающейся двери, она с облегчением перевела дыхание, увидев Алексея.

– Не нашел Лизу. – В ее голосе не было вопросительной интонации, она произнесла свой «вопрос» как уже готовый ответ, с горьким

сожалением.

– Нет. Ее нигде нет, – Алексей перешел на шепот. В его севшем от переживаний голосе послышалась обреченность пополам со смирением.

Инге очень не понравились эти интонации в его голосе, она бросила на Чернова тревожный взгляд и нахмурилась.

– А ты?.. Ты знаешь, где ее искать?

Инга медленно кивнула, словно все еще колеблясь.

– Я позову сейчас охранников, они нам помогут, ты только скажи, где надо ее искать, – заметно оживился мужчина и развернулся к двери.

– Не надо охранников, Алексей. – Тихий голос Инги застал его уже почти на выходе из библиотеки. – Иди сюда.

Перейдя на приглушенный шепот, она поманила его рукой. Мужчина послушно приблизился и остановился с ней рядом перед большим зеркалом.

– Это – дверь, Алексей... – Инга коснулась ладонью зеркальной поверхности.

Мужчина покосился на нее с недоумением: какая дверь? В зеркале он видел лишь отражения Инги и свое.

– Ты имеешь в виду, что за этим зеркалом скрыта дверь? Что зеркало надо снять и...

– Нет. Зеркало и есть дверь. Лиза – там.

Инга перехватила недоуменный взгляд Чернова и, опережая его вопросы, торопливо произнесла:

– Алексей, ты должен мне довериться. Я знаю, что делаю. Но те вещи, которым ты станешь сейчас свидетелем, покажутся тебе слишком... – Она пощелкала пальцами, подбирая нужное слово. – Слишком необычными. Они могут тебя шокировать. Обещаю, что потом объясню тебе все, а сейчас просто доверься мне и... не мешай.

– Не буду. Ты найдешь Лизу?

Вместо ответа она молча кивнула и вновь коснулась зеркала ладонями. Она трогала его поверхность с таким вниманием, с такой любовной бережностью и в то же время нарастающим нетерпением, словно зондировала почву на наличие клада.

– Это – дверь... Ну почему я сразу об этом не догадалась? Почему? Господи, как же ее открыть? Как же попасть туда?.. Лизка, ребенок, и как ты это делаешь? – с тихим отчаянием пробормотала она себе под нос.

Алексей, не вытерпев, высказал предположение:

– Может быть, тут есть какой-то встроенный рычаг, кнопка, на которую нужно надавить, чтобы потайная дверь открылась...

– Алексей, это – *другой* механизм. Это – не механика. Это – нечто другое. Это – *магия*, и рычаги здесь действуют совсем другие... Господи, мне же ведь дали такую подсказку, совсем недавно... Ну вспомни, вспомни... – Совершенно не обращая внимания на ошарашенного ее откровениями Алексея, Инга обхватила ладонями виски и закрыла глаза. – Мне же ведь во сне... Бабушка меня учила, как попасть *туда*. Это не было ни стихотворением, ни считалочкой. Ну вспомни же, вспомни...

Только сейчас она поняла смысл недавнего сна про Королевство Кривых Зеркал. Это было прямой подсказкой: «считалочка», которую она разучила во сне, не была набором бессмысленных шипящих звуков, это было заклинание.

Алексей с удивлением и некоторым страхом наблюдал за Ингой. Закрыв глаза и чуть запрокинув голову, она еле слышно шептала себе под нос непонятные слова, иногда перемежая неразборчивое шептание вполне явственным чертыханьем в свой адрес... Но, однако же, он одновременно был и очарован открывшимся ему зрелищем. Инга в своем непонятном трансе была немыслимо прекрасна, загадочна и опасна. Опасна своей красотой, опасна неизвестными явлениями, происходившими сейчас с ней, той тайной, которая так неожиданно открылась Алексею. Немного отодвинувшись от девушки, он наблюдал за ней со стороны, не в силах оторвать взгляд от ее правильного профиля, от закрытых век с длинными, отбрасывающими тень, ресницами, от волнительно чувственных губ, шепчущих непонятные слова, от изящного изгиба шеи, от тонкой, словно выписанной остро заточенным карандашом линии ее подбородка.

– Вспомнила, вспомнила... – Инга открыла глаза так неожиданно, что Алексей, не успевший отвести от нее восхищенного взгляда, смутился. Но девушка, к его облегчению, не обратила внимания на его растерянность. Ее вниманием всецело завладело зеркало. Она все громче, по нарастающей, забормотала слова, по звучанию напоминающие шелест листы.

В какой-то момент у Алексея в голове промелькнула вполне здравая мысль прервать Ингино шептание и резонно напомнить, что они здесь собрались не считалочки говорить, а искать Лизу...

«Доверься мне. Доверься...» Похоже, Инга действительно владела какой-то магией, потому что ее слова, всплывшие в памяти, оказали на него странное воздействие. По его рукам и ногам разлилась уютная тяжесть, он не мог двинуться с места.

В первый раз Инга проговорила «стишок» торопливо, чтобы лучше запомнить его, опробовать на язык каждый звук. Во второй раз она произносила заклинание медленно, наполняя каждое слово Силой,

впечатывая его в зеркальную поверхность. Постепенно зеркало медленно, словно нехотя, стало подергиваться дымкой, отражение Инги в нем делалось все более расплывчатым. И вот оно уже перестало быть зеркалом, за рассеивающейся дымкой все явственнее и явственнее начали проглядывать очертания двери. Инга протянула руки и коснулась пальцами холодной и гладкой поверхности. С виду дверь казалась деревянной, на ощупь оказалась стеклянной...

– Закрыто, – в отчаянии простонала она и налегла плечом на закрытую дверь. Бесплезно.

Она снова забормотала заклинание и, когда дымка окончательно рассеялась, увидела, что дверь закрыта неплотно. Сквозь небольшую, толщиной в палец, щель просачивался голубоватый свет. Инга вновь навалилась на дверь плечом, однако та не подалась, не приоткрылась ни на сантиметр.

– Как же ее открыть... – пробормотала Инга. И еле сдержалась, чтобы не рассмеяться от собственной глупости: не тем способом она пытается открыть проход. Увидев дверь, она приложила физические усилия, чтобы отворить ее, тогда как нужно задействовать совершенно другую силу.

...Ох и тяжелая же эта «дверь»... Инга затратила половину своей Силы лишь на то, чтобы увеличить проем настолько, чтобы суметь протиснуться в него. Как же хрупкой маленькой девочке удавалось каждый раз открывать этот проход?

Подивившись про себя, Инга скользнула в проем и очутилась в своеобразном зале, напоминающем круглую комнату со стенами из плотно примыкающих друг к другу зеркал. Оглянувшись назад, девушка с беспокойством оглянулась на «дверь», через которую вошла сюда: как бы та не закрылась.

И куда же идти? Инга растерянно осмотрелась. Одни зеркала были пустыми, в других мелькали расплывчатые тени. Девушка по кругу обошла помещение, внимательно вглядываясь в каждое зеркало. Вспомнив, что в своем сне она каждому отражению читала «стишок»-заклинание, снова забормотала уже выученные слова. Ничего не изменилось. Ровным счетом ничего.

В отчаянии Инга остановилась и оперлась ладонью о первое попавшееся зеркало... и чуть не упала, потому что зеркальная поверхность неожиданно подалась и ладонь мягко погрузилась в стекло, как в вату. Не раздумывая, девушка шагнула в это зеркало, принявшее ее в себя с радушной благосклонностью, и... очутилась в следующей «комнате», точь-в-точь похожей на предыдущую.

– Здесь же заблудиться можно! И остаться навсегда.

Она в панике заметалась, не зная, в какое зеркало шагнуть. Как же найти Лизу?

– Лиза?.. – тихо позвала она. Зеркала отозвались звенящим стеклянным эхом: «Лиза... Лиза... иза...а...». Королевство Зеркал, заманившее в свою ловушку очередную жертву.

– Лизка! – в отчаянии выкрикнула Инга. Без девочки она не может вернуться.

Инга шагнула в очередное зеркало. Круглое помещение, подернутые дымкой зеркальные поверхности с мелькающими в них неясными тенями. Этот «зал» в точности копировал два предыдущих, только тени в зеркалах стали немного ясней и уже напоминали силуэты людей.

– Девочка, ну где же ты?..

Почувствовав сильную слабость, Инга села прямо на «пол» возле зеркала, через которое сюда вошла, и часто задыхалась. От изнеможения на лбу выступили капельки пота. Она подняла руку, чтобы вытереть влажное лицо, и ощутила, что ее рука сделалась такой тяжелой, будто к кисти подвесили груз. С трудом вытерев пот, Инга уронила руку и кое-как поднялась на ноги. Дышать становилось так тяжело, будто воздух превращался в вязкую субстанцию. Зеркала высасывали из нее энергию, и Инга чувствовала, как силы уходят из нее, словно воздух из дырявого шарика. Если она в скором времени не выберется отсюда, то, обессиленная, останется здесь навсегда. И девочка тоже.

– Лиза?

Это зеркальное «королевство» – мир, в котором Лизавета встречается со своей мамой. Девочке каким-то образом удалось открыть «дверь» в другую параллель. Но как же она здесь не теряется, в этом лабиринте одинаковых зеркальных «комнат»? Как находит нужную дорогу? Инга в отчаянии огляделась. Она уже не была уверена в том, что сумеет найти обратный путь – к тому зеркалу, которое висит на стене библиотеки.

«Инга... Инга», – тихо позвал ее кто-то. Голос, показавшийся знакомым, будто раздавался у нее в голове. Инга робко оглянулась и в одном из зеркал увидела расплывчатое, но хорошо знакомое отражение.

– Дядя?..

Она в волнении коснулась пальцами прохладной зеркальной глади и снова «услышала» голос: «Инга, иди за мной. У тебя мало времени. Тебе нельзя здесь задерживаться».

Отражение дяди пропало, и девушка, поколебавшись мгновение, шагнула в то зеркало, в котором только что видела его. Зеркало, словно

дыра, «энергетический вампир» высосало из нее еще порцию Силы, и девушка с трудом переборола желание сесть и уснуть. Но увидела мелькнувшее в следующем зеркале дядино отражение.

«Инга, иди за мной».

– Спасибо, дядя. Ты ведешь меня к Лизе?

«Я не знаю, как зовут ту маленькую девочку. Но знаю, что ты пришла за ней. Ни тебе, ни ей здесь не место. Это наш мир – мир душ».

– Что случилось с этой девочкой, ты знаешь? – спросила Инга, неотрывно следуя за отражением дяди. Дядя вел ее – из зеркала в зеркало, – и это придавало сил.

«Она часто сюда приходит к своей матери. Не знаю, как девочке удалось открыть проход в наш мир. Но сегодня „дверь“ оказалась закрытой, и девочка не смогла вернуться. Ей требуется помощь. Ее мать сумела выйти в ваш мир и попросить помощи. Она успела, пока проход не оказался закрытым окончательно...»

– Кристина – мама девочки – сейчас в *нашем* мире?

«Нет, она вернулась сюда следом за тобой».

– Дядя, почему меня ведешь к Лизе ты, а не Кристина?

«Кристина в своем коридоре. Ты бы не увидела ее. Ты можешь видеть только родную душу... Лиза приходила сюда к матери – к определенной душе, поэтому не терялась здесь, как ты. Для нее открывался лишь один коридор. Ты же пришла, не зная, встречи с кем желаешь, и тебе открылись все существующие проходы. Ты рисковала заблудиться и остаться здесь навсегда. Я поспешил тебе на помощь».

– Спасибо, дядя, – поблагодарила девушка и почувствовала, что на глаза навернулись слезы.

«Инга, я всегда был против слез, ты это знаешь. Я воспитывал вас с Вадимом так, чтобы вы не показывали свою слабость. Ты винишь себя в том, что не смогла помочь мне. Инга, ты не помогла бы, так должно было произойти. Мой уход из *того* мира был уже предрешен. Я все успел сделать, выполнил свою главную задачу: вырастил вас и поставил на ноги. И мне пора было уйти. Не надо винить себя, моя девочка... Обещай».

– Обещаю, – тихо прошептала Инга и, выйдя из очередного зеркала, увидела лежащую на «полу» без движения девочку.

– Лиза! – Инга бросилась к девочке и опустилась перед ней на колени.

«Забирай ее скорее и возвращайся в ваш мир. Я вас выведу», – поторопил дядин голос.

«Спасибо», – поблагодарил другой голос – женский.

– Кристина? – растерянно огляделась Инга. Она видела в зеркале лишь

дядю, Кристина оставалась для нее невидимой.

«Спасибо тебе за Лизу».

Инга не без труда сумела взять девочку на руки. Путь обратно дался ей еще тяжелее. Инга переставляла ноги рывками, словно выдергивая их из засасывающей болотной трясины. Руки ее, удерживающие Лизу, онемели, и Инга испугалась: как бы не выронить девочку. В какой-то момент, почувствовав, что силы ее на исходе, она громко с отчаянием застонала и, закусив губу, ощутила на языке солоноватый привкус крови.

«Уже пришли», – услышала она ласковый шепот дяди и, подняв голову, увидела «дверь», через которую попала сюда.

Вместо благодарности она вымученно улыбнулась и в последний раз оглянулась на отражение дяди в зеркале.

«Прощай, девочка моя! Не забудь потом закрыть коридор. Лизе не следует больше приходить сюда».

– Хорошо, дядя, – послушно пробормотала Инга и шагнула к «двери».

«Скажи Леше, что я люблю его. Я бывала с ним, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Сохрани его», – робко попросила Кристина на прощание.

С Лизой на руках Инга с трудом протиснулась в узкий проем и, очутившись в библиотеке, обессиленно осела на пол. Алексей при виде открывшегося ему необъяснимого зрелища остолбенел. Не в силах сказать ни слова, он перевел взгляд с зеркала на Ингу, которая, тяжело дыша, машинально гладила бесчувственную Лизу по голове. И только когда Инга севшим, незнакомым голосом попросила о помощи, он встрепенулся и присел перед ними на корточки.

– Она... жива? – Алексей испуганно дотронулся до холодной щеки дочери.

– Жива... Без чувств. Все равно что спит. Отнеси ее в комнату, положи на кровать.

– А ты? Как ты?..

– Потом, потом... – Инга сделала рукой слабый протестующий жест и, когда Алексей бережно принял у нее Лизу, завалилась набок и коснулась щекой прохладного пола.

– Инга?.. – Алексей с Лизой на руках замер над ней.

– Потом, потом... – Губы еле послушались. Ей хотелось лишь одного: чтобы ее оставили в покое.

Алексей, прежде чем покинуть библиотеку, с тревогой оглянулся на нее и с горячностью пообещал:

– Я сейчас вернусь!

Он действительно вернулся очень скоро, склонился над ней и робко коснулся ее лба, как совсем недавно касался лба дочери.

– Инга, что с тобой?

– Ничего. Я в норме. Почти, – вымолвила она и пошевелилась, пытаясь сесть. От слабости книжные шкафы заплясали у нее перед глазами в бешеном хороводе, и Инга опустила тяжелые, словно налитые свинцом веки.

– Подняться можешь?

Она кивнула, но, однако, не предприняла попытки встать. Алексей без вопросов поднял ее на руки и осторожно, как хрупкое сокровище, куда-то понес. Проваливаясь в ватную пропасть, Инга еще успела подумать о пахнущем морем поцелуе. Это были ее последние мысли, перед тем как она безропотно отдалась во власть формирующего сознания забвения.

XIX

Сквозь сон Инга слышала обрывки чьего-то телефонного разговора. Беседовали двое мужчин, один из них был сердит и не на шутку встревожен, другой отвечал односложно, с интонациями провинившегося человека.

– Дура... Я убью ее, тварь такую!.. Что с девочкой?.. – разгневанный мужчина не скупился на нелестные эпитеты, стрелами летящие в неизвестно чей адрес.

– Спасла ее эта... Она, оказывается, тоже... – виновато, словно не обрадованный чьим-то спасением, бубнил второй голос.

– Тоже! Ты мне об этом не говорил, хоть тебе было велено следить за обеими! Впрочем, можно было догадаться сразу, раз она внучка...

– Что?

– Неважно! Вот что, милый, задание ты понял. И чтобы без осечек! Хватит с меня сюрпризов. Машина готова?

– Да.

– И проследи, чтобы наша вездесущая девушка не помешала. Одна уже сидит под замком в ожидании наказания...

В угасающий, словно удаляющийся разговор неожиданно вклинился шелест бумаги, и Инга, поморщившись, открыла глаза.

Она не сразу поняла, что лежит на кровати в незнакомой комнате, освещенной лишь тусклым светом уличного фонаря. Рядом с ней сидел Алексей и потихоньку переворачивал страницы книги. И не темно ему читать?

– Лежи, лежи, – Алексей, едва она пошевелилась, отложил книгу и ласково тронул девушку за плечо. Инга, однако, не послушалась и села, натягивая до подбородка плед, которым была укутана. Ее бил легкий озноб.

– Где мы?

– В моей комнате.

– Здесь люди какие-то разговаривали, мужчины, я их слышала...

– Тебе приснилось. Здесь никого, кроме нас, нет. Как себя чувствуешь? Я сделаю тебе чай. Или кофе? – забота в его голосе была искренней. Инга даже зажмурилась от удовольствия: когда еще мужчины так о ней тревожились и с таким вниманием ухаживали?

– Лучше чай.

– Сейчас принесу, – поднялся он.

Когда уже выходил из комнаты, Инга запоздало спросила:

– Как Лиза?

Алексей оглянулся, и в полумраке девушка различила его усталую, но счастливую улыбку:

– Нормально, только слабенькая. Она очнулась, выпила чаю с медом, теперь спит, как маленький медвежонок. Я недавно проверял ее.

– Хорошо, – с облегчением выдохнула Инга и прижалась затылком к прохладной стене. В голове шумело подобно помехам на радиостанции.

Алексей принес ей огромную кружку дымящегося ароматного чая и печенье.

– Ого! – по достоинству оценила Инга размеры кружки. – Сиротский тазик...

– Это моя любимая чашка, – пробормотал он, смешно морща лоб, и Инга улыбнулась. Ей было сейчас так хорошо и уютно, что ни шум в голове, ни слабость не могли испортить этих ощущений. Она готова была просидеть на кровати Алексея, закутавшись в плед и прихлебывая горячий чай из огромной кружки, вечность. Лишь бы как можно дольше длились эти скрадывающие очертания сумерки и Алексей не сводил бы с нее встревоженного и одновременно восхищенного взгляда. И чтобы ничто не нарушало дремлющего молчания...

– Инга, ты можешь мне объяснить...

– Тс-с-с, – она приложила палец к губам и тихо рассмеялась. – Ты все испортил.

– Что испортил?

– Тишину. Ладно, неважно... – нехотя сдалась она. – Что ты хочешь узнать?

– Все. Все, что произошло. Я должен получить хоть какие-то объяснения.

– Представляю, какой ты пережил шок.

– Шок – это слабо сказано. Кто ты? Куда пропала Лиза? Откуда вы так... появились? Ты что-то знаешь, о чем не хочешь мне говорить. Но я должен знать.

Он вскочил со стула и заходил по комнате, энергично жестикулируя. Инга впервые видела, чтобы Алексей так отчаянно жестикулировал: видимо, он еще не отошел от пережитого волнения.

Она снова откинулась, прижимаясь затылком к стене, и без улыбки, серьезно, спросила:

– Ты меня боишься?

– С чего мне тебя бояться?

– То, что ты увидел... Это был ритуал. Непосвященного человека такие вещи могут серьезно напугать. Или... оттолкнуть – в лучшем случае.

– Ты спасла мою дочь! Неважно, каким способом. Но ты обещала все объяснить.

Инга с сожалением поставила на прикроватную тумбочку кружку с недопитым чаем. Краем глаза покосилась на книгу, которую до этого перелистывала Чернов. «Гарри Поттер и философский камень». Никак, Лизино просвещение папочки...

– Алексей, я скажу тебе одну очень серьезную вещь. Ты можешь воспринять ее как нечто...

– Короче, Инга, без долгих вступлений, – бесцеремонно перебил он ее.

– Хорошо. Твоя дочь – не обычная девочка, а... В общем, она обладает очень большой Силой. Но не той, под которой мы понимаем физические способности, а другой.

– Она кто-то вроде экстрасенса, да?

– Не совсем, но можешь считать так. Понимаешь, у нее есть такие способности, которые даются очень редко и лишь избранным. Как она воспользуется своей Силой – это будет уже ее выбор. Она может растратить ее напрасно, а может обратить на пользу людям. Но ее нужно направить. Лиза – уникальный человек, она сама стремится к знаниям и ищет объяснения своим способностям.

– Поэтому она так много читает?

– Она ищет знания в книгах. Поступает не как маленькая девочка, а как взрослый пытливый человек.

Инга вздохнула и после долгой паузы произнесла:

– Твоя дочь каким-то образом сумела открыть коридор в другой мир. В другое измерение, если хочешь. Через зеркало в библиотеке. Я не знаю, как ей это удалось, откуда она вообще узнала о тайне, которую скрывает в себе то старинное зеркало. Для всех простых людей оно зеркало как зеркало, для обладающих Силой – «дверь» в иной мир.

– Ты увидела... эту «дверь»? – тихо спросил Алексей.

Инга кивнула.

– Значит, у тебя тоже есть эта... Сила?

Инга снова кивнула, а Алексей, не зная, что еще сказать или спросить, замолчал.

– Я не сразу поняла, куда пропадает Лиза. Если бы я сопоставила некоторые события и хорошенько подумала, догадалась бы раньше. Увы, поняла только сейчас.

– И... что там, за этой «дверью»?

– Зеркала! Одни зеркала! По крайней мере, я так увидела. Не знаю, что увидела Лиза, когда туда приходила.

– Но зачем, зачем она туда совалась? Это ведь опасно! Почему она не поделилась со мной... своим открытием?..

– А ты бы поверил? – Она серьезно посмотрела на него, и Алексей, усмехнувшись, согласился с ней.

– Лиза ходила туда к Кристине. Для нее это была возможность видаться с мамой. Но сегодня «дверь» почему-то оказалась закрытой, когда Лиза была там. Она не смогла самостоятельно вернуться.

– Ты увидела ее, Кристину? – сдавленным голосом спросил Алексей и словно случайно коснулся руки девушки.

– Нет. Я лишь слышала ее голос. Она просила сказать тебе, что любит тебя. И что она приходила сюда, чтобы ты не чувствовал себя таким одиноким...

Он встал и подошел к окну. Инга сквозь ресницы наблюдала за ним. Вот он взял со стола пачку сигарет. Сунул в рот сигарету, но, передумав, вытащил и смял в пальцах, растирая в табачную крошку.

– В это сложно поверить. В то, что ты мне рассказала.

– Если тебе будет так легче, считай, что это был лишь... сон.

– Однако я поверю... Поверю, потому что я чувствовал Кристину. Она ведь и в самом деле приходила сюда ко мне? Да? – Он резко повернулся и посмотрел на девушку с такой надеждой и болью во взгляде, что Инга ощутила неожиданный и неприятный укол ревности: не быть ей вместе с Алексеем. Не быть.

– Осмелюсь предположить, что да.

Алексей закинул руки за голову и, сцепив пальцы в «замок» на затылке, запрокинул лицо к потолку.

– Значит, мне не мерещилось. Это и в самом деле была она.

Инга тихонько спустила ноги с кровати и откинула плед. Алексей бросил на нее недоуменный взгляд:

– Куда ты?

– Проведать Лизу. И... у меня еще незаконченные дела остались.

– Какие еще дела? – спросил он, присаживаясь на кровать рядом с ней.

– Мне надо коридор закрыть, чтобы Лизавета туда больше не ходила. Это слишком опасно для маленькой девочки. Сегодня едва не случилось страшное. И хоть у меня сейчас мало сил, я попробую...

– Потом. Успеешь. – Он с ласковой улыбкой легонько потрепал девушку по затылку. – Ты нервничаешь...

– Еще бы мне не нервничать – после таких приключений! – ворчливо

заметила Инга, стараясь скрыть, что ее нервозность вызвана его прикосновениями.

– Нет... – улыбнулся он. – Ты не поэтому нервничаешь...

Его пальцы, соскользнув с ее затылка, бережно, еле касаясь, прошлись по позвонкам, перебирая их с такой нежностью и любовью, словно то были певучие струны антикварной скрипки. И каждый ее позвонок, вобрав в себя легкое тепло прикосновений, отозвался ответным желанием. «Пусть еще... еще...» – Инга опустила ресницы, отдаваясь во власть волнующих ощущений. Но Алексей неожиданно убрал руку, и девушка, открыв глаза, обиженно, чувствуя себя чуть ли не обманутой, посмотрела на него. Он понял ее взгляд и с тихим смешком пояснил:

– Лизка – любопытный ребенок... Может сунуть свой носик туда, куда не следует.

С этими словами он встал и повернул ключ в дверном замке.

– Вот так! – И он вернулся к девушке.

Они неторопливо, миллиметр за миллиметром исследовали тела друг друга, знакомые в мечтах и скрытых желаниях, но не знакомые в прикосновениях. Переплетенные руки, одно дыхание на двоих – дань за те дни и часы, что они были не вместе. Времени мало, его слишком мало для того, чтобы выплеснуть всю накопившуюся страсть. Она подобна сизому океану, который, разволновавшись, обрушивается на берег все новые и новые волны.

– Ты даже представить себе не можешь, как ты мне нравишься, как ты мне нужна... – Его горячее дыхание обжигает ямку над ключицами. И Инга, в знак того, что верит ему, целует его в сгиб локтя.

– Даже представить не можешь...

«Ты тоже...»

Она не говорит ему о своей любви вслух, она делится ею, вливая в него любовь вместе с частью своей Силы. Нет охраны крепче, сделанной любовью. Его будет хранить ее любовь – безразмерная, неиссякаемая. Вечная.

Инга уснула раньше Алексея. Он еще нежно перебирал пальцами ее длинные волосы, шептал ей на ухо ласковые слова, а она уже погружалась в уютный обволакивающий сон, счастливая и спокойная – за него.

Утром Ингу разбудил легкий шорох. Она открыла сонные глаза и увидела, что Алексей уже встал, надел брюки и застегивает пуговицы на рубашке.

– Ты куда-то уходишь?..

– Работа, солнце, – с сожалением ответил он и, наклонившись, поцеловал девушку в теплую со сна щеку. – Доброе утро!

– Доброе... – Инга повернулась на бок и подперла голову рукой, наблюдая за Алексеем.

– Я не буду задерживаться. Только туда и обратно.

– Да ну, Чернов? А как же работа?.. – удивилась она, и он, присев на край постели, еще сильнее растрепал пальцами ее взъерошенные со сна волосы.

– Смешная какая ты. Совсем другая, когда сонная! И куда твоя надменность и гордость деваются? Такая ты мне тоже очень нравишься, даже больше... Красивая моя.

– Чернов, я со сна страшная, как атомная война, что ты сейчас красивого во мне нашел?

– Глупая, – засмеялся он.

– Ты мне про работу не ответил...

– Работа иногда может и подождать. Я еду отдать кое-какие распоряжения и тут же вернусь обратно. В конце концов, меня дома ждут две любимые девочки.

– Как Лиза? Ты заходил к ней? – Инга села на кровати и закуталась до подбородка в покрывало.

– Спит. Обнимает во сне своего медведя Тэдди и трогательно посапывает. Напереживалась, маленькая... Скоро придет домработница и накормит вас обеих завтраком. И чтобы обе слушались Нину Павловну! И никуда без меня из дома не уходите! Я вернусь, и мы втроем пойдем на пляж.

– Чернов, ты ли это глаголишь? Не ве-рю! – засмеялась Инга и, закутанная в покрывало, поднялась с кровати.

Алексей удивленно на нее покосился и нахмурился:

– А ты куда собралась?

– Тебя провожать. До машины.

– В таком виде? Как античная скульптура? – он с сомнением покосился на ее «одеяние», а Инга бросила на него через плечо насмешливый взгляд и подняла с полу свою майку и брючки. – Отвернись, Чернов. Или лучше выйди. Мне одеться надо.

– Боже, какие мы стеснительные! Одевайся, я не смотрю.

Они вместе спустились во двор. Инга вышла за ворота, дожидаясь, когда Алексей выведет из гаража машину.

– Я ненадолго, только туда и обратно.

– Чернов, ты даже не позавтракал...

– Заботливая ты моя! – засмеялся он и поцеловал девушку в губы. – Постараюсь приехать так, чтобы застать вас с Лизой еще за завтраком, и присоединюсь к вам. Ну все, пока! Не люблю проводы-прощания.

Он еще раз поцеловал ее и сел в машину. Инга помахала Алексею рукой и пошла к дому.

Когда она вошла во двор, за ее спиной раздался шум отъезжающей машины... и внезапно Ингу словно обожгло от пришедшей в голову страшной догадки. Ей вспомнился отрывок из приснившегося телефонного разговора. Инга круто развернулась и бросилась следом за машиной.

– Стой! Алексей, стой!

Машина на скорости вывернула из переулка и, пролетев поворот, сшибла ограждение и кувыркнулась вниз по склону.

– Папа! – раздался сзади детский голосок, и неизвестно откуда взявшаяся Лиза, опередив Ингу, бросилась к месту аварии.

– Лизка, стой! Лизка, вернись!

Ингу обуял ужас только от одной мысли, что ребенок сейчас увидит то... То, что она сама боялась увидеть. Ее даже не удивило, что Лиза закричала, она вообще не обратила на это внимания.

– Лиза, подожди! – Инга ринулась следом за девочкой, которая, спотыкаясь и рискуя подвернуть ногу, уже неслась по крутому склону к разбитой машине.

– Папа! – Ее пронзительный голос, переполненный недетским горем и отчаянием, услышали даже охранники, которые в тревоге выскочили во двор. – Папа! Папочка!!!

– Там... Там авария. – Инга указала выскочившим на крики охранникам рукой на подножие склона и заорала: – Вызовите «Скорую»! Кто-нибудь! В «Скорую» позвоните!

Один из охранников торопливо вытащил из кармана телефон и затыкал в кнопки, двое других, опередив девушку, побежали к машине.

Те несколько метров, что Инга бежала по склону вниз, показались ей долгими километрами.

– Лиза! Назад! Машина может взорваться! Назад, неумный ребенок! – Алексей самостоятельно выбрался из машины и тут же чуть не был сбит с ног подлетевшей к нему дочерью.

Охранники тоже подбежали к нему и наперебой забасили встревоженными голосами:

– Алексей Юрьевич, как вы?

– Алексей Юрьевич, самостоятельно идти можете?

Инга, увидев, что с Алексеем все в относительном порядке, в

изнеможении села прямо на траву и разревелась. Сработала ее охранка... Сработала. Иначе не ходил бы Алексей сейчас, живой и невредимый, возле разбитой машины.

– Да нормально. От машины, скорей! Может взорваться. Дочь заберите!

– Папочка! – Лиза, когда один из охранников попытался увести ее от отца, громко запротестовала, так что Алексею пришлось прикрикнуть на нее:

– Иди во двор! Иван, отведи Лизку и придержи ее там! Не дай бог, к машине сунется!

Чернов бодро, по-деловому, принялся отдавать распоряжения, словно ничего и не случилось, будто авария – это так, детская шалость, аттракцион в парке.

Один из охранников увел упирающуюся девочку, второй, взбежав по склону, принялся куда-то звонить по мобильнику.

– Ну, а ты чего? – Алексей, поднявшись наверх, присел на корточки перед Ингой и заглянул ей в лицо. – Неужели так расстроилась из-за меня?

– Д-дурак... – сердито буркнула Инга, пряча глаза.

– Ну жив я, жив! Что со мной станется, если ты рядом, мой ангел-хранитель?

– Ты прямо... как мой брат... меня ангелом-хранителем назвал, – Инга улыбнулась сквозь слезы.

– Ты слышала, Лиза заговорила? – Алексей счастливо улыбнулся. – Пойдем в дом.

Он поднялся на ноги и, поморщившись, непроизвольно погладил себя по плечу.

Его жест не ускользнул от внимания Инги:

– С рукой что?

– Да ничего. Плечо ушиб только.

– Ты уверен, что только ушиб? Мой брат так в аварии руку сломал...

– Да нет у меня никакого перелома. Пойдем к Лизке, успокоим ее. И послушаем, как наша принцесса разговаривает. О-па! А эти-то откуда взялись? – присвистнул Алексей, взглянув на дорогу. В переулок друг за другом с торжественным воем сирен влетели «Скорая» и милицейский «газик». Завершала парад мигалок пожарная машина.

– Это... Это охранники твои постарались. – Инга скромно умолчала о собственной роли в вызове «Скорой».

– Ай, маладца... – усмехнулся Алексей и покрутил головой. – Оперативно сработали – и охранники, и эти службы... Спасибо, что

катафалк не вызвали. Ладно, пошли. Придется теперь с этими товарищами беседовать. Ты побудь с Лизой, пока я тут разберусь.

Нина Павловна, едва пришла в дом, сразу оказалась в курсе всех недавних событий и отреагировала на них очень эмоционально. Накладывая Инге и Лизе молочную кашу, она тихо причитала из-за аварии, тут же, без всякого перехода, громко ликовала по поводу того, что Лиза наконец заговорила, и снова, утирая слезы, начинала причитать.

– Нина Павловна, вы почему плачете? Это слезы радости или скорби? – не выдержала Инга. А Лиза, чувствуя себя героиней дня, взрослому усмехнулась и важно пошлепала ложкой по каше.

– Девочки мои, да я даже не знаю, – улыбнулась сквозь слезы женщина. – Представила себе, что могло бы с Алексеем Юрьевичем случиться... Разволновалась!

– Нина Павловна, обошлось ведь! – Инга снова улыбнулась и подмигнула Лизе. Так странно, что сейчас она пытается приободрить домработницу, а сама всего лишь полчаса назад истерила.

– Лизочка, тебе нравится кашка? – Нина Павловна уже переключилась на девочку.

Та, по своей старой привычке, пожала плечами и кивнула.

Однако Нина Павловна добивалась от нее иного:

– А ты скажи!

– Ну, вкусно, – ответила Лиза, словно сделала великое одолжение.

Инга рассмеялась.

– Нина Павловна, не приставайте к ребенку!

«Это кто тут ребенок?» – насмешливо покосилась на нее Лиза и громко хмыкнула.

Позже, после завтрака, Инга поднялась вместе с девочкой в детскую. Алексей еще не освободился, из холла доносился его громкий голос и чужие голоса: охранников и милиционеров. Врачей со «Скорой» Алексей быстро отправил восвояси, категорично заявив, что в медицинской помощи не нуждается. Как он распрощался с пожарными, Инга не знала, поскольку с ними Алексей разбирался на улице.

– Папа скоро освободится и придет к нам. – Инга присела на краешек кровати и обняла севшую рядом с ней Лизавету.

Девочка доверчиво прижалась к ней щекой и громко вздохнула.

– Напереживалась? Я тоже. Испугалась и за твоего отца, и за тебя. Лиза, ты можешь рассказать мне о том, как ты... ходила к маме? И что случилось вчера, почему ты не смогла вернуться обратно?

Лиза промолчала. Обняв Ингу за талию, она крепче прижалась к ней и вновь вздохнула.

– Ты можешь мне доверять, Лиза. Я ведь тоже была там. Как ты узнала, что зеркало в библиотеке – необычное?

– Ты потом расскажешь папе? – настороженно спросила Лиза.

Инга доверительно ответила:

– Лиза, папа обо всем знает! Он не будет тебя ругать. Папа понял, что ты попала в беду, и попросил меня помочь тебе. Он очень переживал, но ругаться не будет.

– Я хотела, чтобы мы с папой вместе навестили маму... – тихо произнесла Лиза и, неожиданно выскользнув из-под руки Инги, выбежала из комнаты. Дверь она, однако, не закрыла, и Инга, выглянув в коридор, увидела, что Лиза скрылась в спальне отца.

С первого этажа все еще доносились приглушенные голоса: Алексей что-то кому-то возмущенно выговаривал, а этот невидимый кто-то виновато и неразборчиво бубнил в ответ.

Лиза пробыла в комнате отца недолго, она выскочила оттуда с книгой в руках и, вернувшись в детскую, сунула книгу в руки Инги. «Гарри Поттер».

– Я хотела, чтобы папа прочитал мою книжку и нашел вот это... – опережая Ингу, Лиза торопливо листала страницы. – Я положила сюда один листочек... Я думала, что папа его найдет, прочитает и мы вместе с ним пойдем в гости к маме. Ну где же он, листочек? Неужели папа его потерял?

Озабоченно хмурясь, Лиза в нетерпении перевернула книжку корешком вверх и энергично ее потрясла. На пол упал исписанный листок бумаги. Инга подняла его и приблизила к глазам.

«Попасть в иной мир можно, открыв „дверь“ в зеркале Душ. Это под силу лишь магу с невиданными способностями», – было написано крупным разборчивым почерком. Далее следовало заклинание, которое Инга уже знала. Лист был пожелтевший от времени, с неровным краем, словно его вырвали из тетради.

– Где ты это нашла? – Инга посмотрела на замершую в ожидании ее реакции девочку.

– В библиотеке. В одной книжке. Не помню в какой.

– И решила попробовать прочитать этот... стишок.

– Это не стишок! Не видишь, что ли, что это заклинание? – важно произнесла Лиза.

– Ребенок, я знаю, что это заклинание. И оно у тебя получилось.

– Я – волшебница? Как Гарри Поттер? – Глаза девочки оживленно заблестели, и Инга, не зная, что сказать, покачала головой.

– М-м-м, понимаешь... Гарри Поттер – это сказка. Волшебники и волшебницы живут в сказках.

– Но у меня же получилось... колдовать! Я ходила в зеркало, я видела маму!

– Да, Лиза, я знаю, – вздохнула Инга и нервно взъерошила волосы пальцами. Как объяснить восьмилетней девочке про Силу, про ее особые способности? Сложно. И почему именно ей, Инге, выпала эта нелегкая миссия? – У тебя есть способности... Сейчас мне сложно тебе это объяснить, но немного позже ты все поймешь.

– Я знаю! Я умею колдовать и...

– Лиза, скажем так, у тебя есть способности, чтобы *научиться*, как ты говоришь, колдовать. Но чтобы колдовать, надо учиться. Ведь твой Гарри Поттер тоже обладал способностями волшебника, но колдовать его учили в специальной школе, так ведь?

– А я тоже пойду в такую школу? – Лиза перешла на шепот, настолько важной и таинственной была тема разговора.

– Лизка, Лизка... Не хочется мне тебя разочаровывать, но, боюсь, в школе волшебников учиться тебе не придется, она ведь существует только в сказке... А учить тебя магии будет какой-нибудь человек, у которого много знаний и опыта.

– Я хочу, чтобы меня учила ты!

– Вот так категорично? – с грустной улыбкой покачала головой Инга. – Почему ты решила, что я смогу тебя научить?

– Ты ведь умеешь... колдовать, да? Папа попросил тебя, чтобы ты пошла за мной в зеркало...

– Ну, наверное, «колдовать», как ты себе это представляешь, я не умею. Но папа действительно попросил меня... Лиза, скажи, что случилось, почему ты не смогла в этот раз вернуться?

– Я не знаю, – насупилась девочка. – Зеркало почему-то не выпустило меня обратно.

– Понятно. Лиза, мне нужно тебе сказать, что ты больше не сможешь ходить туда.

– Почему? – с возмущением посмотрела на нее Лиза.

– А разве ты не понимаешь? Ты ведь знаешь уже, чем может закончиться такое путешествие. «Дверь» в зеркале придется закрыть. Ты даже представить себе не можешь, насколько это опасно – то, что ты делала.

– Я больше не увижу маму?

– Мама всегда будет с тобой. Понимаешь, меня не папа твой попросил

закрывать «дверь», и не я приняла решение. Меня попросила твоя мама. Она очень переживает из-за тебя. Ты же ведь не хочешь, чтобы твоя мамочка переживала из-за твоей безопасности, плакала от беспокойства?

Лиза покачала головой, однако было видно, что она категорически против того, чтобы запереть «дверь».

– Я хотела, чтобы папа тоже смог увидеть маму...

– Он знает, что мама бывала здесь. Он это знает...

– Ты любишь моего папу? – неожиданно спросила Лиза.

Инга, растерявшись, уставилась на нее с приоткрытым ртом.

– Ты любишь моего папу? – настойчиво переспросила девочка.

– Ну... Да. Да, я люблю твоего папу, – ответила Инга и покраснела.

– А меня?

– Ну конечно! Как же можно тебя не любить!

– Тогда ты останешься с нами? Ты будешь учить меня колдовать. А папе не будет так грустно. И он не будет много работать...

– Лиза, понимаешь, все не так просто... Я живу в другом городе, в Москве...

– А ты сюда приезжай!

– У-у-у, ребенок, какой ты стала разговорчивой! – рассмеявшись, пошутила Инга, чтобы немного отвлечь девочку от щекотливой темы, но с Лизиной настойчивостью оказалось не так просто справиться.

– Нет, ты переезжай сюда! Будешь жить с нами. Или мы к тебе приедем.

Инга хотела сказать, что ей очень бы понравилось, если бы Лиза и ее папа приехали к ней в Москву, но ее отвлекли громкие крики на этаже. Кричала женщина и какой-то мужчина, похоже, один из охранников.

Мужской голос звал Чернова:

– Алексей Юрьевич, Алексей Юрьевич!

– Дапусти ты меня! – громко визжала женщина. – Алексей! Леша!.. Дапусти ты меня! Я хочу только знать, что с ним все в порядке! Где он?

– Что случилось, Иван? – Третий голос Инга сразу узнала, он принадлежал Чернову.

Охваченная любопытством, Инга шагнула к двери, попросив Лизу:

– Побудь здесь, я сейчас вернусь.

– Я с тобой! – Лиза рванулась за ней следом.

– Лиза, я туда и обратно. Побудь здесь.

Инга осторожно высунулась в коридор, откуда доносились голоса, и увидела, что Алексей, хмурясь, стоит в дверях библиотеки, а поблизости охранник удерживает за руку девушку. Это была Анна.

– Отпусти ее, Иван. Ты можешь идти. Аня, что случилось?

– Тебя убить хотели! Я это знаю, знаю! – истерично прокричала Анна и неожиданно бросилась Алексею на грудь и разрыдалась. Вид у нее был такой, будто она прибежала откуда-то в большой спешке: волосы, обычно затянутые в хвост, растрепались и болтались спутанными неопрятными прядями, а блузка выбилась из-под юбки.

– Аня, успокойся. Успокойся! Что случилось? Ты можешь мне сказать? – Алексей кое-как отодрал девушку от себя и легонько встряхнул ее за плечи.

Инга замерла в коридоре, шокированная и одновременно заинтригованная этой некрасивой сценой. Да простит ей Чернов ее любопытство. Она быстро оглянулась на дверь комнаты – не вышла ли в коридор и Лиза. Но нет, девочка послушно осталась сидеть в комнате. Удивительно!

– Тебя... тебя убить хотели... Я подслушала. Мастер, это он... Приказал. Чтобы твою машину испортили... Я подслушала. Он меня запер... А я сбежала. Я боялась, что... не успею... Они... страшные люди... Тебя приказал... – Аня размазывала по лицу слезы, всхлипывая и икая, в ее бессвязном бормотании трудно было разобрать смысл.

Алексей, нахмурившись, произнес:

– Ничего не понимаю. Пойдем в библиотеку, Анна, ты мне все там расскажешь.

– Нет! Я больше ничего не знаю! – она вновь перешла на крик и попыталась вырваться, но Алексей обнял девушку за плечи и повел в библиотеку.

Заметив в коридоре Ингу, он тихо попросил:

– Принеси Анне воды.

Инга коротко кивнула и побежала на кухню.

Когда она со стаканом воды снова поднялась на этаж, из библиотеки доносились перемежающиеся рыданиями выкрики Анны и рассерженные, полные гнева, реплики Алексея.

– Ты же ведь был со мной... Тебе ведь понравилось, почему мы не можем быть вместе...

– Аня, это была ошибка! Прекрати истерику. Ты очень некрасиво себя ведешь!

– А ты – красиво? Красиво?! – Голос Анны вновь сорвался на высокий, режущий слух истеричный визг.

Инга остановилась перед приоткрытой дверью библиотеки, сомневаясь, стоит ли входить. Но, решив, что Анне необходимо выпить

воды, чтобы успокоиться, толкнула дверь.

– Аня, вот, выпей воды, пожалуйста... – Она подошла к девушке и протянула ей стакан.

– И ты здесь?! – Анна резким движением выбила стакан из рук Инги.

Инга вздрогнула и растерянно уставилась на осколки и разлившуюся по паркету лужицу.

– Анька, что ты себе позволяешь?! Я сейчас вызову охрану! – Алексей схватил Анну за плечи, но та, ужом выскользнув из его рук, кинулась к Инге.

– Дрянь, ты мне все испортила! Я столько сил вложила! – Она размахнулась и залепила Инге весьма ощутимую пощечину.

Алексей, изловчившись, схватил Анну под мышки и оттащил ее от Инги.

– Инга, зови охрану!

– Он спал со мной! Как и с тобой! Но у тебя ничего не получится, я все равно разлучу вас! – Аня замолотила в воздухе кулаками, стараясь дотянуться до Инги, и одновременно пыталась лягнуть ногой удерживающего ее Чернова. – Он был моим первым мужчиной! И единственным! Я изведу тебя, дрянь!

– Ну что ты стоишь!!! Позови охрану! – рявкнул Чернов на замершую в растерянности Ингу.

– Зачем ты заперла Лизу в «коридоре»? – не слушая Алексея, тихо спросила Инга.

Анна, огорошенная ее вопросом, временно перестала извиваться и замерла.

– Я спрашиваю, зачем ты заперла Лизу? Чем тебе помешал ребенок?

– Я отомстила Мастеру! Он решил за меня, что я не имею права на свою любовь! Ему не угодно, чтобы я была с Алексеем – это противоречит его планам! И я отомстила ему. Чтобы он тоже не получил то, что желает! Ему нужна Лиза – эта маленькая ведьмочка, эта дрянь!

– Не смей так называть мою дочь! – взревел Чернов и с силой тряхнул Анну.

– А как мне еще называть ее?! Это я ее открыла! Я! Я увидела однажды, как она входит в «коридор» – в ту ночь, когда была с тобой, когда ты меня ласкал... Зачем я рассказала о ней Мастеру? Зачем? Наивная, думала, он меня наградит...

– Инга, позови же охрану, сколько можно повторять!

– Пока Анна не расскажет все, что знает, не позову!

– Ты разве не видишь, что она – буйная сумасшедшая?

Алексей с трудом удерживал Анну, удивляясь, откуда в этой маленькой и хрупкой девушке столько сил. Ее сопротивление было подобно агонии загнанного в угол зверя, который чует свой конец, однако сражается до последнего.

– Черт, почему охрана до сих пор не здесь? Ведь в библиотеке – видеонаблюдение...

– Твои видеокамеры испорчены, Чернов! Твои охранники видят лишь пустое помещение. Ты об этом не знал? – засмеялась Анна сквозь слезы и, изловчившись, вновь ощутимо лягнула Алексея в ногу. Мужчина тихо охнул и ослабил хватку. Этого оказалось достаточно, чтобы девушка вырвалась. Выставив перед собой руки, пятясь от Алексея и Инги к стене, она завизжала:

– Не подходите ко мне!!! Не трогайте меня! Или я прокляну вас так, что мало не покажется!

– Сумасшедшая. Ведьма, – наступая на нее, процедил сквозь зубы Алексей.

– А что ты об этой скажешь? – Анна, пятясь, нервно кивнула на Ингу. – Она – не ведьма? А дочь твоя?

– Заткнись!

– Кто такой Мастер? – встряла Инга.

– Ничего я тебе не скажу! Ни тебе, ни ему! – выкрикнула Анна и нервно оглянулась назад: еще чуть-чуть, и она окажется прижатой к стене.

– Это мы еще посмотрим, скажешь или нет, – Алексей протянул руку, чтобы ухватить Анну за плечо.

– Не трогай меня!!! – Анна резко дернулась назад, чтобы уклониться от его руки. Оступившись, она нелепо взмахнула руками и упала прямо в открытый «зеркальный коридор». Но прежде чем Инга и Алексей успели опомниться и что-либо предпринять, в библиотеку вихрем ворвалась Лизавета. Схватив со стола настольную лампу, девочка подскочила к зеркалу и изо всех сил ударила по нему лампой. За долю секунды до того, как зеркало взорвалось градом сверкающих осколков, Алексей успел оттолкнуть дочь в сторону и заслонить собой Ингу.

– Она убила мою мамочку. – Голос Лизаветы рассек, как нож, наступившую тишину.

И в этой вязкой, глубокой, сиропообразной тишине ее голос прозвучал подобно взрыву – во сто крат громче, чем звон разлетевшихся зеркальных осколков.

– Она убила мою маму, – тихо и внятно повторила Лиза, указывая дрожащей рукой на так страшно опустевшую зеркальную раму, в которую

упала Анна. И, присев на корточки, закрыла ладошками лицо.

Потрясения, случившиеся за минувшую ночь и утро, не прошли для Лизы бесследно и вылились сначала в истерику, а потом – в лихорадку с ознобом и высокой температурой. Инга настояла на том, чтобы Алексей вызвал детскую «Скорую». Лишь после того, как врачи уехали, а Лиза, напоенная теплым чаем и лекарствами, крепко уснула, у Алексея и Инги появилась возможность поговорить с глазу на глаз.

Алексей пригласил Ингу в свой кабинет и, не спрашивая ее мнения, налил в два стакана коньяку.

– Пей, тебе досталось не меньше, чем нам всем. А то и больше.

– Спасибо.

Девушка с благодарностью приняла из его рук стакан и сделала маленький глоточек. Алексей же выпил свой коньяк залпом.

– Я попрошу Нину Павловну принести нам сюда кофе. Или тебе лучше чай?

– Давай кофе.

Они в дружном молчании потягивали коньяк, дожидаясь, когда домработница принесет кофе. Когда Нина Павловна, разлив кофе по чашкам, ушла, Алексей нарушил молчание:

– Лиза сказала, что Анна якобы убила Кристину...

– Убила – не в том смысле слова, как выразились бы криминалисты, а в некотором другом. Скажем так, Кристина умерла не без ее помощи.

Алексей сделал по кабинету круг с чашкой в руках и сел на край стола напротив Инги.

– Объясни.

– Я не знаю, что именно сделала Анна. Но она «помогла» Кристине умереть с помощью магии. Это возможно, Алексей.

– Но зачем?! Зачем?!

– Ей нужен был ты. А Кристина – соперница, помеха.

Алексей помолчал и затем нехотя признался:

– Анна сказала, что мы с ней были вместе. Это правда. У нас случилась близость уже после того, как Кристины не стало. До сих пор не могу понять, что на меня тогда нашло, зачем я привел ее в свой дом. Как вообще такое могло случиться?.. Словно в дурмане, в бреде я был. После того что случилось, я стал избегать Анну. Впрочем, она тоже больше не приходила в мой дом.

– Анна – дальняя родственница Кристины?

– Да, какая-то... – пожал плечами Алексей. – Появилась в городе пару лет назад. Часто бывала в нашем доме. Мы с Кристиной ей помогли в плане обустройства. Кто бы мог подумать, что так выйдет... Ведьма, самая настоящая ведьма.

Он помолчал, словно его одолевали какие-то сомнения и, поставив чашку на стол, спросил:

– Анна назвала мою дочь ведьмой. И тебя тоже.

– Алексей, в это слово можно вложить разный смысл, – улыбнулась Инга, чтобы немного успокоить его. – Твоя девочка не превратится в злобную каргу, которая летает на помеле и питается кровью невинных младенцев. Я тебе уже сказала, что Лиза обладает особыми способностями. Но у нее нет знаний. Пока. Если найдется человек, который передаст ей свой опыт, твоя Лизавета может стать великим человеком. Не воспринимай магию как некий негатив. С ее помощью можно вершить добрые дела. Эти способности – как миссия, избрание... Моя бабушка была сильной ворожейкой, как я это называю. Ее слава ходила далеко за пределами этого города. Но она никогда не делала ничего дурного, никогда не бралась за «черные» дела. Ее действия не были направлены на то, чтобы навредить кому-то. Она очень много чего делала хорошего: лечила, снимала порчу, помогала людям обрести счастье и удачу. Потом бабушка передала мне свои знания и умения. У меня она разглядела способности, подобные тем, которыми обладает Лиза. И примерно в том же возрасте. Береги свою девочку, Алексей.

Он, не зная, что сказать, лишь согласно промычал.

– Видимо, в роду у Кристины уже были люди, наделенные такими способностями. Анна унаследовала их, только использовала, мягко говоря, не на благо. Твоя дочь, как я уже сказала, тоже обладает Силой. А зеркало – это лишь атрибут магии, переходивший по наследству. Лиза нашла в книге листок с описанием ритуала и с заклинанием. Она попробовала – у нее получилось. Лиза показала мне этот листок. Между прочим, она подложила его в книжку про Гарри Поттера и дала тебе: надеялась, что ты будешь читать книгу и найдешь его и тогда вы вместе побываете в гостях у Кристины. Она очень надеялась на это.

– Мда... – задумчиво проговорил Алексей. – Как ты догадалась, что именно Анна заперла Лизу?

– Я не говорила тебе, но я... знала, что Крестину кто-то извел. Почувствовала. Не буду объяснять как. Потом, Макс, который якобы за мной ухаживал – сводный брат Анны. И ухаживал он за мной лишь для

того, чтобы не допустить наших с тобой отношений. Макс проговорился, что я перешла дорогу его сестре. Они пытались выжить меня из города, и журнальчик тебе они же подсунули. В общем, я поняла, что существует некая дамочка, которой ты весьма небезразличен. Только, если честно, я думала, что это Машка... – сконфуженно призналась Инга. Алексей не ответил, лишь приподнял брови.

– Потом ты сказал, что Анна приходила к тебе на собеседование...

– Да, мы беседовали здесь, в этом кабинете. Я на время отлучился, Аня оставалась одна, – подтвердил Алексей и разлил остатки кофе из фарфорового кофейника по чашкам.

– Возможно, Анна увидела, как Лиза идет в библиотеку. И закрыла коридор.

– Ну, в общем-то, все встало на свои места, тайны раскрыты... – Алексей хлопнул себя по коленям и резко встал.

– Да, если не считать Аниной информации про некоего Мастера и его непонятные планы на Лизу, – осторожно напомнила Инга.

– Обломается этот неведомый «мастер»! Я поставлю вокруг своей дочери такую охрану, что ему и не снилось!

– Лучше увези Лизу, Алексей, увези из этого города. Мой тебе совет, увези ее.

– Ты воспринимаешь это так серьезно? – Алексей недоверчиво вскинул брови.

Инга, глядя ему в глаза, ответила:

– Есть основания. После всего, что тут уже произошло, будь осторожен, Алексей. Береги себя и Лизу.

– Ладно, я об этом подумаю, – согласился он и, меняя тему, весело спросил: – Значит, ты у себя там, в Москве, занимаешься ворожбой? Вот уж не подумал бы! Мне как-то проще думать, что ты – психолог.

– А я и веду частную практику психолога! Но до недавнего времени успешно совмещала ее с практикой ворожейки! Только, как и моя бабушка, я никогда не занималась «черными» делами. Как-то давно, когда я еще только училась у бабушки, она мне сказала, что, если я применю свою Силу кому-то во вред, она пропадет. Сказала, что наложила на мою Силу такое специальное заклинание. И я поверила! – призналась она и тут же, прикрыв рот ладонью, зевнула. – Леш, мне пора... Я устала и очень хочу спать.

– Оставайся здесь, – гостеприимно предложил он.

– Нет. У меня там вещи остались. Я хочу переодеться, привести себя в порядок и выспаться.

– Ладно, уговорила, – нехотя сдался Алексей. – Я тебя провожу.

По дороге к Ингиному домику они молчали. Лишь когда они подошли к калитке, девушка вяло, словно нехотя, созналась, что послезавтра уезжает.

– Останься, пожалуйста! Я прошу тебя, – с мольбой проговорил расстроенный Алексей. – Ты нужна мне. И Лизе.

– У меня там дом, Алексей, – с горечью ответила она. – И я хочу вернуться. У моего брата на днях сын родился.

– Но... мы с тобой не расстанемся?

– Надеюсь, что нет, – улыбнулась она и устало произнесла: – Алексей, давай поговорим завтра? У меня будет к тебе одна просьба.

– Какая?

– Мне надо найти в этом городе человека, который бы за плату согласился ухаживать за могилами моих родных. Я редко здесь бываю. Брат мой тоже. А могилки наших родителей и бабушки находятся в запустении.

– Хорошо. Найдем мы такого человека. Завтра обсудим, – лаконично ответил Алексей и с некоторой тревогой в голосе спросил: – Мы ведь завтра увидимся, да?

– Обязательно! – пообещала Инга и, торопливо поцеловав его, убежала.

Когда она уже легла в постель, в дверь ее флигелька постучали. Девушка торопливо натянула брюки и подошла к двери.

– Кто там?

– Это Павел, сотрудник службы безопасности Алексея Юрьевича. Вы меня знаете.

Инга рывком распахнула дверь.

– Что-то случилось?

Лицо у парня было встревоженное, и это еще больше взволновало девушку.

– Меня за вами Алексей Юрьевич отправил. С девочкой, Лизой, плохо...

– Что с ней?

Инга уже спешно застегивала босоножки.

– Точно не знаю... Алексей Юрьевич очень просил, чтобы вы приехали.

– Да-да, конечно!

– У меня там машина, – Павел махнул куда-то в сторону дороги. – Я отвезу вас.

На улице, усаживаясь машину, Инга снова громко с тревогой спросила:
– Паша, скажи мне, что с Лизой? Что Алексей Юревич сказал? Врача вызвали?

– Да ничего Алексей Юревич мне не сказал! Сами знаете: минимум информации, только распоряжения. Я ж его охранник, а не доверенное лицо.

– Ясно. Поехали.

Павел вел машину молча, и девушка, поняв, что расспрашивать его бесполезно, уткнулась в окно.

Однако молчала она недолго. Машина проскочила поворот на дорогу к дому Алексея и помчалась дальше. Инга бросила удивленный взгляд на Павла: тот со спокойным видом вел машину и, выехав на незнакомую девушке дорогу, прибавил скорость.

– Паша, куда ты меня везешь?

Он проигнорировал ее вопрос, и на его лице, как на лице манекена, не отразилось никаких эмоций.

– Паша! Ты куда меня везешь?! – Инга занервничала и заелозила на сиденье.

– Тихо. Не дергайся. Куда надо, туда и везу. Потом узнаешь, – бросил он. – Сюрприз! От Алексея Юревича.

Машина вылетела за город и мчалась теперь уже по узкому серпантину на рискованной скорости.

– Останови машину! Ты слышишь? Останови!!! – Инга необдуманно попыталась вырвать руль из рук Павла, и парень, не отрывая взгляда от дороги, одной рукой неожиданно и метко хлестнул девушку по лицу.

– Успокойся, дура. Разобьемся.

Инга присмирела и, прижав ладонь к горячей от удара скуле, с ненавистью на него зыркнула.

– Заколебала ты меня своими расспросами! Приедем, все и узнаешь.

Машина свернула на узкую проселочную дорогу, проходящую по краю склона. Мелькнул указатель с поворотом на поселок, название которого Инга не успела прочитать. Она покосилась на Павла: тот с непроницаемым лицом, будто похищение человека – вполне обычное явление, повернул по указателю. Когда машина немного сбросила скорость на повороте, девушка одним движением распахнула дверь и выпрыгнула. Но, покотившись по склону, она ударилась головой о какую-то корягу и потеряла сознание.

Инга очнулась от холодных прикосновений ко лбу. Кто-то с материнской заботой осторожно смачивал ей лоб влажной салфеткой.

Девушка открыла глаза и с удивлением увидела дядю Сашу – соседа хозяйки, у которой снимала флигелек. Это он ласково обтирал ее лоб и лицо.

– Очнулась, милая? Вот и хорошо! – дядя Саша, обрадовавшись, улыбнулся и сокрушенно поцокал языком: – Как же это ты, девочка? Расшиблась, миленькая...

– Дядя Саша...

Язык еле ворочался, а губы и горло пересохли от жажды. Инга закашлялась и поморщилась от боли в груди: неужели при падении сломала ребра?

– Вот, попей, попей, моя хорошая... – Дядя Саша с трогательной осторожностью приподнял девушке голову и поднес к ее губам кружку с водой. Инга сделала жадный глоток и в изнеможении откинулась назад.

– Дядя Саша, как... вы... меня нашли? И где я?

– У меня ты, милая, у меня.

Пожилой мужчина отошел от девушки и, отвернувшись, чем-то зашуршал.

– А как я тебя нашел... Неважно. Главное, что нашел.

Инга, поморщившись, пошевелилась и с неприятным удивлением обнаружила, что лежит обнаженная на широкой и длинной лавке, а ее ноги и вытянутые за головой руки крепко привязаны к деревянному сидению.

– Зачем вы меня связали? – забеспокоилась она и снова закашлялась. – Развяжите!

– Миленькая, да ты ж такая прыткая, что иначе и нельзя, – пояснил дядя Саша с доброжелательной улыбкой, в руке он держал какую-то мисочку. – Это же надо додуматься – прыгать из машины на ходу! Я уж дал разгону этому безмозглому мальчишке, который чуть тебя не угробил.

– Дядя Саша, развяжите меня!

– Потом, миленькая, потом. Хоть ты и не сможешь навредить мне сейчас несвязанная, да все же мне как-то спокойней, если ты не дергаешься.

Ласково приговаривая, мужчина принялся брать из миски горстями какую-то тягучую мазь и нежно размазывать ее по телу девушки.

– Сейчас, скоро все закончится – твои мучения, твоя боль. Потерпи немного.

– Я не понимаю!..

Девушка попыталась дернуться, увернуться от прикосновений чужого человека к ее обнаженному телу, да куда там! Она была крепко привязана к лавке.

– Не надо ничего понимать, хорошая! Не разговаривай, не трать силы на пустые разговоры. Не трать их.

Закончив намазывать ее тело мазью, дядя Саша отставил мисочку и сел прямо на пол рядом с лавкой, на которой лежала Инга.

– Красивая какая ты... – Он произнес эти слова не с плотоядным вожделением полного сексуальной энергии мужчины, а с отеческим умилением и восхищением. Так отец, не сдерживая сентиментальных эмоций, любит юной красотой своей дочери. И с искренним сожалением вздохнул: – Жалко мне тебя. Да что поделать. Нужна ты мне, хорошая моя, очень нужна. Надя Савёлова, твоя бабка покойная, вложила в тебя всю свою Силу. Спрятала ее от меня. А мне-то ведь требовалось ее Силы всего-то ничего. Так, пустячок. Твоей бабки не ubyло бы, а я бы совершил великое открытие – осуществил Дело всей моей жизни. Но...

Дядя Саша развел руками и поднялся на ноги.

– Пожадничала твоя бабка, не захотела делиться со мной своими знаниями. Да только кому она этим хуже сделала? Не мне, а своей внучке, которой придется теперь пострадать по-настоящему. И зачем, спрашивается, нужна была такая жертва? Неужели мудрая Надежда Васильевна не могла посмотреть будущее и предугадать такой исход? Неужели не поняла, что я все равно найду недостающую мне Силу – у тебя, у кого-то другого?

– Вы – Мастер... – еле слышно выдохнула Инга.

Дядя Саша тихо и по-домашнему уютно засмеялся:

– Ну, может кто-то так меня и зовет... Пашка, да Анечка звала. А для тебя я – просто дядя Саша. Какой я тебе Мастер? – Он удивленно наморщил лоб и улыбнулся. Если бы не абсурдность ситуации и ожидание чего-то ужасного, радушие дяди Саши можно было бы принять за душевное гостеприимство.

Инга обвела взглядом место, где находилась. Это была небольшая комната или, вернее, нежилое помещение наподобие чулана или сарая с деревянными бревенчатыми стенами и крашеным потолком. Краска на потолке большей частью облупилась, и местами проглядывали подгнившие доски. Из мебели здесь были только лавка, на которой лежала Инга, и старый стол. На столе стояли какие-то миски и зажженные свечи в граненых стаканах вместо подсвечников. Окна в помещении отсутствовали, свечи были единственным источником света. Остальные лежавшие на столе предметы Инга рассмотреть не смогла.

– Я у вас дома?

Удивительно, находясь в опасности, она не впала в истерику, а

пребывала в странном блаженном спокойствии. Будто смирилась с уготовленной ей участью.

– Да нет, что ты! Зачем мне привозить тебя в свой дом? Ты бы крик подняла, а там у меня – соседи, люди, туда-сюда. Лишние хлопоты и помехи! А здесь – тишь да благодать. Это – заброшенный дом, сюда никто не сунется.

Дядя Саша отвернулся к столу и принялся что-то толочь в миске. Казалось, гостеприимный хозяин готовит для дорогой гостьи свое коронное блюдо. Инга, наблюдая за ним сквозь опущенные ресницы, закашлялась и попросила:

– Дайте попить...

– Конечно-конечно, моя хорошая!

Дядя Саша подошел к ней с кружкой и снова помог напиться. Из него получилась бы отличная заботливая нянька или сиделка.

– Значит, вам нужная моя Сила...

– Ты умная девочка, правильно поняла. Да, мне нужна твоя Сила – вся, без остатка. К сожалению, придется пожертвовать твоей жизнью ради этого. Сама понимаешь...

– Если вы опустошите меня, вы оставите в покое Лизу? Девочку Лизу, за которой вы охотились?

Дядя Саша тихо и добродушно рассмеялся и склонился над девушкой:

– Солнышко мое, не хочу тебя расстраивать, но ты сильно переоцениваешь свои возможности. Да, она мне очень поможет, твоя Сила. У тебя ее много – своя собственная и та, которую передала тебе бабушка. Но мне этого будет мало. И мне нужна другая Сила – девственная и кристально-чистая, как горный ручей с хрустальной водой талых ледников. Такая, какая есть у Лизы – этой непорочной девочки.

– Но... зачем вам?

– Жить хочу, родная моя. Не просто жить – короткий срок, а вечно. Я знаю, как это сделать. – Дядя Саша развел руками и весело подмигнул. – К сожалению, я болен, и почти вся моя собственная Сила ушла из меня, как вода сквозь сито. С твоей помощью я избавлюсь от болезни, а уж с помощью Лизочки обрету вечную жизнь и молодость. Все так просто...

– Вы сумасшедший.

– Нет, я – гений! – просто ответил мужчина.

У Инги от ужаса при виде того спокойствия, с которым он делился с ней страшными вещами, кожа покрылась мурашками.

– Если бы твоя бабка в свое время не отказала мне в помощи, все бы сложилось по-другому. Иначе. Я долго искал донора, пока не вышел на эту

девочку. Благодаря Анне. Какое-то время я просто следил за девочкой с помощью моего человека Павла. Нелегко было устроить его на службу к подозрительному Чернову, но все же это нам удалось. Хороший он парнишка – Паша, исполнительный... Да только способностей у него маловато.

Дядя Саша отошел к столу и поправил одну покосившуюся свечку, а затем снова вернулся к Инге и присел на корточки рядом с лавкой.

– Паша должен был следить, чтобы с девочкой не случилось ничего плохого там – в *другой* параллели. Он просто засекал время, когда она отправлялась по коридору в библиотеку, в которой он еще раньше испортил камеры наблюдения, и терпеливо ждал. Лиза всегда бывала *там* только определенное время. Быть *там*, это все равно что, задержав дыхание, нырнуть под воду. Долго не пробудешь. Ну да ты это уже знаешь.

– Зачем вы мне все это рассказываете?..

– А тебе разве не интересно? – искренне удивился дядя Саша. – Мне казалось, что ты – довольно любопытная девушка.

Инга не нашла, что ответить, и прикрыла глаза.

– Я живу один, милая моя, и мне иногда так хочется поговорить по душам с кем-нибудь, кто бы меня понял...

– Павел покинул свой «наблюдательный пост» и помчался сообщать вам, что Лиза попала в беду, – сказала девушка, вновь открывая глаза и в упор глядя на старика.

– Это входило в его обязанности – сообщать мне о любых, даже незначительных событиях.

– И вы, когда Лиза оказалась спасена, приняли решение, что ее пора забрать.

– Я больше не мог так рисковать моей дорогой девочкой!

– И приказали Павлу испортить машину Алексея.

– Ну ты просто умница, – с умилением произнес дядя Саша и даже, расчувствовавшись, по-отечески поцеловал девушку в лоб. – Обо всем сама догадалась! Интересно, сейчас догадалась или раньше? Наверное, раньше, да? Потому что поставила Чернову охранку. Хитрюга!

Дядя Саша засмеялся и погрозил девушке пальцем, словно в шутку выговаривая ей за шалость.

– Я просто восхищен тобой, моя сладкая! До чего же сильные ты умеешь делать обереги... Твой Чернов теперь словно в тройной броне – ничто ему не повредит. Ну да ничего, сниму я с него твою охранку – с помощью твоей же Силы. А никак иначе и нельзя... Ну все, миленькая моя, хватит. Хорошо мы с тобой поговорили, душу я отвел в разговоре с тобой,

да только пора к делу приступать.

Дядя Саша взял со стола бобину широкого скотча и вернулся к девушке.

– Прости, придется попросить тебя помолчать. Помешают разговоры ритуалу! Да и вдруг ты укусить меня вздумаешь... А я не люблю, когда женщины кусаются, – простодушно поведал он и, отрезав ножом нужной длины полоску, бесцеремонно заклеил засопротивлявшейся Инге рот. – Жаль мне тебя. Вот искренне жаль, веришь? Да только, девочка моя, жить я очень хочу. Да нахожусь во власти собственного интереса – а получится ли у меня Дело, в которое я столько сил вложил?

Дядя Саша, продолжая непринужденно болтать, занимался какими-то своими приготовлениями: что-то опять толоч в миске, пробовал на язык порошок, в который только что растер неизвестные ингредиенты, поправлял свечи. Инга наблюдала за ним со смирением, понимая, что ее уже ничто не спасет. Конечно, можно было бы тешить себя нелепой надеждой, что кто-то («кто-то» – не кто иной, как Чернов) ворвется в это помещение и спасет ее от чудовищных экспериментов сумасшедшего. Но нет, хеппи-энды такого рода свойственны только голливудским фильмам.

Дядя Саша, бормоча вполголоса заклинания, поджег в миске порошок и окуривал помещение сладковатым дымом, от которого у Инги защекотало в носу.

Когда все помещение наполнилось едким одурманивающим дымом, мужчина вылил в миску стакан воды и помешал содержимое палочкой. Продолжая нашептывать, он обрызгал зажмурившуюся девушку получившейся смесью и пальцем начертил на ее животе какой-то знак.

– А теперь, сладкая, придется тебе немного потерпеть... – С этими словами он взял в руки нож. Инга в ужасе зажмурилась, представив, что сейчас острое лезвие вонзится ей в грудь или живот. Но дядя Саша быстрым и ловким движением, будто занимался этим постоянно, полоснул ее по запястью. Инга дернулась от боли и глухо застонала.

– Ш-ш, хорошая моя, ш-ш-ш... – почти касаясь губами ее уха, с нежностью прошептал сумасшедший. И почтительно поцеловал девушку в порезанное запястье. – Я выпустил твою Силу. Скоро я заберу ее себе. Спокойной ночи, моя девочка. Пусть твой вечный сон будет сладким. Спокойной ночи... Спокойной вечности.

Инга, не раскрывая глаз, безмолвно заплакала: умирать было страшно. Старик провел языком по ее щеке, слизывая слезы, и девушка поморщилась от отвращения.

– Это – тоже часть твоей Силы. Не плачь, милая. Вечность – это

сладкий сон. Это – беспроблемность, это – умиротворение... Я буду помнить тебя тоже вечно – в моей вечности, в другой, которая тебе будет уже недоступна.

Он подставил ладони под стекающие на пол струйки крови из ее порезанного запястья.

– Уже скоро, моя хорошая, скоро...

Инге казалось, будто она проваливается в мягкую вату, одурманенная сладковатым дымом и ослабленная потерей крови. А ведь дядя Саша прав в чем-то. Вечность – это не так страшно. Смерть – это сон. Глубокий сон. Беспроблемность. Жаль только, что близкие ей люди будут страдать... Их – жалко.

Ее сознание подергивалось дымкой – мягко, постепенно. Так спускается ночь на город – словно сходит по ступеням лестницы, ведущей из неба. Так странно... Совсем недавно, сколько-то месяцев назад, она тоже умирала – и боролась. Но в этот раз бороться не сможет. Дядя Саша, радушный и приветливый сосед, в чьем саду растет такая вкусная и сладкая, как нектар, черешня, заберет у нее всю ее силу. Ее жизнь.

Инга услышала рядом с собой тихий шорох и с трудом подняла веки. Мужчина, приговаривая что-то себе под нос, снял с себя всю одежду и, дотронувшись пальцем до кровоточащего запястья девушки, мазнул испачканным в ее крови пальцем себя по впалой груди. А затем осторожно лег на девушку сверху, вдавив ее в жесткую деревянную лавку. Инга даже не почувствовала отвращения: ей уже было все равно. Она не была собой, она была частью Вечности, гостеприимно принимающей ее в свои мягкие объятия.

– Скоро, моя девочка, скоро. Ты отдаешь мне свою Силу. Ты отдаешь ее мне...

Ее Сила послушно, словно загипнотизированная змея – за дудкой, следовала за этим зовом. Она не скапливалась в порции, не свертывалась, как кровь, она текла ровно и вливалась в дядю Сашу, как река – в море.

– Ты – моя сладкая. – Дядя Саша любовно гладил Ингу по волосам, и эти прикосновения казались девушке невесомыми.

Между их двумя вечностями уже наметился разлом, который скоро превратится в безнадежно разделившую их бездну.

– Я чувствую твою энергию в себе. Она разливается по моему телу. Как же ты хороша, девочка! Как сладка и нежна твоя Сила! Почти непорочная, светлая и чистая... Ее еще мало во мне. Но скоро она наполнит мое тело.

Убаюкивающий, как колыбельная, голос дяди Саши еще касался

сознания девушки, но постепенно становился все тише и тише. Инга уже не чувствовала на себе тяжести чужого тела. И ее собственное тело стало легким, как воздушный шарик.

Губы дяди Саши почти соприкасались с ее губами, но не было и намека на похоть или страсть, его желания были куда выше примитивного совокупления.

Короткая, почти счастливая мысль, заблудилась в затуманенном сознании девушки: «Бабушка, я скоро буду с тобой... Я скоро буду с тобой...»

– Проклятие!!!

Неожиданно резкий и громкий крик дяди Саши отрезвил, как пощечина. Инга даже сумела приоткрыть глаза – на короткое, как вспышка, мгновение. И увидела, что пожилой мужчина, обхватив себя руками, с воем катается по полу.

«Что с вами, дядя Саша?» – спросила бы она, если бы смогла.

– Про-оклятие-е-е... – Старик уже мог только протяжно стонать. – В-едьма-а-а... Твоя-я-я... Бабка-а-а-а...

Под протяжные стоны дяди Саши Инга плавно погружалась в сон. Вечность не обманула, она все равно ждет ее.

«Ну здравствуй, моя милая! – Бабушка встречала ее с ласковой улыбкой. – Как тебе мой фокус, Инночка? Знала я, знала, что рано или поздно этот ничтожный человек найдет тебя. И заговорила тебя немножко... Чтобы ни один дрянной человечешко не смог воспользоваться твоим сокровищем в своих грязных целях. Сделала так, чтобы твоя Сила, без твоей воли попав в чужое тело, разъела бы его изнутри, подобно кислоте. Жестоко, но что поделать...»

Бабушка сокрушенно вздохнула и строго добавила: «Но это справедливое наказание воров. Как ты думаешь?»

«Я думаю как ты, бабушка».

«Понравился тебе мой фокус?» – хитро улыбнулась бабушка, и в каждой морщинке на ее лице тоже отразилась улыбка – озорная, как после удачной проказы.

«Понравился», – слабо улыбнулась в ответ Инга. И, шагая в вечность, еще слышала какой-то посторонний, отдаленный шум в помещении.

Дядя Саша не обманул: вечность и правда оказалась сном. В ней не было суеты – дядя Саша и здесь оказался прав. Это было умиротворение. Сладкий сон без сновидений.

Но иногда ее слуха застенчиво касались голоса, вызывающие недоумение: ведь она же умерла, почему тогда слышит не умерших людей – бабушку, родителей, дядю, – а тех, кто остался там, в другом мире? Ей слышался то голос Лизы, читающий какую-то книгу, то голос Алексея, произносивший что-то с заботливыми и тревожными интонациями. Инге приятно было слышать их голоса, но в то же время она с горечью понимала, что, раз слышит Алексея и Лизу, значит, Мастер добился своего – убил их. Но здесь можно встретиться. Инга верила в это и терпеливо ждала, когда однажды не только услышит Лизу и Алексея, но и увидит их. И в то же время начинала волноваться, что здесь – в вечности – Алексей и Лиза воссоединятся не с ней, а с Кристиной, блуждающей по «зеркальным параллелям».

В какой-то момент ей послышался голос брата, но она постаралась убедить себя в том, что ошиблась. Брат не должен быть здесь, он остался там, в жизни. У него ребенок и молодая жена. Ему еще нельзя сюда, рано.

Но когда она уже почти привыкла к вечности и собралась обвенчаться с ней, вечность, как сумасбродная невеста, предала ее. Выпустила из своих объятий, оттолкнула, отвергла.

Инга открыла глаза и с непониманием уставилась на сидевшего рядом с ней брата.

– Доброе утро, спящая царевна! – как ни в чем не бывало, с улыбкой поприветствовал ее Вадим и с усмешкой спросил: – Выспалась?

Инга осторожно села, морщась от сильного головокружения, и огляделась. Она с удивлением обнаружила, что находится в комнате, показавшейся ей смутно знакомой... Ах да, это – гостевая комната в доме Алексея Чернова, здесь ей уже доводилось ночевать. Но как она здесь оказалась? И что здесь делает Вадим?

– Ты без сознания пролежала больше суток. А после того, как ненадолго пришла в себя, уснула еще почти на два дня: врачи накачали тебя лекарствами. В общей сложности ты проспала более трех дней. Доктора сказали, что ничего страшного, восстановишься ты быстро, только тебе требуется постельный режим, – отчитался, как пионер на линейке, Вадим и

ласково потрепал Ингу по волосам. – Дала ты, в общем, шороху, барышня...

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Алексей:

– Я услышал голоса...

– Правильно услышал! Спящая красавица соизволила открыть глазки.

Алексей торопливо вошел и с радостной улыбкой поздоровался:

– Ну, здравствуй, принцесса!

Он почему-то смущался и перетаптывался с ноги на ногу, мало сейчас напоминая уверенного человека с жестким характером. Инга невольно улыбнулась: Алексей снова вызвал у нее ассоциацию с добродушным неуклюжим медведем. Видимо, он стеснялся ее брата. Удивительно!

– Привет, – слабо улыбнулась Инга.

– Зря ты села, – неодобрительно покачал головой Алексей. – Врач велел тебе лежать несколько дней. У тебя небольшое сотрясение и какие-то ушибы. Допрыгалась, козочка... Я сейчас попрошу Нину Павловну принести тебе бульон. Выпьешь его и ложишься. Поняла?

– Да.

Когда Алексей вышел из комнаты, Инга торопливо поинтересовалась у брата:

– Ты-то откуда тут взялся?

– Вчера прилетел, – пояснил он.

Инге вдруг до невозможного захотелось броситься Вадиму на шею, тискать в объятиях и визжать от радости – так она рада была его видеть!

– Я несколько дней назад позвонил тебе на мобильный, а мне ответил мужчина, который представился Алексеем. Он сказал, что с тобой произошла какая-то неприятная история и ты лежишь больная. Он был очень встревожен. Я тут же взял билет на самолет и прилетел. Алексей любезно пригласил меня остановиться в его доме. И вот я тут... Жду, когда ты поправишься.

– А как же Лариса?

– А Лару выписали, она сейчас с родителями – временно, пока я в отъезде. С ней и малышом все в порядке!

Дверь приоткрылась, и в комнату снова вошел Алексей с бульонной чашкой в руках.

– Нина Павловна порывалась принести тебе бульон сама, чтобы радостно тут причитать. Но я сказал ей, что ты нуждаешься в отдыхе и все свои восторги по поводу твоего пробуждения она сможет выразить потом.

Он протянул Инге чашку с бульоном и присел на краешек кровати:

– Как ты? Как себя чувствуешь?

– Жить буду, – улыбнулась она двум любимым мужчинам, взирающим на нее с искренним беспокойством. И спросила, где Лиза.

– Ее сейчас нет дома, ушла на пляж с Машкой. Лизка тут возле тебя все сидела, книжки тебе читала, – охотно пояснил Алексей. – Маша уволилась из своего магазина и теперь будет работать у меня. Она хотела получить должность помощника бухгалтера, что ж, я согласился взять ее на испытательный срок. Завтра приступит к новым обязанностям, а пока вызвалась отвести Лизу и своего сына на пляж.

– Чувствую, новостей за эти дни накопилось... – ухмыльнулась Инга и сделала глоток теплого бульона. Аппетита не было, но бульон оказался удивительно вкусным. – Расскажите все. Как вы меня нашли, как я тут оказалась. Что вообще произошло?

– Да уж... – Алексей поскреб пальцами затылок и наморщил лоб. – Про твои приключения мы уже почти все выяснили. Только вот непонятно, что за «жертвоприношение» с тобой тот старикашка устроил?

– Он хотел забрать мою Силу... – вздохнула Инга и, поколебавшись, призналась: – И Лиза нужна ему была для того же.

Алексей в гневе вскочил на ноги, а Вадим нахмурился:

– Вернемся в Москву, и я строго-настрого запрещаю тебе заниматься всякой магией. Хватит уже! Доигралась. Во второй раз чуть на тот свет не отправилась из-за своих игр.

– Ничего себе! – Инга с возмущением брякнула чашкой о прикроватную тумбочку. – Да если бы не мои «игры», как ты выразился, ты бы сейчас не сидел тут и не умничал! И носили бы мы с Ларкой тебе цветочки к памяtnичку, прости за циничность. Ради тебя, неблагодарного, я пожертвовала собой в первый раз!

– С характером у тебя сестричка, – с ухмылкой заметил Алексей, обращаясь к Вадиму. – Знаком я с ней не так давно, но уже в полной мере испытал на себе ее нрав.

– Да, ангельской кротостью она никогда отличалась. Советую хорошенько подумать, прежде чем связывать свою жизнь с моей сестрой. Я вот с ней поневоле связан... – Вадим с деланным сокрушением развел руками.

Инга бросила на него негодующий взгляд, а Алексей, стараясь сохранить серьезность, задумчиво произнес:

– Пожалуй, я и правда над этим подумаю.

– Так, вы, оба! Быстро рассказывайте, как я здесь очутилась, и выметайтесь! У меня – постельный режим. Я – болею. Врач наверняка прописал мне тишину и покой!

– Да тут и были тишина и покой, пока ты не проснулась, – парировал Алексей, а Вадим фыркнул от смеха.

– Я жду! Кого благодарить за мое чудесное спасение? Ну, Чернов?

– Машку. Пустовалову. Она приходила к тебе в тот вечер. Потом сказала мне, что хотела извиниться за какие-то гадости, которые тебе наговорила. Это уже ваши женские дела, сами разберетесь! Когда Маша подходила к дому, где ты снимала жилье, она увидела, как ты садишься в машину с каким-то парнем. Ты громко с тревогой спрашивала у него про Лизу. Мария поняла, что с моей дочерью что-то случилось и ты едешь сюда, и, когда машина уехала, позвонила мне. Я, конечно, удивился, потому что не вызывал тебя, а с Лизой почти все было в порядке после похода в Зазеркалье. Но Машкин рассказ встревожил меня. Я спросил, что за парень тебя увез. Она сказала, что парень представился моим охранником, а ты назвала его по имени – Павел. У меня только один Павел-охранник. В общем, нашли мы его... К стене прижали и заставили его отвезти нас – меня и еще пару ребят – туда же, куда он отвез тебя. И застали там «расчудесную» картину. Чуть не опоздали. Ты уже без сознания была и вся в крови. Мало того, что ты на ходу выпрыгнула из машины и расшиблась, так еще эта сволочь старикашка тебе зачем-то вены вскрыл. Слава богу, мы не слишком поздно приехали!

– А что с этим... старикашкой?

– Да все уже, нет его... Он еще до нашего приезда отошел.

– Ясно, – лаконично ответила Инга. Не получилось у дяди Саши дело его жизни, ушел он не в ту вечность, о которой мечтал.

– Слушай, а что ты все про какую-то вечность бормотала? – нахмурившись, встрял Вадим. – Я пока тут с тобой рядом сидел, много чего наслушался.

– Считаю, что это был просто мой бред. Бред больного человека, – улыбнулась она и прикрыла глаза, чувствуя себя очень утомленной.

Алексей понял ее:

– Мы тебя оставим пока одну. Поспи. Ты еще очень слаба.

И поманил за собой Вадима.

Через несколько дней Инга и Вадим возвращались в Москву. Все то время, что шла регистрация и посадка на самолет, Инга не проронила ни слова, и Вадим, понимая ее грусть, не тревожил ее разговорами. И лишь когда они уже заняли свои места в самолете, он ласково взъерошил сестре волосы:

– Ладно, барышня, не грусти! Для любви расстояния не помеха!

Инга вздохнула и, положив голову брату на плечо, с надеждой спросила:

– Как ты думаешь, он приедет? Не просто в Москву, а именно ко мне?

– Приедет, – ответил серьезно Вадим. – Мне показалось, что твой Чернов – человек слова. И раз он так сказал...

Инга улыбнулась и закрыла глаза. Она не открыла их, даже когда самолет оторвался от земли, хотя любила момент взлета и всегда старалась в это время смотреть в иллюминатор.

– Взлетели, – еле слышно произнес Вадим – то ли себе, то ли Инге. В отличие от сестры, он не любил самолеты.

Инга, думая о своем, снова улыбнулась.

«Я за тобой приеду. Нет, *мы* за тобой приедем – я и Лизка».

Алексей в аэропорту не сказал ей «до свидания», тем самым дав понять, что не прощается с ней.

«Я буду ждать». – Инга, приняв его правила, тоже не произнесла слов прощания.

Город детства подарил ей бесценный подарок – любовь. И сейчас, как залог любви, она увозила с собой воспоминания о поцелуе, пахнущем морем. Он немного отдавал горечью расставания, но оставил на губах сладкое послевкусие надежды на новую встречу.